

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА, РЕШЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ КОЛЛЕГИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Если судом первой инстанции неправильно определены обстоятельства, имеющие значение для дела, то суду апелляционной инстанции следует поставить на обсуждение вопрос о представлении лицами, участвующими в деле, дополнительных (новых) доказательств и при необходимости по их ходатайству оказать им содействие в собирании и истребовании таких доказательств

*Определение Судебной коллегии
по гражданским делам Верховного Суда РФ
от 26 марта 2019 г. № 66-КГ19-1*

(Извлечение)

Межрегиональное территориальное управление Федерального агентства по управлению государственным имуществом в Иркутской области, Республике Бурятия и Забайкальском крае обратилось в суд с иском к П. и К. и администрации Иркутского районного муниципального образования о признании недействительными постановлений и об истребовании земельных участков из чужого незаконного владения, ссылаясь на то, что постановлением администрации муниципального образования от 25 июля 2011 г. дачному некоммерческому товариществу (далее — ДНТ) был предоставлен земельный участок для дачного строительства бесплатно в пользование на срок до утверждения проекта организации и застройки территории и предоставления земельных участков в собственность граждан — членов товарищества.

Из указанного земельного участка были образованы отдельные земельные участки, в том числе земельный участок, который на основании по-

становления администрации Иркутского районного муниципального образования от 19 июня 2012 г. был предоставлен Г. в собственность бесплатно.

Впоследствии данный земельный участок был разделен на два земельных участка, отчужденные по договорам дарения в пользу П. и К.

Как указывает истец, спорные земельные участки расположены в границах земель лесного фонда, а также в пределах второго пояса зоны санитарной охраны Ершовского водозабора. По мнению истца, администрацией также были нарушены требования ст. 28 Федерального закона от 15 апреля 1998 г. № 66-ФЗ “О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан” и Закона Иркутской области от 12 марта 2009 г. № 8-оз “О бесплатном предоставлении земельных участков в собственность граждан”, поскольку у членов ДНТ, созданного 30 декабря 2009 г., отсутствовали предусмотренные законом основания для приобретения земельных участков в собственность бесплатно.

Решением суда первой инстанции исковые требования удовлетворены.

Апелляционным определением решение суда первой инстанции отменено, по делу принято новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ 26 марта 2019 г. отменила апелляционное определение в связи со следующим.

Как было установлено судом, истец в обоснование исковых требований ссылался на расположение спорных земельных участков в пределах второго пояса зоны санитарной охраны Ершовского водозабора — источника водоснабжения г. Иркутска и г. Шелехова.

В соответствии с п. 1 ст. 11 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ “Об охране окружающей среды” каждый гражданин имеет право на благоприятную окружающую среду, на ее защиту от негативного воздействия, вызванного хозяйственной и иной деятельностью, чрезвычайными ситуациями природного и техногенного характера, на достоверную информацию о состоянии окружающей среды и на возмещение вреда окружающей среде.

Водный кодекс РФ, регулируя вопросы водопользования, предусматривает для водных объектов, используемых для целей питьевого и хозяйственно-бытового водоснабжения, установление зоны санитарной охраны в соответствии с законодательством о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения. В зонах санитарной охраны источников питьевого водоснабжения осуществление деятельности и отведение территории для жилищного строительства, строительства промышленных объектов и объектов сельскохозяйственного назначения запрещаются или ограничиваются в случаях и в порядке, которые установлены санитарными правилами и нормами в соответствии с законодательством о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения (ч. 2 ст. 43 названного Кодекса).

Согласно подп. 14 п. 5 ст. 27 ЗК РФ земельные участки в первом и втором поясах зон санитарной охраны водных объектов, используемых для целей питьевого и хозяйственно-бытового водоснабжения, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, ограничиваются в обороте.

При этом земельные участки, отнесенные к землям, ограниченным в обороте, не предоставляются в частную собственность, за исключением случаев, установленных федеральным законом (п. 2 ст. 27 Кодекса).

Аналогичные положения касаются и земельных участков из состава земель лесного фонда (подп. 2 п. 5 ст. 27 ЗК РФ).

Таким образом, вопрос о том, находятся ли спорные земельные участки в границах второго пояса зоны санитарной охраны водного объекта и земель лесного фонда, являлся существенным для разрешения дела, ввиду чего подлежал выяснению судом.

В соответствии со ст. 2 ГПК РФ задачами гражданского судопроизводства являются правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов указанных в ней субъектов частного и публичного права.

Частью 2 ст. 12 этого же Кодекса установлено, что суд, сохраняя независимость, объективность и беспристрастность, осуществляет руководство процессом, разъясняет лицам, участвующим в деле, их права и обязанности, предупреждает о последствиях совершения или несовершения процессуальных действий, оказывает лицам, участвующим в деле, содействие в реализации их прав, создает условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установления

фактических обстоятельств и правильного применения законодательства при рассмотрении и разрешении гражданских дел.

Согласно ч. 2 ст. 56 названного Кодекса суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, какой стороне надлежит их доказывать, выносит обстоятельства на обсуждение, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались.

В соответствии со ст. 195 ГПК РФ решение суда должно быть законным и обоснованным.

Исследовав и оценив доказательства, суд первой инстанции посчитал их достаточными для установления факта образования спорных земельных участков из земель лесного фонда и факта нахождения их в границах второго пояса зоны санитарной охраны Ершовского водозабора.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая по делу новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований, суд апелляционной инстанции сослался на недоказанность факта нахождения спорных земельных участков в границах земель лесного фонда и в пределах второго пояса зоны санитарной охраны Ершовского водозабора.

Однако в нарушение приведенных выше положений Гражданского процессуального кодекса РФ, без учета разъяснений пп. 2, 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 “О судебном решении”, п. 29 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 июня 2012 г. № 13 “О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции” суд апелляционной инстанции не поставил на обсуждение сторон вопрос о представлении дополнительных доказательств.

При этом суд апелляционной инстанции указал, что представители истца отказались от представления дополнительных доказательств и заявили о нецелесообразности проведения по делу экспертизы. Однако такое указание суда апелляционной инстанции не подтвердилось протоколами судебных заседаний, которые не содержали сведений о том, что суд апелляционной инстанции предлагал лицам, участвующим в деле, представить дополнительные доказательства или обсуждал вопрос о назначении экспертизы.

В соответствии со ст. 55 ГПК РФ одним из источников сведений о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения гражданского дела, являются заключения экспертов.

Частью 1 ст. 79 данного Кодекса установлено, что при возникновении в процессе рассмотрения дела вопросов, требующих специальных знаний в различных областях науки, техники, искусства, ремесла, суд назначает экспертизу.

По смыслу приведенной нормы при возникновении в процессе рассмотрения дела вопросов, требующих специальных знаний в области оце-

ночной деятельности, суд назначает экспертизу по ходатайству лиц, участвующих в деле, или по своей инициативе.

Поскольку по настоящему делу вопрос об охране источника питьевого водоснабжения, а также лесов как важнейшего элемента окружающей среды касается неопределенного круга лиц, то само по себе уклонение суда апелляционной инстанции от выяснения имеющих значение обстоятельств со ссылкой на непредставление истцом достаточных доказательств, подтверждающих факт отнесения спорных земельных участков к землям, ограниченным в обороте, не может свидетельствовать о выполнении судом задач гражданского судопроизводства, установленных ст. 2 ГПК РФ.

В нарушение положений ч. 4 ст. 67 и ч. 4 ст. 198 ГПК РФ в апелляционном определении не дано никакой оценки документам, прямо указывающим на нахождение земель ДНТ во втором поясе зоны санитарной охраны Ершовского водозабора, в частности проекту организации и застройки земельного участка ДНТ, распоряжению Комитета по управлению муниципальным имуществом Иркутского района от 19 мая 2011 г. об утверждении схемы расположения земельного участка и самому постановлению администрации Иркутского районного муниципального образования от 25 июля 2011 г. о предоставлении ДНТ земельного участка во втором поясе зоны санитарной охраны Ершовского водозабора.

Кроме того, в соответствии с ч. 1 ст. 327¹ ГПК РФ суд апелляционной инстанции рассматривает дело в пределах доводов, изложенных в апелляционных жалобе, представлении и возражениях относительно жалобы, представления.

Согласно ч. 2 ст. 327¹ ГПК РФ в случае если в порядке апелляционного производства обжалуется только часть решения, суд апелляционной инстанции проверяет законность и обоснованность решения только в обжалуемой части.

Суд апелляционной инстанции в интересах законности вправе проверить решение суда первой инстанции в полном объеме.

В п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 июня 2012 г. № 13 “О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции” разъяснено, что суд апелляционной инстанции проверяет законность и обоснованность судебного постановления суда первой инстанции только в обжалуемой части исходя из доводов, изложенных в апелляционных жалобе, представлении и возражениях относительно них.

В то же время суд апелляционной инстанции на основании абз. 2 ч. 2 ст. 327¹ ГПК РФ вправе в интересах законности проверить обжалуемое судебное постановление в полном объеме, выйдя за пределы требований, изложенных в апелляционных жалобе, представлении, и не связывая себя доводами жалобы, представления.

Судам апелляционной инстанции необходимо исходить из того, что под интересами законности с учетом положений ст. 2 ГПК РФ следует

понимать необходимость проверки правильности применения судом первой инстанции норм материального и процессуального права в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов участников гражданских, трудовых (служебных) и иных правоотношений, а также в целях защиты семьи, материнства, отцовства, детства; социальной защиты; обеспечения права на жилище; охраны здоровья; обеспечения права на благоприятную окружающую среду; защиты права на образование и других прав и свобод человека и гражданина; в целях защиты прав и законных интересов неопределенного круга лиц и публичных интересов и в иных случаях необходимости охранения правопорядка.

Судам апелляционной инстанции необходимо учитывать, что интересам законности не отвечает, в частности, применение судом первой инстанции норм материального и процессуального права с нарушением правил действия законов во времени, пространстве и по кругу лиц.

В случае, если суд апелляционной инстанции пришел к выводу о необходимости проверить обжалуемое судебное постановление суда первой инстанции в полном объеме, апелляционное определение в соответствии с п. 6 ч. 2 ст. 329 ГПК РФ должно содержать мотивы, по которым суд апелляционной инстанции пришел к такому выводу.

В п. 19 этого же постановления Пленума Верховного Суда РФ разъяснено, что если ранее поступившие апелляционные жалоба, представление уже приняты к производству суда апелляционной инстанции, то суд апелляционной инстанции при наличии информации о поступлении других апелляционных жалоб, представлений применительно к ст. 169 ГПК РФ откладывает разбирательство дела и при необходимости совершения процессуальных действий, предусмотренных ст.ст. 323, 324 и 325 ГПК РФ, возвращает дело в суд первой инстанции, о чем выносит соответствующее определение.

В целях соблюдения разумных сроков судопроизводства (ст. 6¹ ГПК РФ) суд апелляционной инстанции при отложении разбирательства дела вправе не направлять его в суд первой инстанции, если установит, что вновь поступившие апелляционные жалоба, представление поданы в установленный ст. 321 ГПК РФ срок (например, апелляционная жалоба была направлена по почте в установленный ст. 321 ГПК РФ срок, а в суд поступила по истечении срока апелляционного обжалования) и соответствуют всем требованиям ст. 322 ГПК РФ. В этом случае действия, предусмотренные ч. 1 ст. 325 ГПК РФ, выполняются судом апелляционной инстанции.

По настоящему делу истцом 4 сентября 2015 г. был предъявлен иск к П. об истребовании у нее земельного участка.

15 сентября 2015 г. аналогичный иск предъявлен к К. в отношении иного земельного участка.

Судом первой инстанции иски объединены в одно производство и вынесено решение об удовлетворении обоих исков.

Судом апелляционной инстанции дело рассмотрено по жалобе К., в то время как апелляционная жалоба П. не подавалась, на что было обращено внимание суда апелляционной инстанции представителем истца в судебном заседании 29 января 2018 г.

Со ссылкой на письменный отзыв П. на апелляционную жалобу К., являющегося ответчиком по другому иску, в котором содержится просьба об отмене решения суда, судом апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменено как в части рассмотрения иска, предъявленного к К., так и в части разрешения иска, предъявленного к П.

Между тем указанный выше отзыв П. на апелляционную жалобу К. согласно штампу входящей регистрации подан в суд апелляционной инстанции 14 февраля 2018 г. — спустя значительное время после истечения срока на апелляционное обжалование решения суда.

Каких-либо сведений о восстановлении П. срока на апелляционное обжалование не усматривалось.

Копия этого отзыва вручена истцу в судебном заседании в день вынесения апелляционного определения 19 февраля 2018 г.

Оценки форме и содержанию данного отзыва с точки зрения требований, предъявляемых к апелляционным жалобам, а также пропуску срока на обжалование судом апелляционной инстанции не дано.

Указания на необходимость выхода за пределы доводов апелляционной жалобы К. и на основания для такого выхода апелляционное определение не содержит.

С учетом изложенного Судебная коллегия отменила апелляционное определение как принятое с существенными нарушениями норм процессуального права с направлением дела на новое апелляционное рассмотрение.

ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

1. Оплата судебных расходов заемными средствами не лишает права на их возмещение со стороны спора

Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 6 июля 2019 г. № 305-ЭС14-7285

(Извлечение)

А. обратился в арбитражный суд с заявлением о взыскании с Агентства по страхованию вкладов (далее — агентство) судебных расходов на оплату оказанных ему юридических услуг, связанных с рассмотрением спора о взыскании с А. как председателя совета директоров банка убытков, причиненных в результате заключения различных сделок банка со своими контрагентами. А. указал, что услуги оплачены заемными денежными средствами, которые по его распоряжению займодавец перевели на счет консультанта.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, заявление А. удовлетворено частично.

Постановлением арбитражного суда округа определение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции отменены, в удовлетворении заявления отказано. Суд исходил из того, что требование о возмещении судебных расходов подлежит удовлетворению при условии фактически понесенных заявителем затрат. Судебные расходы, оплаченные за заявителя третьим лицом, могут быть взысканы в пользу заявителя, если третье лицо, осуществляя такой платеж, являлось должником заявителя по каким-либо обязательствам и тем самым исполнило свое обязательство перед последним. В данном случае договоры займа и платежные поручения не подтверждали несение расходов заявителем, а возможность несения указанных расходов А. в будущем в порядке расчетов с займодавцами выходит за рамки рассматриваемого дела и на предмет заявленных требований не влияет, так как нет доказательств того, что лица, оплатившие юридические услуги, на момент обращения заявителя в суд являлись должниками А.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ 6 июля 2019 г. отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе определение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Принципом распределения судебных расходов выступает возмещение судебных расходов лицу, которое их понесло, за счет лица, не в пользу которого принят итоговый судебный акт по делу (п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 января 2016 г. № 1 “О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела”).

В соответствии с чч. 1, 2 ст. 110 АПК РФ судебные расходы, понесенные лицами, участвующими в деле, в пользу которых принят судебный акт, взыскиваются арбитражным судом со стороны. Расходы на оплату услуг представителя, понесенные лицом, в пользу которого принят судебный акт, взыскиваются арбитражным судом с другого лица, участвующего в деле, в разумных пределах.

К судебным издержкам относятся расходы, понесенные лицами, участвующими в деле, в связи с рассмотрением дела в арбитражном суде. В судебные издержки, в частности, включаются расходы на оплату услуг адвокатов и иных лиц, оказывающих юридическую помощь (представителей) (ст. 106 АПК РФ).

Согласно п. 10 постановления Пленума лицо, заявляющее о взыскании судебных издержек, должно доказать факт их несения, а также связь между понесенными указанным лицом издержками и делом, рассматриваемым в суде с его участием. Недоказанность данных обстоятельств является основанием для отказа в возмещении судебных издержек.

Как правило, факт несения судебных издержек, связанных с оплатой услуг представителей, подтверждается совокупностью таких доказательств: соглашение сторон об оказании юридических услуг; документ, фиксирующий факт выполнения услуг; документ, подтверждающий факт передачи заказчиком денежных средств исполнителю услуг. Заказчик не лишен правовой возможности использовать для оплаты юридических услуг заемные средства.

При этом в силу п. 1 ст. 807 ГК РФ денежные средства, переданные займодавцем заемщику, переходят в собственность последнего. Если за счет заемных денежных средств заказчик исполнил свое обязательство перед лицом, оказавшим ему юридические услуги в связи с рассмотрением дела в арбитражном суде, то оснований полагать, что его имущественная масса не уменьшилась, не имеется. Как следствие, нет законных оснований для отказа в восстановлении его имущественной массы посредством применения правил возмещения судебных расходов. Не меняет положение дел факт перечисления денежных средств займодавцем по указанию заемщика непосредственно исполнителю юридических услуг, поскольку в силу п. 5 ст. 807 ГК РФ сумма займа, переданная займодавцем указанному заемщиком третьему лицу, считается переданной заемщику.

2. Если для устранения недостатков работ по договору подряда заказчиком использовались новые материалы, ввиду чего стоимость результата работ увеличилась по сравнению с договором, в обоснование необходимости снижения взыскиваемых убытков подрядчик должен представить доказательства, что существовал иной более разумный и распространенный способ исправления таких недостатков

*Определение Судебной коллегии
по экономическим спорам Верховного Суда РФ
от 21 августа 2019 г. № 307-ЭС19-5190*

(Извлечение)

Заказчик обратился в суд с иском к подрядчику о взыскании убытков, причиненных выполнением работ ненадлежащего качества. Заказчик указал на то, что подрядчик уклонился от исправления недостатков работ.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, исковые требования удовлетворены.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ 21 августа 2019 г. отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с п. 1 ст. 393 ГК РФ должник обязан возместить кредитору убытки, причиненные неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства.

Верховный Суд РФ в п. 13 постановления Пленума от 23 июня 2015 г. № 25 “О применении су-

дами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации” разъяснил, что в состав реального ущерба входят не только фактически понесенные соответствующим лицом расходы, но и расходы, которые это лицо должно будет произвести для восстановления нарушенного права (п. 2 ст. 15 ГК РФ). Если для устранения повреждений имущества истца использовались или будут использованы новые материалы, то, за исключением случаев, установленных законом или договором, расходы на такое устранение включаются в состав реального ущерба истца полностью, несмотря на то, что стоимость имущества увеличилась или может увеличиться по сравнению с его стоимостью до повреждения. Размер подлежащего выплате возмещения может быть уменьшен, если ответчиком будет доказано или из обстоятельств дела следует с очевидностью, что существует иной более разумный и распространенный в обороте способ исправления таких повреждений подобного имущества.

Согласно абз. 2 п. 2 и п. 5 ст. 393 ГК РФ возмещение убытков в полном размере означает, что в результате их возмещения кредитор должен быть поставлен в положение, в котором он находился бы, если бы обязательство было исполнено надлежащим образом. Размер подлежащих возмещению убытков должен быть установлен с разумной степенью достоверности, определяется судом с учетом всех обстоятельств дела исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению обязательства.

Как следует из п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 “О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств”, по смыслу ст.ст. 15 и 393 ГК РФ кредитор представляет доказательства, подтверждающие наличие у него убытков, а также обосновывающие с разумной степенью достоверности их размер и причинную связь между неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства должником и названными убытками. Должник вправе предъявить возражения относительно размера причиненных кредитору убытков и представить доказательства, подтверждающие, что кредитор мог уменьшить такие убытки, но не принял для этого разумных мер (ст. 404 ГК РФ).

Основанием для удовлетворения иска явилось нарушение ответчиком качества выполненных работ по обустройству пола, что было подтверждено заключением эксперта, согласно которому рекомендовано демонтировать напольное покрытие по всей площади до основания, обеспылить поверхность и выполнить укладку ПВХ-покрытия. Согласно подготовленной экспертом смете на устранение недостатков стоимость оклейки полов плиткой ПФХ составила 396 110 руб., из них 58 398 руб. — стоимость работ, 337 711 руб. — стоимость материалов (плитка). Смета также предусматривала работы по разборке цементных полов на сумму 71 755 руб. Между тем сумма, необходимая для устранения

недостатков выполненных ответчиком работ, превысила согласованную сторонами цену всего договора, которая составляла 400 000 руб. При этом в Приложении к договору (Перечень работ) стороны согласовали в разделе в отношении пола выполнение работ “обустройство Альфа-пола”, т.е. наливной бетоном пол, работы подлежали выполнению из материала заказчика.

Удовлетворяя иск в заявленной сумме, состоящей в большей части из расходов на приобретение плитки ПВХ, не согласованной сторонами в качестве материала при выполнении работ, суды не дали должной правовой оценки возможности и необходимости в целях восстановления права истца возложить на ответчика ответственность в виде взыскания убытков, включающих стоимость работ и материалов, отличных от предусмотренных условиями договора.

ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

1. Подпункты “а”, “б”, “г” п. 3 Порядка и сроков внесения изменений в реестр лицензий субъекта Российской Федерации, утвержденных приказом Минстроя России от 25 декабря 2015 г.

№ 938/пр, в той мере, в какой данные нормативные положения в системе действующего правового регулирования допускают возложение на лицензиата, подавшего заявление о внесении изменений в реестр лицензий субъекта Российской Федерации, обязанности по представлению указанных в них документов и препятствуют внесению изменений в названный реестр в случае прекращения договора управления многоквартирным домом в связи с окончанием срока его действия, признаны не действующими со дня вступления решения суда в законную силу

*Решение Верховного Суда РФ
от 13 августа 2019 г. № АКПИ19-474,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 31 октября 2019 г. № АПЛ19-418*

(Извлечение)

Приказом Минстроя России от 25 декабря 2015 г. № 938/пр утверждены Порядок и сроки внесения изменений в реестр лицензий субъекта Российской Федерации (далее — Порядок).

Согласно подп. “а”, “б”, “г” п. 3 Порядка к заявлению о внесении изменений в реестр прилагаются: копия протокола и решения общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме о выборе способа управления многоквартирным домом управляющей организацией и заключении с ней договора управления многоквартирным домом либо об изменении способа управления многоквартирным домом или расторжении договора управления в случае проведения такого собрания, за исключением случая представления в орган государственного жилищного надзора подлинников указанных документов в со-

ответствии с ч. 1 ст. 46 ЖК РФ; копия протокола конкурса по отбору управляющей организации для управления многоквартирным домом, в соответствии с которым управляющая организация определена победителем конкурса, либо копия протокола, в соответствии с которым управляющая организация определена единственным участником конкурса, в случае если конкурс признан несостоявшимся, в связи с тем, что только один претендент признан участником конкурса (в случае проведения указанного конкурса); копия акта приема-передачи технической документации и иных связанных с управлением таким домом документов, ключей от помещений, входящих в состав общего имущества в многоквартирном доме, электронных кодов доступа к оборудованию, входящему в состав общего имущества собственников помещений в многоквартирном доме, и иных технических средств и оборудования, необходимые для эксплуатации многоквартирного дома и управления им, лицу, принявшему на себя обязательства по управлению многоквартирным домом, в случае подачи заявления об исключении многоквартирного дома из реестра.

Названные подпункты действуют в редакции приказа Минстроя России от 2 марта 2018 г. № 134/пр.

Открытое акционерное общество “Городская управляющая компания Засвияжского района”, осуществляющее лицензируемую деятельность по управлению жилым фондом, обратилось в Верховный Суд РФ с административным иском заявлением о признании не действующими подп. “а”, “б”, “г” п. 3 Порядка в той части, в которой они препятствуют внесению изменений в реестр лицензий субъекта Российской Федерации в связи с прекращением договора управления многоквартирным домом в случае отсутствия выбора собственниками многоквартирного дома или органом местного самоуправления другой управляющей организации или смены формы управления многоквартирным домом, ссылаясь на их противоречие ч. 2 ст. 198 ЖК РФ. По мнению ОАО “ГУК Засвияжского района”, Порядок в оспариваемой части не разграничивает случаи внесения изменений в реестр в связи с прекращением договора управления многоквартирным домом (ч. 3 ст. 198 ЖК РФ) и исключения сведений из реестра в связи с невыполнением требований лицензиатом (ч. 5 ст. 198 ЖК РФ), в результате чего от лицензиата, заявившего об откреплении многоквартирного дома в связи с прекращением действия договора управления, незаконно истребуется пакет документов, который он заведомо не может представить в лицензирующий орган.

Верховный Суд РФ 13 августа 2019 г. административное исковое заявление удовлетворил, указав следующее.

Согласно ч. 3 ст. 198 ЖК РФ изменения в реестр лицензий субъекта Российской Федерации вносятся органом государственного жилищного надзора после получения сведений, указанных в ч. 2 этой статьи, в порядке и сроки, утвержденные федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реа-

лизации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере жилищно-коммунального хозяйства.

Таким федеральным органом исполнительной власти является Минстрой России, который вправе самостоятельно принимать нормативные правовые акты в установленной сфере деятельности (п. 1, подп. 5.2, 5.2.102 Положения о Министерстве строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации, утвержденного постановлением Правительства РФ от 18 ноября 2013 г. № 1038).

Оспариваемый нормативный правовой акт принят Минстроем России во исполнение полномочия, возложенного на него федеральным законом. Соблюдение процедуры принятия нормативного правового акта и полномочия административного ответчика по его изданию ранее были предметом проверки Верховного Суда РФ, о чем имеются вступившие в законную силу решения от 20 сентября 2016 г. № АКПИ16-731, от 29 сентября 2017 г. № АКПИ17-704.

В соответствии со ст. 192 ЖК РФ деятельность по управлению многоквартирными домами осуществляется управляющими организациями на основании лицензии на осуществление предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами, выданной органом государственного жилищного надзора на основании решения лицензионной комиссии субъекта Российской Федерации (ч. 1). К отношениям, связанным с осуществлением лицензирования деятельности по управлению многоквартирными домами, применяются положения Федерального закона от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ “О лицензировании отдельных видов деятельности” с учетом особенностей, установленных данным Кодексом (ч. 5).

Для целей поименованного Закона в силу его пп. 1, 6 ст. 3 лицензирование включает в себя деятельность лицензирующих органов по формированию и ведению реестра лицензий, формированию государственного информационного ресурса, а лицензиат — это юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, имеющие лицензию.

Пунктом 15 Положения о лицензировании предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами, утвержденного постановлением Правительства РФ от 28 октября 2014 г. № 1110, предусмотрено, что лицензирующий орган формирует и ведет реестр лицензий субъекта Российской Федерации в порядке, установленном ст. 21 Федерального закона “О лицензировании отдельных видов деятельности”, с учетом особенностей лицензирования предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами, установленных Жилищным кодексом РФ.

Порядок определяет условия, последовательность и сроки внесения изменений в реестр лицензий субъекта Российской Федерации (п. 1).

Согласно п. 2 Порядка изменения в реестр вносятся органом государственного жилищного надзора субъекта Российской Федерации на основании решения органа государственного жилищного надзора, принятого в соответствии с чч. 3, 3¹,

5—5⁴ ст. 198 ЖК РФ или при непоступлении в установленный срок заявления о продлении срока действия лицензии на осуществление предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами, либо на основании представленного лицом, осуществляющим деятельность по управлению многоквартирным домом, заявления о внесении изменений в реестр.

Из положений ст. 195 ЖК РФ следует, что сведения о лицензировании деятельности по управлению многоквартирными домами, лицензиатах, осуществляющих или осуществлявших данный вид деятельности, содержатся кроме прочего в реестре лицензий субъекта Российской Федерации, который должен иметь раздел со сведениями об адресе многоквартирного дома или адресах многоквартирных домов, деятельность по управлению которыми осуществляет лицензиат (чч. 1 и 2). Подобные сведения являются открытыми, общедоступными и подлежат размещению на официальном сайте органа государственного жилищного надзора в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”, за исключением сведений, доступ к которым ограничен законодательством Российской Федерации (ч. 4).

Согласно ч. 3 ст. 7 Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 255-ФЗ “О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации” с 1 мая 2015 г. информация, указанная в ст. 195 ЖК РФ, подлежит размещению в определенной федеральным законом государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства.

В соответствии с п. 11 ч. 3 ст. 7 Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 209-ФЗ “О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства” приказом Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации № 504, Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации № 934/пр от 30 декабря 2014 г. определен адрес официального сайта государственной информационной системы жилищно-коммунального хозяйства в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” — www.dom.gosuslugi.ru.

В случае изменения перечня многоквартирных домов, деятельность по управлению которыми осуществляет лицензиат, в связи с заключением, прекращением, расторжением договора управления многоквартирным домом лицензиат в течение пяти рабочих дней со дня заключения, прекращения, расторжения указанного договора обязан разместить эти сведения в системе, а также направить их в орган государственного жилищного надзора (ч. 2 ст. 198 ЖК РФ).

Содержание реестра лицензий субъекта Российской Федерации предполагает, что указанные в нем сведения, в том числе о лицензиате, об адресе многоквартирного дома или адресах многоквартирных домов, деятельность по управлению которыми он осуществляет, должны иметь досто-

верный и актуальный характер и обновляться своевременно при заключении, прекращении или расторжении договора управления многоквартирным домом.

Федеральный законодатель установил, что изменение перечня многоквартирных домов, деятельность по управлению которыми осуществляет лицензиат, в связи с заключением, прекращением, расторжением договора управления многоквартирным домом обуславливает объективную необходимость внесения соответствующих изменений в реестр лицензий и упоминаемую систему.

Указанные в Кодексе основания для внесения необходимых изменений в реестр лицензий связаны с различными юридическими фактами, и, как следствие, их отличие определяет разное содержание прав и обязанностей субъектов правоотношения.

Так, согласно п. 3 ч. 2 ст. 161, чч. 1, 5 ст. 162 ЖК РФ одним из выбираемых собственниками помещений в многоквартирном доме способов управления многоквартирным домом является управление управляющей организацией, с которой заключается договор в письменной форме или в электронной форме с использованием системы путем составления одного документа, подписанного сторонами на срок: не менее чем один год, но не более чем пять лет (ч. 1 ст. 162 Кодекса); не менее чем один год, но не более чем три года (чч. 4 и 13 ст. 161 Кодекса); не более чем три месяца (ч. 14 ст. 161 Кодекса).

При отсутствии заявления одной из сторон о прекращении договора управления многоквартирным домом по окончании срока его действия такой договор считается продленным на тот же срок и на тех же условиях, какие были предусмотрены таким договором (ч. 6 ст. 162 ЖК РФ).

Исходя из смысла приведенного положения, при заявлении одной из сторон о прекращении договора управления многоквартирным домом по окончании срока его действия договор не продлевается, что отвечает принципу свободы договора, предусмотренному ст. 421 ГК РФ, согласно которому граждане и юридические лица свободны в заключении договора, понуждение к заключению договора не допускается, за исключением случаев, когда обязанность заключить договор предусмотрена данным Кодексом, законом или добровольно принятым обязательством (п. 1).

В соответствии с ч. 2 ст. 192 ЖК РФ деятельностью по управлению многоквартирным домом понимаются выполнение работ и (или) оказание услуг по управлению многоквартирным домом на основании договора управления многоквартирным домом.

Окончание срока действия договора управления многоквартирным домом в случае заявления одной из сторон о его прекращении по данному основанию влечет прекращение деятельности по управлению многоквартирным домом и изменяет перечень многоквартирных домов, деятельность по управлению которыми осуществляет лицензиат, что в силу требований чч. 2 и 3 ст. 198 ЖК РФ требует внесения изменения в реестр лицензий субъекта Российской Федерации.

При этом Жилищный кодекс РФ, иной закон не предусматривают, что при прекращении действия договора управления в указанном случае на управляющую организацию (лицензиата) возлагается обязанность по управлению многоквартирным домом до выбора иной управляющей организации либо дня возникновения обязательств по договору управления многоквартирным домом у других лиц (например, при изменении способа управления многоквартирным домом). Следовательно, такой лицензиат, не являясь участником последующих правоотношений по управлению многоквартирным домом, не должен располагать документами, предусмотренными оспариваемыми подпунктами п. 3 Порядка, и представлять их вместе с заявлением о внесении изменения в реестр лицензий.

Согласно Жилищному кодексу РФ (ст. 200) прекращение деятельности по управлению многоквартирными домами может иметь место и в связи с исключением сведений о многоквартирном доме из реестра лицензий субъекта Российской Федерации, прекращением действия лицензии или ее аннулированием (ст. 199), когда лицензиат обязан надлежащим образом исполнять обязанности по управлению многоквартирным домом, оказанию услуг и (или) выполнению работ по содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации до дня, определенного в пп. 1—4 ч. 3 ст. 200 Кодекса.

Используемая в п. 3 Порядка юридическая техника, вводя общее императивное предписание “к заявлению о внесении изменений в реестр прилагаются следующие документы:”, в оспариваемых пунктах ясно и недвусмысленно не разграничивает основания для внесения изменений в реестр лицензий, а также объем обязанностей различных лицензиатов, обращения которых могут быть связаны не только со случаями прекращения договора управления многоквартирным домом, но и с заключением или расторжением такого договора.

При этом согласно подп. “а” п. 5 Порядка в ходе рассмотрения заявления и документов органом государственного жилищного надзора осуществляется проверка заявления и документов на предмет соответствия заявления и документов положениям пп. 2 и 3 данного Порядка. В свою очередь, несоответствие заявления и документов требованиям, установленным подп. “а” п. 5 Порядка, является основанием для отказа во внесении изменений в реестр и возврата заявления и документов (подп. “а” п. 9 Порядка).

Оспариваемые нормативные положения в системе действующего правового регулирования не отвечают общеправовому критерию формальной определенности, так как их содержание не обеспечивает однозначное понимание и толкование, приводит к возможности их произвольного применения, вследствие чего на лицензиата, чья деятельность по управлению многоквартирным домом прекращена в связи с окончанием срока действия соответствующего договора, может возлагаться не предусмотренная законом обязанность

по представлению названных в них документов. При этом неисполнение таким лицензиатом подобной не существующей у него согласно Жилищному кодексу РФ обязанности служит препятствием для своевременного внесения актуальных изменений в реестр лицензий.

Между тем из письменных возражений Министра России как федерального органа исполнительной власти, принявшего оспариваемый в части нормативный правовой акт, и устных объяснений его уполномоченного представителя в суде следует, что на административного истца действие подп. “а”, “б”, “г” п. 3 Порядка не должно распространяться, поскольку они не подлежат применению в случае прекращения договора управления многоквартирным домом в связи с окончанием срока его действия. Но подобное указание в содержании подп. “а”, “б”, “г” п. 3 Порядка или иных его положений отсутствует.

Учитывая изложенное, Верховный Суд РФ административное исковое заявление удовлетворил, признал не действующими со дня вступления решения суда в законную силу подп. “а”, “б”, “г” п. 3 Порядка и сроков внесения изменений в реестр лицензий субъекта Российской Федерации, утвержденных приказом Министра России от 25 декабря 2015 г. № 938/пр, в той мере, в какой данные нормативные положения в системе действующего правового регулирования допускают возложение на лицензиата, подавшего заявление о внесении изменений в реестр лицензий субъекта Российской Федерации, обязанности по представлению указанных в них документов и препятствуют внесению изменений в названный реестр в случае прекращения договора управления многоквартирным домом в связи с окончанием срока его действия.

2. Правила пожарной безопасности на строящихся и ремонтируемых судах (ППБ СРС 01-2009), утвержденные директором Департамента судостроительной промышленности и морской техники Министерства промышленности и торговли Российской Федерации, признаны не действующими с момента их принятия

Решение Верховного Суда РФ от 1 августа 2019 г. № АКПИ19-498, вступившее в законную силу

(Извлечение)

Директором Департамента судостроительной промышленности и морской техники Министерства промышленности и торговли Российской Федерации (далее — Минпромторг России) утверждены Правила пожарной безопасности на строящихся и ремонтируемых судах (ППБ СРС 01-2009) (далее — Правила) и письмом от 10 декабря 2009 г. № 09-6009 поручено ОАО “ПО “Севмаш” осуществить тиражирование и рассылку Правил руководителям предприятий и организаций для принятия к руководству и исполнению с указанием в письме о введении их в действие с января 2010 г.

В период рассмотрения административного дела судом приказом врио Министра промышленности и торговли РФ от 30 июля 2019 г. № 2794 Правила признаны не подлежащими применению.

Р., В., Н., являющиеся должностными лицами судоремонтного предприятия, АО “Мурманская судоремонтная компания”, ООО “База технического обслуживания МСК” обратились в Верховный Суд РФ с административным исковым заявлением о признании недействующими Правил, ссылаясь на то, что они обладают нормативными свойствами, поскольку содержат в себе правила поведения для неопределенного круга лиц, рассчитанные на неоднократное применение, однако изданы с нарушением требований законодательства Российской Федерации, устанавливающих порядок опубликования и вступления в силу нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти.

В обоснование требования административные истцы указали на то, что им было вменено нарушение Правил, что послужило основанием для возбуждения производства по делу об административном правонарушении и предъявления гражданских исков в арбитражный суд.

Минюст России (заинтересованное лицо) в отзыве на административное исковое заявление указало, что Правила содержат правовые нормы (правила поведения), обязательные для неопределенного круга лиц, рассчитанные на неоднократное применение, устанавливают права, обязанности и ответственность работников судостроительных и судоремонтных организаций. Однако в нарушение пп. 2, 10 и 12 Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации, утвержденных постановлением Правительства РФ от 13 августа 1997 г. № 1009 (далее — Правила подготовки нормативных правовых актов), оспариваемый акт в установленном порядке на государственную регистрацию в Минюст России представлен не был, утвержден директором структурного подразделения федерального органа исполнительной власти (Департамента судостроительной промышленности и морской техники Минпромторга России), не имеющим соответствующих полномочий.

Верховный Суд РФ 1 августа 2019 г. административное исковое заявление удовлетворил, указав следующее.

Поскольку Правила были применены к административным истцам и признаны не подлежащими применению в период рассмотрения судом данного административного дела, в силу положений ч. 11 ст. 213 КАС РФ основания для прекращения производства по делу отсутствуют.

Основополагающими законодательными актами в области пожарной безопасности являются Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ “О пожарной безопасности”, определяющий общие правовые, экономические и социальные основы обеспечения пожарной безопасности в Российской Федерации, и Федеральный закон от 22 июля 2008 г. № 123-ФЗ “Техни-

ческий регламент о требованиях пожарной безопасности”, устанавливающий основные положения технического регулирования в указанной сфере и общие требования пожарной безопасности к объектам защиты (продукции).

В соответствии со ст. 20 Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ нормативное правовое регулирование в области пожарной безопасности представляет собой принятие органами государственной власти нормативных правовых актов, направленных на регулирование общественных отношений, связанных с обеспечением пожарной безопасности (ч. 1). Нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, устанавливающие требования пожарной безопасности, разрабатываются в порядке, установленном Правительством РФ (ч. 2).

Техническое регулирование в области пожарной безопасности осуществляется в порядке, установленном законодательством Российской Федерации о техническом регулировании в области пожарной безопасности (ч. 4).

Техническое регулирование в области пожарной безопасности представляет собой: установление в нормативных правовых актах Российской Федерации и нормативных документах по пожарной безопасности требований пожарной безопасности к продукции, процессам проектирования, производства, эксплуатации, хранения, транспортирования, реализации и утилизации; правовое регулирование отношений в области применения и использования требований пожарной безопасности; правовое регулирование отношений в области оценки соответствия. К нормативным правовым актам Российской Федерации по пожарной безопасности относятся технические регламенты, принятые в соответствии с Федеральным законом “О техническом регулировании”, федеральные законы и иные нормативные правовые акты Российской Федерации, устанавливающие обязательные для исполнения требования пожарной безопасности. К нормативным документам по пожарной безопасности относятся национальные стандарты, своды правил, содержащие требования пожарной безопасности, а также иные документы, содержащие требования пожарной безопасности, применение которых на добровольной основе обеспечивает соблюдение требований данного Закона (чч. 1—3 ст. 4 Федерального закона от 22 июля 2008 г. № 123-ФЗ).

Федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики, нормативно-правовому регулированию, а также по надзору и контролю в области обеспечения пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах, согласно п. 1 Положения о Министерстве Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 11 июля 2004 г. № 868, является МЧС России, которое разрабатывает и утверждает (устанавливает) нормативные правовые акты по вопросам, касающимся установленной сферы

деятельности, за исключением вопросов, правовое регулирование которых осуществляется исключительно федеральными конституционными законами, федеральными законами, актами Президента Российской Федерации и Правительства РФ (подп. 2 п. 8 данного Положения).

Вместе с тем ст. 16 Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ к полномочиям федеральных органов государственной власти в области пожарной безопасности относит их участие в разработке технических регламентов, национальных стандартов Российской Федерации, сводов правил, содержащих требования пожарной безопасности (норм и правил), правил пожарной безопасности, в том числе регламентирующих порядок и организацию тушения пожаров и проведения аварийно-спасательных работ.

Минпромторг России является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере промышленного и оборонно-промышленного комплексов, технического регулирования, стандартизации и обеспечения единства измерений, функции по оказанию государственных услуг, управлению государственным имуществом в сфере судостроительной промышленности (п. 1 Положения о Министерстве промышленности и торговли Российской Федерации, утвержденного постановлением Правительства РФ от 5 июня 2008 г. № 438).

Из положений абз. 1 раздела I “Общие положения” Правил следует, что документ разработан в соответствии с Федеральным законом от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ, Федеральным законом от 22 июля 2008 г. № 123-ФЗ, Правилами пожарной безопасности в Российской Федерации, утвержденными приказом МЧС России от 18 июня 2003 г. № 313 (утратили силу в связи с изданием приказа МЧС России от 31 мая 2012 г. № 306), и является обязательным для применения и исполнения всеми предприятиями, учреждениями и организациями независимо от их организационно-правовых форм и форм собственности, их должностными лицами и работниками, индивидуальными предпринимателями, а также гражданами.

Абзацем 3 этого же раздела Правил предусмотрено, что они устанавливают требования пожарной безопасности к организационно-техническим мероприятиям и техническим средствам организаций, направленные на обеспечение противопожарной защиты и предотвращения пожара при строительстве и ремонте судов.

В силу абз. 6 раздела I “Общие положения” Правил данным актом устанавливаются обязанности и ответственность работников судостроительных и судоремонтных организаций: проектантов, строителей, разработчиков проектов технического обеспечения судна, а также контрагентских организаций по обеспечению пожарной безопасности при проектировании, строительстве, ремонтах, переоборудовании, модернизации судов.

Положениями абз. 7 указанного раздела Правил предусмотрено, что организации, их должно-

стные лица и работники, граждане, виновные в нарушении Правил, несут ответственность в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации.

На основании абз. 9 этого же раздела в случае вселения на судно экипажа до передачи его заказчику требования пожарной безопасности, регламентированные Правилами, обязательны и для экипажа.

Из текста Правил следует, что они регулируют вопросы ответственности за их несоблюдение, устанавливают обязанности лиц, ответственных за обеспечение требований пожарной безопасности при строительстве и ремонте судов, содержат ряд положений, вводящих запреты, связанные, в частности, с допуском лиц к работам, с применением оборудования.

Так, в соответствии с п. 84 Правил ответственность за организацию соблюдения требований пожарной безопасности на судах в период их постройки, ремонта, спуска и испытаний несет руководитель отдела (службы) строителей (главный строитель) судов. Пунктом 85 Правил определены ответственные лица за обеспечение требований пожарной безопасности на строящемся и ремонтируемом судне.

Аналогичные положения, определяющие порядок возложения ответственности или непосредственно устанавливающие ее, содержатся, в частности, в пп. 86, 87, 88, 136, 153, 400 Правил.

В п. 89 Правил установлены обязанности административно-технического персонала, в п. 90 — обязанности старшего строителя (ответственного сдатчика), в п. 91 — обязанности административно-технического персонала, ответственного за монтаж и эксплуатацию систем технического обеспечения судна.

Аналогичные положения, касающиеся установления обязанностей, содержатся, в частности, в пп. 92—94, 106, 504, 505 Правил.

Пункт 101 Правил запрещает допускать к работе лиц, не прошедших противопожарный инструктаж и обучение пожарно-техническому минимуму, а п. 109 запрещает применение в процессе строительства или ремонта производственного оборудования и инструмента, не отвечающих требованиям пожарной безопасности для конкретного технологического процесса.

Аналогичные запреты имеются, в частности, в пп. 111, 113—116, 123, 141, 145 Правил.

Анализ приведенных положений указывает на то, что Правила вопреки доводам Минпромторга России и МЧС России содержат правовые нормы (правила поведения), обязательные для неопределенного круга лиц, рассчитанные на неоднократное применение, устанавливают права, обязанности и ответственность работников судостроительных и судоремонтных организаций.

Частью 3 ст. 15 Конституции Российской Федерации установлено, что любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения.

Указом Президента Российской Федерации от 23 мая 1996 г. № 763 “О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти” установлено, что нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, устанавливающие правовой статус организаций или имеющие межведомственный характер, прошедшие государственную регистрацию в Минюсте России, подлежат обязательному официальному опубликованию, кроме актов или отдельных их положений, содержащих сведения, составляющие государственную тайну, или сведения конфиденциального характера (п. 8). Нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, кроме актов и отдельных их положений, содержащих сведения, составляющие государственную тайну, или сведения конфиденциального характера, не прошедшие государственную регистрацию, а также зарегистрированные, но не опубликованные в установленном порядке, не влекут правовых последствий, как не вступившие в силу, и не могут служить основанием для регулирования соответствующих правоотношений, применения санкций к гражданам, должностным лицам и организациям за невыполнение содержащихся в них предписаний. На указанные акты нельзя ссылаться при разрешении споров (п. 10).

Согласно Правилам подготовки нормативных правовых актов государственной регистрации подлежат нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, устанавливающие правовой статус организаций, имеющие межведомственный характер, независимо от срока их действия, в том числе акты, содержащие сведения, составляющие государственную тайну, или сведения конфиденциального характера (п. 10). Государственная регистрация нормативных правовых актов осуществляется Минюстом России, которое ведет Государственный реестр нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти (п. 11).

Названные требования к порядку введения в действие нормативных правовых актов Минпромторгом России при введении в действие Правил соблюдены не были, поскольку Правила не прошли государственную регистрацию в Минюсте России и не были официально опубликованы.

Помимо этого, в нарушение п. 2 Правил подготовки нормативных правовых актов, устанавливающего, что структурные подразделения и территориальные органы федеральных органов исполнительной власти не вправе издавать нормативные правовые акты, а также подп. 10.16 п. 10 Положения о Министерстве промышленности и торговли Российской Федерации, в силу которого Министр издает приказы, имеющие нормативный характер, оспариваемый акт утвержден директором Департамента судостроительной промышленности и морской техники Минпромторга России.

Кроме того, Положением о Министерстве промышленности и торговли Российской Федерации на момент издания Правил не предусматривались полномочия Минпромторга России по нормативно-правовому регулированию в сфере пожарной безопасности на строящихся и ремонтируемых судах.

Как разъяснено в п. 40 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 50 “О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами”, акты, не прошедшие государственную регистрацию (если такая регистрация является обязательной), не опубликованные в предусмотренном порядке, а равно имеющие иные нарушения порядка принятия и введения в действие, свидетельствующие об отсутствии у них юридической силы, не влекут правовых последствий и не могут регулировать соответствующие правоотношения независимо от выявления указанных нарушений в судебном порядке. Установив такие нарушения, суд принимает решение о признании оспариваемого акта не действующим полностью (в том числе и при оспаривании в суд его отдельных положений), как не имеющего юридической силы с момента его принятия, вывод о чем должен содержаться в резолютивной части судебного акта.

Учитывая вышеизложенное, Верховный Суд РФ заявленные требования удовлетворил, признал недействующими Правила пожарной безопасности на строящихся и ремонтируемых судах (ППБ СРС 01-2009), утвержденные директором Департамента судостроительной промышленности и морской техники Министерства промышленности и торговли Российской Федерации, с момента их принятия.

3. Письмо от 3 августа 1994 г. МЧС России № 19-5-39, Минсоцзащиты России № 1-2924-18, Минтруда России признано не действующим со дня принятия

Решение Верховного Суда РФ от 2 сентября 2019 г. № АКПИ19-507, вступившее в законную силу

(Извлечение)

3 августа 1994 г. МЧС России № 19-5-39, Минсоцзащиты России № 1-2924-18 и Минтруда России издано совместное письмо (далее — Письмо) следующего содержания: “В связи с поступающими запросами о членах семьи граждан, погибших или умерших вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС, а также умерших инвалидов и участников ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС 1986—1987 гг., имеющих право на льготы и компенсации в соответствии с Законом Российской Федерации от 18 июня 1992 г. № 3061-1, сообщаем следующее.

К членам семьи погибших в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС, умерших вследствие лучевой болезни и других заболеваний, возникших в связи с чернобыльской катастрофой,

и умерших инвалидов, на которых распространялись компенсации и льготы, указанные в статье 14 Закона Российской Федерации “О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС” (в редакции от 18 июня 1992 г.), а также умерших участников ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС 1986—1987 гг. относятся:

родители, проживавшие совместно, вдова (вдовец), не вступившие в повторный брак, — независимо от возраста и факта нахождения на иждивении;

дети до достижения возраста 18 лет (учащиеся — до окончания среднего или высшего учебного заведения, но не более достижения 23 лет).

Указанные лица имеют право на компенсации и льготы, предусмотренные пунктами 3, 4, 12—15, 19—23, 25 части первой статьи 14 и пунктами 3, 7 части первой статьи 15 Закона Российской Федерации от 18 июня 1992 г. № 3061-1 соответственно”.

Ф. обратилась в Верховный Суд РФ с административным иском заявлением о признании недействующим Письма, ссылаясь на то, что оно обладает нормативными свойствами, позволяющими применить его неоднократно в качестве общеобязательного предписания в отношении неопределенного круга лиц, по своему содержанию не соответствует действительному смыслу разъясняемых нормативных положений, противоречит ст. 14 Закона РФ от 15 мая 1991 г. № 1244-1 “О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС”.

По ее мнению, административные ответчики в Письме ввели новое нормативное правовое регулирование, в частности сузив круг лиц, которые могут относиться к членам семьи умерших инвалидов вследствие чернобыльской катастрофы и которым нормой ч. 4 ст. 14 поименованного Закона гарантируются меры социальной защиты.

Указом Президента Российской Федерации от 14 августа 1996 г. № 1177 “О структуре федеральных органов исполнительной власти” образовано Министерство труда и социального развития Российской Федерации на базе упраздненных Министерства социальной защиты населения Российской Федерации, Министерства труда Российской Федерации и Федеральной службы занятости России (подп. “а”, “в” п. 1). Указом Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 г. № 314 “О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти” Министерство труда и социального развития Российской Федерации упразднено, его функции переданы Министерству здравоохранения и социального развития Российской Федерации (пп. 12 и 13). Впоследствии Указом Президента Российской Федерации от 21 мая 2012 г. № 636 “О структуре федеральных органов исполнительной власти” Министерство здравоохранения и социального развития Российской Федерации преобразовано в Министерство здравоохранения Российской Федерации и Министерство труда и социальной

защиты Российской Федерации. Функции по разработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере социальной защиты и социального обслуживания населения переданы Министерству труда и социальной защиты Российской Федерации (далее также — Минтруд России) (п. 3).

Верховный Суд РФ 2 сентября 2019 г. административное исковое заявление удовлетворил, указав следующее.

Согласно п. 2 Положения о порядке государственной регистрации ведомственных нормативных актов, утвержденного постановлением Правительства РФ от 8 мая 1992 г. № 305, действовавшего на день издания оспариваемого акта, государственной регистрации подлежат нормативные акты министерств и ведомств Российской Федерации, затрагивающие права и законные интересы граждан или носящие межведомственный характер независимо от срока действия (постоянные или временные) и характера содержащихся в них сведений, в том числе с грифами “Для служебного пользования”, “Не для печати”, “Секретно”.

В п. 1 Указа Президента Российской Федерации от 21 января 1993 г. № 104 “О нормативных актах центральных органов государственного управления Российской Федерации”, действовавшего на день издания оспариваемого акта, установлено, что нормативные акты министерств и ведомств Российской Федерации, затрагивающие права, свободы и законные интересы граждан или носящие межведомственный характер, принятые после 1 марта 1993 г. и прошедшие государственную регистрацию в Минюсте России, подлежат официальному опубликованию в газете “Российские вести”, если иное не предусмотрено законодательством. Официальное опубликование актов осуществляется не позднее 10 дней после их государственной регистрации. Акты, не прошедшие государственную регистрацию, а также зарегистрированные, но не опубликованные в установленном порядке, не влекут за собой правовых последствий как не вступившие в силу и не могут служить законным основанием для регулирования соответствующих правоотношений, применения каких бы то ни было санкций к гражданам, должностным лицам и организациям за невыполнение содержащихся в них предписаний; на указанные акты нельзя ссылаться при разрешении споров.

Во исполнение названного Указа постановлением Совета Министров — Правительства РФ от 23 июля 1993 г. № 722 утверждены Правила подготовки ведомственных нормативных актов, согласно которым ведомственные нормативные акты, затрагивающие права, свободы и законные интересы граждан Российской Федерации или носящие межведомственный характер, подлежат в установленном законодательством Российской Федерации порядке государственной регистрации и официальному опубликованию (п. 1). Ведомственные нормативные акты издаются в виде приказов, постановлений, инструкций, положений, разъяснений, указаний или в иных видах, предусмотренных положениями о соответ-

ствующих центральных органах федеральной исполнительной власти (п. 3).

При издании оспариваемого акта названные выше требования не были соблюдены.

Отношения, связанные с чернобыльской катастрофой, регулируются Законом РФ “О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС”, направленным, как указано в его ст. 1, на защиту прав и интересов граждан Российской Федерации, которые оказались в зоне влияния неблагоприятных факторов, возникших вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС, либо принимали участие в ликвидации ее последствий.

В ст. 13 названного Закона определены категории граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие чернобыльской катастрофы, на которых распространяется действие этого Закона, в частности к ним относятся граждане, получившие или перенесшие лучевую болезнь и другие заболевания, связанные с радиационным воздействием вследствие чернобыльской катастрофы или с работами по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, а также инвалиды вследствие чернобыльской катастрофы (пп. 1, 2 ч. 1).

Возмещение вреда и меры социальной поддержки граждан, получивших или перенесших лучевую болезнь, другие заболевания, и инвалидов вследствие чернобыльской катастрофы определены в ст. 14 указанного Закона, в ч. 4 которой установлено, что меры социальной поддержки, предусмотренные пп. 2, 3, 7, 8, 12, 14 и 15 ч. 1 этой статьи, распространяются на семьи, потерявшие кормильца из числа граждан, погибших в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС, умерших вследствие лучевой болезни и других заболеваний, возникших в связи с чернобыльской катастрофой, а также на семьи умерших инвалидов, на которых распространялись меры социальной поддержки, указанные в названной статье.

В свою очередь, ст. 14 данного Закона в редакции Закона РФ от 18 июня 1992 г. № 3061-1 предусматривала компенсации и льготы гражданам, получившим или перенесшим лучевую болезнь, другие заболевания, и инвалидам вследствие чернобыльской катастрофы.

Отмеченные различия обусловлены изменением редакции приведенного Закона, который ранее предусматривал право граждан Российской Федерации, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС, на получение компенсаций и льгот, а в действующей согласно Федеральному закону от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ редакции — право указанных граждан на возмещение вреда и меры социальной поддержки.

Письмо, как следует из его содержания, издано в связи с поступающими запросами о членах семьи граждан, погибших или умерших вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС, а также умерших инвалидов и участников ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС 1986—1987 гг., имеющих право на льготы и компенсации в соответствии с Законом РФ от 18 июня 1992 г. № 3061-1.

По утверждениям административных ответчиков, Письмо подготовлено в связи с тем, что в ст. 14 Закона РФ “О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС” (в ред. Закона РФ от 18 июня 1992 г. № 3061-1) не указан конкретный перечень лиц, входящих в состав семей граждан, погибших в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС, умерших вследствие лучевой болезни и других заболеваний, возникших в связи с чернобыльской катастрофой, а также умерших инвалидов, на которых распространялись льготы, указанные в этой статье.

Закон РФ “О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС”, включая его ст. 14, подобный круг (перечень) лиц не содержит.

Федеральный законодатель не наделял федеральные органы исполнительной власти, издавшие Письмо, полномочиями по определению круга лиц, относящихся к членам семей погибших в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС, умерших вследствие лучевой болезни и других заболеваний, возникших в связи с чернобыльской катастрофой, и умерших инвалидов, на которых распространялись компенсации и льготы, указанные в ст. 14 Закона РФ “О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС” (в редакции от 18 июня 1992 г.), а также умерших участников ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС 1986—1987 гг.

Подобный круг лиц установлен Письмом, к членам семей названных выше категорий граждан отнесены: родители, проживавшие совместно, вдова (вдовец), не вступившие в повторный брак, — независимо от возраста и факта нахождения на иждивении; дети до достижения возраста 18 лет (учащиеся — до окончания среднего или высшего учебного заведения, но не более достижения 23 лет).

Помимо круга граждан, относящихся к членам семей, Письмо содержит также указание, что эти лица имеют право на компенсации и льготы, предусмотренные пп. 3, 4, 12—15, 19—23, 25 ч. 1 ст. 14 и пп. 3, 7 ч. 1 ст. 15 Закона РФ от 18 июня 1992 г. № 3061-1 соответственно.

Таким образом, административными ответчиками в форме Письма фактически осуществлено нормативное правовое регулирование посредством установления круга (перечня) лиц, относящихся к членам семей погибших в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС, умерших вследствие лучевой болезни и других заболеваний, возникших в связи с чернобыльской катастрофой, и умерших инвалидов, на которых распространялись компенсации и льготы, указанные в ст. 14 Закона РФ “О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС” (в редакции от 18 июня 1992 г.), а также умерших участников ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС 1986—1987 гг.

Согласно чч. 4 и 5 ст. 14 Закона РФ “О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС” меры социальной поддержки, предусмотренные пп. 2, 3, 7, 8, 12, 14 и 15 ч. 1 данной статьи, распространяются на семьи, потерявшие кормильца из числа граждан, погибших в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС, умерших вследствие лучевой болезни и других заболеваний, возникших в связи с чернобыльской катастрофой, а также на семьи умерших инвалидов, на которых распространялись меры социальной поддержки, указанные в этой статье. Членам семей или лицам, взявшим на себя организацию похорон, выплачивается пособие на погребение в размере 8000 руб. В случае гибели (смерти) граждан, указанных в пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 13 этого Закона, детям, на которых при жизни погибшего (умершего) распространялось право на ежемесячную денежную компенсацию на приобретение продовольственных товаров в соответствии с п. 13 ч. 1 данной статьи, гарантируется право на указанную компенсацию до достижения ими 14-летнего возраста.

Письмо с используемыми в нем ссылками на номера пунктов ч. 1 ст. 14 Закона и терминологией (в частности, компенсации и льготы) не только противоречит действующей редакции Закона РФ “О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС”, но и не в полном объеме соответствует разъясняемому нормативным положениям в редакции Закона РФ от 18 июня 1992 г. № 3061-1, согласно которому компенсации и льготы, предусмотренные пп. 3, 4, 12—15, 19—23, 25 ч. 1 ст. 14 Закона, распространялись на семьи, потерявшие кормильца. При этом в Законе использовалось для отдельных случаев специальное, а не обобщенное, как в Письме, указание.

Так, ст. 14 Закона кроме прочего предусматривала, что гражданам, указанным в пп. 1 и 2 ч. 1 его ст. 13, гарантируются: оплата занимаемой жилой площади (в пределах норм, предусмотренных действующим законодательством), в том числе и членам их семей, проживающим с ними, в размере 50 процентов квартирной платы, исчисленной по ставкам, установленным для рабочих и служащих (п. 4); обеспечение их, а также проживающих с ними детей, не достигших 14-летнего возраста, продовольственными товарами в соответствии с рациональными нормами потребления продуктов питания с оплатой 50 процентов их стоимости либо ежемесячная выплата им в размере установленного законом минимального месячного размера оплаты труда (п. 22).

Содержание оспариваемого Письма, имеющие нормативные свойства, указывает на его обязательный характер, рассчитанный на неоднократное применение в отношении неопределенного круга лиц, что подтверждается представленными административным истцом материалами.

Так, в качестве нормативного правового обоснования Письмо применено в отношении Ф. 21 февраля и 14 мая 2019 г. военным комиссариатом Курской области, 1 апреля 2019 г. Штабом

объединенного стратегического командования Западного военного округа, 9 апреля 2019 г. прокуратурой Курской области при рассмотрении ее обращений, касающихся предоставления мер социальной поддержки, а также оформления и выдачи удостоверения как члену семьи умершего инвалида вследствие чернобыльской катастрофы.

То обстоятельство, что оспариваемое Письмо не проходило регистрацию в Минюсте России, не влияет на оценку и вывод суда о нормативности содержащихся в нем положений.

При этом вывод о том, что Письмо обладает нормативными свойствами, так как устанавливает не предусмотренные разъясняемыми нормативными положениями общеобязательные правила, обязательные для неопределенного круга лиц, рассчитанные на неоднократное применение, и является, по сути, нормативным правовым актом, подлежащим государственной регистрации, следует также из позиции Минюста России.

При изложенных выше обстоятельствах Верховный Суд РФ административное исковое заявление удовлетворил, признал не действующим со дня принятия письмо от 3 августа 1994 г. МЧС России № 19-5-39, Минсоцзащиты России № 1-2924-18, Минтруда России.

ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

1. Нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с несправедливостью судебного разбирательства, выразившееся в том, что присяжными заседателями при вынесении обвинительного вердикта были приняты во внимание показания осужденного, полученные под принуждением, явилось основанием для возбуждения производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств и отмены судебных решений

Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 18 декабря 2019 г. № 105-П19

(Извлечение)

По приговору Московского областного суда от 11 апреля 2006 г., постановленному с участием присяжных заседателей, оставленному без изменения судом кассационной инстанции, Р. осужден по ч. 1 ст. 116 УК РФ, пп. “а”, “в” ч. 2 ст. 166 УК РФ, ч. 1 ст. 167 УК РФ, ч. 1 ст. 175 УК РФ, пп. “ж”, “к” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Этим же приговором (с учетом внесенных изменений) Д. осужден по пп. “а”, “в” ч. 2 ст. 166 УК РФ, пп. “ж”, “к” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Уголовное дело в отношении Д. рассмотрено в порядке ч. 1 ст. 412¹² УПК РФ.

Согласно приговору, который основан на вердикте присяжных заседателей, Р. и Д. признаны виновными в том, что 10 июля 2005 г. в ходе ссоры нанесли Б. побои, причинив ему физическую боль. После этого Р. и Д. завладели ключами от принадлежавшей Б. автомашины, в которую поместили потерпевшего. Преследуя цель избежать ответственности за избиение, Р. и Д. совершили

убийство потерпевшего. После этого они завладели документами на имя Б. (удостоверение сотрудника милиции, водительское удостоверение и свидетельство о регистрации транспортного средства). В дальнейшем Д. и Р. совершили поджог трупa и автомашины.

18 декабря 2006 г. Р. обратился с жалобой в Европейский Суд по правам человека (далее — Европейский Суд), указав, в частности, что при признании его виновным были использованы “признательные” показания, которые он дал в результате жестокого обращения с ним сотрудников милиции.

17 июля 2018 г. Европейский Суд вынес постановление, в котором констатировал нарушение ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция) в ее материальном и процессуальном аспектах, а также нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции.

Председатель Верховного Суда РФ в представлении поставил вопрос о возобновлении производства по уголовному делу в связи с тем, что Европейским Судом установлено нарушение положений Конвенции, допущенное при рассмотрении уголовного дела в отношении Р. в суде Российской Федерации.

Президиум Верховного Суда РФ 18 декабря 2019 г. удовлетворил представление, указав следующее.

Установленное Европейским Судом нарушение положений Конвенции при рассмотрении судом Российской Федерации уголовного дела является в соответствии с подп. “б” п. 2 ч. 4 ст. 413 УПК РФ основанием для возобновления производства по этому делу ввиду новых обстоятельств.

Европейский Суд в своем постановлении отметил, что Р. был задержан в качестве подозреваемого 11 июля 2005 г., затем доставлен в изолятор временного содержания отдела милиции, где подвергся жестокому обращению со стороны двух неизвестных сотрудников милиции. Судебно-медицинским экспертом у него выявлены многочисленные травмы, которые могли быть нанесены 11 июля 2005 г. тяжелым тупым предметом, синяки могли образоваться от ударов твердым тупым предметом удлинненной формы. Утверждения заявителя о жестоком обращении с ним со стороны сотрудников милиции были отклонены внутрисударственными следственными органами, которыми в основу выводов были положены результаты доследственной проверки.

По мнению Европейского Суда, следственные органы не установили каких-либо конкретных действий, предпринятых сотрудниками милиции при применении силы, или любых действий со стороны заявителя, которые могли бы оправдать применение силы. Объяснение сотрудников милиции относительно того, что они положили заявителя на пол и прижали его коленями во время задержания, не соответствует характеру и количеству травм, зафиксированных судебно-медицинским экспертом (33 ушиба и 3 ссадины на лице, спине, груди, животе и левой ноге).

Европейский Суд признал, что следственные органы, ограничившись проведением доследст-

венной проверки в отношении заслуживающих доверия утверждений заявителя, не провели эффективного расследования по его жалобам на жестокое обращение со стороны сотрудников милиции, как того требует ст. 3 Конвенции.

Между тем судом не проверялись, в том числе в порядке ст. 125 УПК РФ, законность и обоснованность постановления должностного лица следственного органа от 26 октября 2006 г. об отказе в возбуждении уголовного дела, вынесенного по заявлению Р. о жестоком обращении с ним сотрудников милиции. Соответственно, установленное Европейским Судом нарушение ст. 3 Конвенции в ее материальном и процессуальном аспектах в данном случае не влечет отмену каких-либо судебных решений, поскольку таковые по этому вопросу не выносились.

Признавая нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции, Европейский Суд указал, что заявитель подвергся жестокому обращению во время содержания под стражей в милиции. 11 июля 2005 г. на допросе в качестве подозреваемого он дал “самоинкриминирующие” показания, которые были приняты во внимание присяжными заседателями при вынесении обвинительного вердикта. Областной суд при оценке допустимости этих показаний Р. опирался на решения следственных органов, основанные на проверке, не соответствующей требованиям ст. 3 Конвенции. Нарушение не было исправлено и Верховным Судом РФ¹.

Европейский Суд пришел к выводу о том, что независимо от возможного влияния показаний Р., полученных в ходе следствия “под давлением”, на результат уголовного разбирательства в отношении него, их использование в качестве доказательства сделало судебное разбирательство в отношении него несправедливым.

Таким образом, Европейским Судом установлено нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции в связи с тем, что присяжными заседателями при вынесении обвинительного вердикта были приняты во внимание показания, полученные при допросе Р. в качестве подозреваемого “под давлением”, что повлекло признание состоявшегося судебного разбирательства по делу “несправедливым”.

На основании изложенного, а также руководствуясь ч. 5 ст. 415 УПК РФ, Президиум Верховного Суда РФ возобновил производство по уголовному делу ввиду новых обстоятельств и отменил приговор и кассационные определения в отношении Р. и Д.

Уголовное дело передано в тот же суд для производства нового судебного разбирательства.

¹Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 51 “О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)” содержит разъяснение, согласно которому “доказательства признаются недопустимыми, в частности, если были допущены существенные нарушения установленного уголовно-процессуальным законодательством порядка их собирания и закрепления, а также если собирание и закрепление доказательств осуществлено ненадлежащим лицом или органом либо в результате действий, не предусмотренных процессуальными нормами” (п. 13).

2. Решение Конституционного Суда РФ о признании положений ст. 19 Федерального закона “Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” не препятствующими членам общины коренных малочисленных народов передавать одному или нескольким ее членам, имеющим статус охотника, свое право на добычу охотничьих ресурсов в объеме, не превышающем сумму приходящихся на каждого члена общины лимитов использования объектов животного мира, послужило основанием для отмены приговора и передачи уголовного дела на новое судебное рассмотрение

Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 18 сентября 2019 г. № 84-П19

(Извлечение)

По приговору Дудинского районного суда Красноярского края от 28 декабря 2017 г. Щ. осужден по ч. 4 ст. 33, ч. 2 ст. 258 УК РФ к штрафу в размере 120 тыс. рублей. От назначенного наказания Щ. освобожден на основании п. 9 Постановления Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации от 24 апреля 2015 г. “Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов”.

Щ., президент местной ассоциации общественных объединений коренных малочисленных народов Севера Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района Красноярского края, признан виновным в подстрекательстве к незаконной охоте с причинением крупного ущерба, группой лиц по предварительному сговору.

В сентябре 2014 г. Щ. предложил лицу, уголовное преследование в отношении которого прекращено по нереабилитирующему основанию (далее — лицо № 1), произвести незаконный отстрел дикого северного оленя без разрешительных документов в количестве 152 особей в целях последующей их реализации. Лицо № 1, действуя по предварительному сговору с Щ. и преследуя цель личного материального обогащения путем незаконной добычи дикого северного оленя и дальнейшей его реализации, не имея лицензий и разрешений на добычу дикого северного оленя, в нарушение требований ч. 2 ст. 19 и ст. 29 Федерального закона от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ “Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”, постановления Правительства Красноярского края от 25 сентября 2008 г. № 103-п, в период с октября по декабрь 2014 г. незаконно добыло 117 особей дикого северного оленя, чем причинило Российской Федерации материальный ущерб в размере 5 265 000 руб., который является крупным.

В конце сентября и в октябре 2014 г. Щ. предложил лицам, уголовное преследование в отношении которых прекращено по нереабилитирующему основанию, произвести незаконный отстрел дикого северного оленя без разрешитель-

ных документов в количестве 100 и 110 особей в целях последующей их реализации. Действуя по предварительному сговору с Ш., указанные лица, не имея лицензий и разрешений на добычу дикого северного оленя, в период с октября по декабрь 2014 г. незаконно добыли соответственно 28 и 72 особей дикого северного оленя, чем причинили Российской Федерации материальный ущерб в размере 1 260 000 и 3 240 000 руб., который является крупным.

Апелляционным постановлением Красноярского краевого суда от 27 февраля 2018 г. приговор в отношении Ш. оставлен без изменения.

Председатель Верховного Суда РФ в представлении поставил вопрос о возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств — в связи с вынесением Конституционным Судом РФ Постановления от 28 мая 2019 г. № 21-П.

Президиум Верховного Суда РФ 18 сентября 2019 г. удовлетворил представление, указав следующее.

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 28 мая 2019 г. № 21-П признал ст. 19 Федерального закона “Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” не противоречащей Конституции Российской Федерации, так как по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования она предполагает, что поскольку лицом, которое имеет право пользования объектами животного мира в пределах установленных лимитов использования объектов животного мира для удовлетворения личных нужд, является каждый член общины коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации вне зависимости от наличия у него статуса охотника, то в случае, если охота в целях обеспечения ведения традици-

онного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности осуществляется такой общиной, члены этой общины вправе поручить одному или нескольким ее членам, имеющим статус охотника, добычу охотничьих ресурсов в объеме, не превышающем сумму приходящихся на каждого члена общины лимитов использования объектов животного мира для удовлетворения личных нужд.

Конституционный Суд РФ указал также, что правоприменительные решения, вынесенные по делу Ш., в той мере, в какой они основаны на ст. 19 Федерального закона “Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” в истолковании, расходящемся с ее конституционно-правовым смыслом, выявленным Конституционным Судом РФ в Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

Указанное Постановление Конституционного Суда РФ является основанием для возобновления производства по данному уголовному делу ввиду новых обстоятельств, поскольку выявленный конституционно-правовой смысл ст. 19 Федерального закона “Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”, на ином истолковании положений которой основаны судебные решения в отношении Ш., является общеобязательным.

На основании изложенного и руководствуясь ч. 5 ст. 415 УПК РФ, Президиум Верховного Суда РФ возобновил производство по уголовному делу в отношении Ш. ввиду новых обстоятельств и отменил приговор и апелляционное постановление в отношении Ш., а уголовное дело передал на новое судебное разбирательство в тот же суд иным составом суда¹.

ОБЗОР ПРАКТИКИ РАССМОТРЕНИЯ СУДАМИ ДЕЛ О ВОЗВРАЩЕНИИ РЕБЕНКА НА ОСНОВАНИИ КОНВЕНЦИИ О ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ АСПЕКТАХ МЕЖДУНАРОДНОГО ПОХИЩЕНИЯ ДЕТЕЙ ОТ 25 ОКТЯБРЯ 1980 ГОДА

Конституция Российской Федерации признает заботу о детях, их воспитание равным правом и обязанностью родителей (ч. 2 ст. 38).

В соответствии со ст. 6 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ “Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации” ребенку от рождения принадлежат и гарантируются государством права и свободы человека и гражданина в соответствии с Конституцией Российской Федерации, общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами Российской Федерации, названным Федеральным законом, Семейным кодексом РФ и другими нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Одним из основополагающих нормативных правовых актов, регулирующих права несовершеннолетних детей, является Семейный кодекс РФ (далее также —

СК РФ), в главе 11 которого закреплены, в частности, право каждого ребенка на воспитание своими родителями, обеспечение его интересов, всестороннее развитие, уважение его человеческого достоинства (абз. 2 п. 2 ст. 54 СК РФ), а также право на общение с обоими родителями, в том числе в случае раздельного проживания родителей либо проживания их в разных государствах (п. 1 ст. 55 СК РФ).

В соответствии с п. 1 ст. 61 СК РФ родители имеют равные права и несут равные обязанности в отношении своих детей. Они имеют право и обязаны воспитывать

¹ Постановлением Дудинского районного суда Красноярского края от 6 ноября 2019 г. производство по уголовному делу прекращено на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с отсутствием в действиях Ш. состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 33, ч. 2 ст. 258 УК РФ.

вать своих детей, заботиться об их здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии (п. 1 ст. 63 СК РФ). Пунктом 1 ст. 65 СК РФ также закреплено, что родительские права не могут осуществляться в противоречии с интересами детей; обеспечение интересов детей должно быть предметом основной заботы их родителей; при осуществлении родительских прав родители не вправе причинять вред физическому и психическому здоровью детей, их нравственному развитию.

Семейный кодекс РФ в п. 2 ст. 65 налагает на родителей обязанность решать все вопросы, касающиеся воспитания и образования детей, по взаимному согласию исходя из интересов детей и с учетом их мнения.

Статьей 66 СК РФ установлены правила осуществления родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка, в соответствии с которыми такой родитель, в частности, имеет право на общение с несовершеннолетним и участие в его воспитании, а родитель, с которым проживает ребенок, не должен препятствовать общению ребенка с другим родителем, если такое общение не причиняет вред физическому и психическому здоровью ребенка, его нравственному развитию.

Статья 56 СК РФ гарантирует ребенку право на защиту своих прав и законных интересов, в том числе от злоупотреблений со стороны родителей. Защита прав и законных интересов ребенка осуществляется родителями (лицами, их заменяющими), а в случаях, предусмотренных данным Кодексом, органом опеки и попечительства, прокурором и судом.

Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 г., вступившая в силу для Российской Федерации 1 октября 2011 г. (далее также — Конвенция 1980 года, Конвенция), направлена на защиту детей в международном масштабе от вредных последствий их незаконного перемещения или удержания, на установление процедур, обеспечивающих их незамедлительное возвращение в государство их постоянного проживания, а также на обеспечение защиты прав доступа.

Одной из целей Конвенции является обеспечение незамедлительного возвращения детей, незаконно перемещенных в любое из Договаривающихся государств либо удерживаемых в любом из Договаривающихся государств (п. “а” ст. 1). При этом в соответствии со ст. 4 Конвенции она применяется к любому ребенку, постоянно проживавшему в каком-либо Договаривающемся государстве непосредственно перед нарушением прав опеки. Применение Конвенции прекращается, когда ребенок достигает возраста 16 лет.

В соответствии со ст. 8 Конвенции 1980 года любое лицо, учреждение или иная организация, заявляющие, что ребенок был незаконно перемещен или удерживается в нарушение прав опеки, могут обратиться в центральный орган государства постоянного проживания ребенка или в центральный орган любого другого Договаривающегося государства за содействием в возвращении ребенка.

В соответствии с постановлением Правительства РФ от 22 декабря 2011 г. № 1097 “О центральном органе, отправляющем обязанности, возложенные на него Конвенцией о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей” (в редакции от 19 декабря 2018 г.) полномочия данного центрального органа возложены на Минпросвещения России.

Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 126-ФЗ “О внесении изменений в отдельные акты Российской Федерации в связи с присоединением Российской Федерации к Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей” Гражданский процессуальный кодекс РФ дополнен, в частности, главой 22² “Производство по рассмотрению заявлений о возвращении ребенка или об осуществлении в отно-

шении ребенка прав доступа на основании международного договора Российской Федерации”.

В соответствии с ч. 2 ст. 244¹¹ ГПК РФ в отношении дел по заявлениям о возвращении незаконно перемещенного в Российскую Федерацию или удерживаемого в Российской Федерации ребенка (далее также — заявление (дело) о возвращении ребенка) на основании международного договора Российской Федерации установлена исключительная территориальная подсудность, в рамках которой данные дела подсудны определенному районному суду в федеральном округе, в котором пребывает ребенок. Указанное заявление может быть подано только в один из восьми судов первой инстанции, обозначенных в ч. 2 ст. 244¹¹ ГПК РФ.

На основании указанной нормы заявления о возвращении ребенка в 2016—2018 годах рассматривались Тверским районным судом г. Москвы при пребывании ребенка в пределах Центрального федерального округа, Дзержинским районным судом г. Санкт-Петербурга при пребывании ребенка в пределах Северо-Западного федерального округа, Первомайским районным судом г. Ростова-на-Дону при пребывании ребенка в пределах Южного федерального округа, Пятигорским городским судом при пребывании ребенка в пределах Северо-Кавказского федерального округа, Канавинским районным судом г. Нижнего Новгорода при пребывании ребенка в пределах Приволжского федерального округа, Железнодорожным районным судом г. Екатеринбурга при пребывании ребенка в пределах Уральского федерального округа, Центральным районным судом г. Новосибирска при пребывании ребенка в пределах Сибирского федерального округа, а также Центральным районным судом г. Хабаровска при пребывании ребенка в пределах Дальневосточного федерального округа.

Согласно данным, представленным в связи с подготовкой настоящего обзора указанными районными судами, а также областными и равными им судами, рассматривающими апелляционные жалобы, представления на решения, вынесенные этими районными судами, за период с 2016 по 2018 год судами первой инстанции с вынесением решения рассмотрено 71 дело о возвращении ребенка, из которых в 2016 году рассмотрено 13 дел, в 2017 году — 26 дел, в 2018 году — 32 дела.

По 23 делам требование о возвращении ребенка удовлетворено, по 48 делам в удовлетворении требования о возвращении ребенка отказано.

Из 71 дела в апелляционном порядке было обжаловано 48 решений, из которых 37 решений судом апелляционной инстанции оставлены без изменения, 8 решений отменены и вынесены новые решения об отказе в иске о возвращении ребенка, 1 решение отменено и вынесено новое решение об удовлетворении требования о возвращении ребенка, по 2 делам принят отказ от апелляционной жалобы и апелляционное производство по апелляционной жалобе прекращено.

Из 23 дел, рассмотренных с удовлетворением требования о возвращении ребенка, в апелляционном порядке обжаловано 19 решений, из которых 9 решений оставлены без изменения, 8 решений отменены и вынесены новые решения об отказе в удовлетворении требования о возвращении ребенка. По 2 делам принят отказ от апелляционной жалобы, и апелляционное производство по апелляционной жалобе прекращено.

Из числа дел, рассмотренных с отказом в удовлетворении требования о возвращении ребенка (48 дел) в апелляционном порядке обжаловано 29 решений, из которых 28 решений оставлены без изменения, 1 решение отменено и вынесено новое решение об удовлетворении требования о возвращении ребенка.

При рассмотрении дел по заявлениям о возвращении незаконно перемещенного в Российскую Федерацию или удерживаемого в Российской Федерации ребенка

на основании международного договора Российской Федерации *суды*, в частности, руководствовались Конституцией Российской Федерации, положениями Конвенции 1980 года и иных международных договоров Российской Федерации, Гражданским процессуальным кодексом РФ, а также учитывали разъяснения Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2013 г. № 5 “О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации”. Кроме того, суды также, в частности, учитывали международные документы, связанные с толкованием Конвенции 1980 года и разработанные в том числе Гаагской конференцией по международному частному праву.

При разрешении вопроса о принятии к производству суда заявления о возвращении ребенка суды исходили из положений ч. 2 ст. 244¹¹ ГПК РФ, а также положений Конвенции 1980 года (ст.ст. 29, 30).

Изучение судебной практики показало, что в отдельных случаях заявление о возвращении ребенка предъявлялось в суд с нарушением правил подсудности. В указанных случаях заявление возвращалось на основании п. 2 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ по причине неподсудности дела данному суду и истцу разъяснялось, в какой суд ему следует обратиться.

Например, определением судьи Дзержинского районного суда г. Санкт-Петербурга возвращено заявление Д. к К. о возвращении незаконно удерживаемого в Российской Федерации ребенка.

Возвращая исковое заявление, суд учитывал то обстоятельство, что место пребывания ребенка на территории Российской Федерации было известно и находилось в пределах Северо-Кавказского федерального округа, в связи с чем у суда не имелось оснований для отнесения указанного заявления к подсудности Дзержинского районного суда г. Санкт-Петербурга. Истцу было разъяснено право на обращение с данным иском в Пятигорский городской суд по месту пребывания ответчика и ребенка. Определение судьи не обжаловалось, вступило в законную силу.

В другом случае определением судьи Центрального районного суда г. Новосибирска возвращено заявление П. о возвращении незаконно перемещенного в Российскую Федерацию ребенка (который находился на территории Республики Бурятия), поскольку на основании Указа Президента Российской Федерации от 3 ноября 2018 г. № 632 “О внесении изменений в перечень федеральных округов, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849” Республика Бурятия вошла в состав Дальневосточного федерального округа, и, следовательно, дело подлежало рассмотрению Центральным районным судом г. Хабаровска.

Определением судьи этого же районного суда возвращено заявление Д. о возвращении ребенка из Федеративной Республики Германия (далее также — Германия) в место его постоянного проживания — в Российскую Федерацию, поскольку исходя из взаимосвязанных положений Конвенции подсудность данного спора отнесена к компетенции соответствующего государственного органа Германии, т.е. государства, куда ребенок был перемещен.

Лицами, обладающими правом на обращение в суд по указанной категории дел, в соответствии с ч. 1 ст. 244¹¹ ГПК РФ являются родитель или иное лицо, полагающие, что ответчиком нарушены их права опеки, а также прокурор. При этом права опеки согласно ст. 3 Конвенции 1980 года могут возникнуть, в частности, в соответствии с законом, либо на основании судебного или административного решения, либо на основании соглашения, влекущего юридические последствия по законодательству государства постоянного проживания ребенка.

Как показало обобщение судебной практики, по всем делам указанной категории, рассмотренным судами в 2016—2018 годах с вынесением решения, заявителем являлся один из родителей ребенка. По абсолютному большинству дел иск предъявлялся к другому родителю и лишь в одном случае — к бабушке ребенка (к матери истца).

Исходя из положений ст. 244¹² ГПК РФ, дела по заявлениям о возвращении ребенка на основании международного договора Российской Федерации рассматривались и разрешались судами по общим правилам искового производства с особенностями, установленными Конвенцией 1980 года и главой 22² ГПК РФ. Так, в частности, ст. 244¹⁵ ГПК РФ указанной главы предусмотрено, что заявление о возвращении ребенка рассматривается судом с обязательным участием прокурора и органа опеки и попечительства (ч. 1).

В необходимых случаях для обеспечения участия в судебных заседаниях сторон, не имеющих возможности прибыть в суд в связи с удаленностью их места жительства от места рассмотрения дела, судами в порядке, предусмотренном ст. 155¹ ГПК РФ, использовалась система видеоконференц-связи.

Большинство дел рассмотрено районными судами с соблюдением срока, установленного ч. 2 ст. 244¹⁵ ГПК РФ, согласно которой заявление о возвращении ребенка рассматривается судом в срок, не превышающий срока двух дней со дня принятия заявления судом, включая срок на подготовку дела к судебному разбирательству и составление мотивированного решения.

По отдельным делам превышение указанного срока рассмотрения дела было обусловлено, в частности, ходатайством сторон об отложении судебного заседания с целью представления дополнительных доказательств, ходатайством представителя истца об отложении разбирательства дела в связи с занятостью в другом процессе, а также необходимостью ознакомления с приобщенными ответчиком документами, ходатайством истца, которому к моменту назначения первого судебного заседания еще не была выдана виза для въезда в Российскую Федерацию, об отложении судебного заседания в связи с желанием лично участвовать в судебном заседании.

Анализ судебной практики по делам о возвращении ребенка показал, что *в числе государств, указываемых истцами в качестве государства постоянного проживания ребенка (до его перемещения в Российскую Федерацию либо удержания в Российской Федерации), наиболее часто значились такие страны, как Королевство Испания (далее — Испания), Республика Украина (далее — Украина), Государство Израиль (далее — Израиль), Французская Республика (далее — Франция) и Федеративная Республика Германия.*

Суды учитывали правила, установленные ст. 38 Конвенции 1980 года, о вступлении ее в силу, согласно которой присоединение имеет силу только в отношении между присоединившимся государством и теми Договаривающимися государствами, которые заявят о своем признании присоединения.

По общему правилу, закрепленному в абз. 1 ст. 12 Конвенции 1980 года, если ребенок незаконно перемещен или удерживается в соответствии со ст. 3 и на момент начала процедур в судебном или административном органе Договаривающегося государства, в котором находится ребенок, со дня незаконного перемещения или удержания ребенка прошло менее одного года, этот орган обязан предписать немедленно вернуть ребенка.

Вместе с тем Конвенция предусматривает исключение из указанного правила. Так, согласно абз. 2 ст. 12 Конвенции даже в том случае если процедуры начались по истечении срока в один год, судебный или административный орган также обязан предписать воз-

вратить ребенка, если только не будет доказано, что ребенок адаптировался в новой среде.

Помимо указанного выше основания суд не обязан предписывать возвращение ребенка в следующих случаях:

1) если будет доказано, что лицо, учреждение или иная организация, осуществлявшие заботу о ребенке, фактически не осуществляли свои права опеки на момент перемещения или удержания ребенка, или дали согласие на его перемещение или удержание, или впоследствии не выразили возражений против таковых (п. "а" ст. 13);

2) если будет доказано, что имеется очень серьезный риск того, что возвращение ребенка создаст угрозу причинения ему физического или психологического вреда или иным образом поставит его в невыносимые условия (п. "b" ст. 13);

3) если суд придет к заключению, что ребенок возражает против возвращения и уже достиг такого возраста и степени зрелости, при которых следует принять во внимание его мнение (абз. 2 ст. 13);

4) если возвращение ребенка противоречит основополагающим принципам запрашиваемого государства, касающимся защиты прав человека и основных свобод (ст. 20).

Кроме того, абз. 3 ст. 12 Конвенции установлено, что, если судебный или административный орган запрашиваемого государства имеет основания полагать, что ребенок перемещен в другое государство, этот орган может приостановить процедуры или отклонить заявление о возвращении ребенка.

Для обеспечения возвращения ребенка в соответствии с положениями Конвенции 1980 года необходимо установить факт незаконного перемещения или удержания ребенка.

Разрешая спор по существу, суды учитывали положения ст. 3 Конвенции 1980 года, которой установлено, что перемещение или удержание ребенка рассматриваются как незаконные, если:

а) они осуществляются с нарушением прав опеки, которыми были наделены какое-либо лицо, учреждение или иная организация, совместно или индивидуально, в соответствии с законодательством государства, в котором ребенок постоянно проживал до его перемещения или удержания; и

б) во время перемещения или удержания эти права эффективно осуществлялись, совместно или индивидуально, или осуществлялись бы, если бы не произошло перемещение или удержание.

При этом права опеки для целей Конвенции 1980 года включают права, относящиеся к заботе о личности ребенка, и, в частности, право определять место жительства ребенка (п. "а" ст. 5 Конвенции). Права опеки, как уже было отмечено ранее, могут возникнуть в соответствии с законом, либо на основании судебного или административного решения, либо на основании соглашения, влекущего юридические последствия по законодательству государства, в котором ребенок постоянно проживал до его перемещения или удержания (ст. 3 Конвенции).

С учетом приведенных выше норм Конвенции *при разрешении дел о возвращении ребенка суды, в частности, исследовали такие юридически значимые обстоятельства, как:*

наделено ли лицо, обратившееся в суд, правами опеки в соответствии с законодательством государства, в котором ребенок постоянно проживал до его перемещения или удержания, и осуществлялись ли им данные права в отношении ребенка,

является ли государство, из которого ребенок был перемещен, его постоянным местом проживания,

обстоятельства перемещения ребенка в Российскую Федерацию,

имелось ли согласие другого родителя на перемещение ребенка, и, если имелось, на какой срок оно было дано.

Суды также устанавливали конкретную дату перемещения (удержания) ребенка и период, прошедший с момента незаконного перемещения (удержания) ребенка до подачи истцом в суд заявления о возвращении ребенка.

Кроме того, суды проверяли доводы ответчика, возражавшего против возвращения ребенка, по основаниям, предусмотренным ст.ст. 12, 13 и 20 Конвенции, а также выясняли мнение детей по вопросу их возвращения в государство постоянного проживания.

Учитывая положения абз. 3 ст. 12 Конвенции, суды также проверяли, находится ли ребенок, о возвращении которого заявлено истцом, на территории Российской Федерации.

Так, например, в ходе рассмотрения районным судом дела по иску Г. к Э. о возвращении ребенка в место его постоянного проживания — в Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии (далее — Великобритания) было установлено, что ответчик и ребенок, являющиеся гражданами Латвийской Республики, не находятся на территории Российской Федерации. Как установил суд, на протяжении определенного времени ответчик и ребенок действительно находились на территории Российской Федерации, однако на время подачи указанного искового заявления они покинули Российскую Федерацию. Въезд в Российскую Федерацию носил однократный характер, впоследствии ответчик с ребенком в Российскую Федерацию больше не въезжал. Доказательств, позволяющих суду прийти к выводу о том, что в ближайшее время следует ожидать появления ответчика с ребенком на территории Российской Федерации, в ходе судебного разбирательства установлено не было.

С учетом указанных обстоятельств суд отказал в удовлетворении заявления. Решение суда обжаловано не было и вступило в законную силу.

Руководствуясь положениями ст. 3 Конвенции, суды исходили из того, что перемещение или удержание ребенка может быть признано незаконным, если лицо, заявившее требование о возвращении ребенка, было наделено правами опеки и эти права им осуществлялись.

Например, при рассмотрении районным судом дела по иску гражданина Франции Д. к М. о возвращении ребенка было установлено, что с момента рождения ребенка и до его перемещения в Российскую Федерацию страной постоянного проживания ребенка являлась Швейцарская Конфедерация (далее — Швейцария). Вместе с тем, установив, что на момент выезда ответчика с ребенком из Швейцарии имелось вступившее в законную силу решение суда Швейцарии о лишении истца родительских прав (прав опеки) в отношении данного ребенка, суд пришел к выводу о том, что в указанный период ответчик обладала единоличными правами опеки в отношении несовершеннолетней, включая право определять ее место жительства.

Решением районного суда, оставленным без изменения определением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении заявления о возвращении ребенка было отказано. Определением судьи Верховного Суда РФ представителю истца отказано в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ.

Исходя из цели Конвенции, призванной, в частности, обеспечить незамедлительное возвращение детей в государство их постоянного проживания (преамбула, ст.ст. 3 и 4), суды устанавливали, является ли государство, из которого был перемещен ребенок, действительно местом его постоянного проживания.

Как отмечено в Пояснительном докладе к Гаагской конвенции, подготовленном Элизой Перес-Вера (Elisa Perez-Vera) и опубликованном Гаагской конференцией по международному частному праву (НССН) в 1982 году (далее — Пояснительный доклад к Конвенции), место постоянного проживания является вопросом факта.

В целях проверки доводов истцов о том, что государство, из которого ребенок был перемещен, являлось местом его постоянного проживания, в каждом конкретном случае суды исследовали такие обстоятельства, как длительность, периодичность, условия пребывания ребенка на территории данного государства, место и условия посещения им дошкольного учреждения или школы, семейные и социальные связи ребенка в этом государстве, гражданство ребенка и его языковые знания, причины, по которым родители проживали в данном государстве, и их намерение на дальнейшее проживание в этом государстве (в частности, заключение трудового договора, приобретение жилого помещения, получение гражданства страны проживания) и другие.

Например, при рассмотрении районным судом дела по иску Б. к К. о возвращении ребенка в страну его постоянного проживания — Францию было установлено, что проживание ребенка во Франции носило временный характер. Приезд ответчика (матери ребенка) во Францию (накануне родов) был обусловлен согласованным и оговоренным желанием обеих сторон воспользоваться при родах медицинской помощью во Франции, а не намерением сторон относительно их постоянного проживания вместе с ребенком во Франции. Стороны в зарегистрированном браке не состояли, ответчик въехала на территорию Франции 14 октября 2014 г. на основании финской шенгенской визы, срок действия которой истек 4 января 2015 г. На момент отъезда во Францию ответчик проживала в Российской Федерации, где обучалась в высшем учебном заведении, а также посещала двухгодичные курсы английского языка. В указанный период на территории Российской Федерации ответчиком была приобретена в собственность квартира.

Возражая против иска, ответчик также ссылалась на то, что после рождения ребенок во Франции в каком-либо постоянном месте не проживал, медицинской помощью не пользовался, гражданство Франции у ребенка отсутствует. Данные обстоятельства истцом оспорены не были, доказательств обратного суду не представлено. Каких-либо доказательств, подтверждающих намерение избрать Францию страной проживания сторон, а также их совместного ребенка и принятые в связи с этим действия истца по легализации нахождения ответчика на территории Франции, истцом также представлено не было.

С учетом указанных обстоятельств суд пришел к выводу о том, что Франция не являлась местом постоянного проживания ребенка.

Решением районного суда в удовлетворении заявления о возвращении ребенка было отказано.

По другому делу истец Д., ссылаясь на то, что ответчик С. осуществил незаконное перемещение ребенка из Республики Румынии (далее — Румыния), являющейся местом постоянного проживания ребенка, в Российскую Федерацию, просила вернуть ребенка в Румынию.

Удовлетворяя требование истца, суд первой инстанции не согласился с доводом ответчика о том, что местом постоянного проживания ребенка является Российская Федерация. Исследовав обстоятельства дела, суд установил, что местом постоянного проживания являлась Румыния и ребенок был незаконно перемещен в Российскую Федерацию. При этом районный суд исходил из следующего.

Истец — гражданка Румынии и ответчик — гражданин Итальянской Республики (далее — Италия) в браке не состояли, имеют совместного ребенка, местом рождения которого является Румыния. Ребенок, имеющий гражданство Румынии и Италии, с рождения проживал вместе с матерью в Румынии, спор о месте проживания ребенка между родителями не возникал.

Через год после рождения ребенка в сентябре 2013 г. истец приехала с ребенком в Российскую Федерацию к ответчику, где последний работал по контракту. В феврале 2015 г. истец приняла решение вернуться с ребенком домой в Румынию. Ответчик (отец ребенка) инициировал в суде Румынии гражданское дело о возвращении незаконно перемещенного ребенка.

Вступившими в законную силу решением суда Румынии и постановлением апелляционного суда Румынии было установлено, что обычное место жительства несовершеннолетнего ребенка сторон находится в Румынии, а не в России, как утверждал С., в связи с чем в удовлетворении иска С. о возвращении ребенка в Российскую Федерацию на основании Конвенции 1980 года было отказано.

Вместе с тем ответчик без согласования с истцом принял решение о смене обычного места жительства ребенка и осуществил незаконное перемещение ребенка из государства постоянного проживания — Румынии в Российскую Федерацию.

Помимо обстоятельств, установленных указанными выше решениями судов Румынии и положенных районным судом в основу своего вывода о том, что местом постоянного проживания ребенка являлась именно Румыния, районный суд также принял во внимание, что сам ответчик находится в Российской Федерации временно и не имеет намерения остаться здесь на постоянное жительство, ни он, ни ребенок документов, подтверждающих право постоянного проживания на территории Российской Федерации, не имеют, несовершеннолетний зарегистрирован на территории Российской Федерации по месту пребывания (по месту работы ответчика).

С данным выводом районного суда согласился и суд апелляционной инстанции, который в апелляционном определении, в частности, указал, что ссылка ответчика на то, что проживание ребенка с ним в Российской Федерации в течение одного года начиная с ноября 2016 г. привело к тому, что Россия стала для ребенка государством постоянного проживания, основана на ошибочном толковании норм Конвенции.

Решением районного суда, оставленным без изменения определением суда апелляционной инстанции, заявление Д. о возвращении ребенка в государство постоянного проживания (Румынию) было удовлетворено.

По другому делу районный суд также удовлетворил требования истца.

Судом было установлено, что ответчик (отец ребенка), забрав ребенка из детского сада, не поставив об этом в известность его мать, вывез несовершеннолетнего без согласия матери из Республики Казахстан (далее также — Казахстан) в Российскую Федерацию. Факт незаконного перемещения ребенка нашел свое подтверждение в ходе судебного разбирательства.

При этом суд не принял во внимание довод ответчика о том, что Российская Федерация также является местом постоянного проживания ребенка, поскольку помимо гражданства Республики Казахстан ребенок имеет российское гражданство и около года проживает в России, и исходил из того, что лицо может иметь только одно место постоянного проживания, при этом лицо может иметь несколько гражданств.

Суд пришел к выводу о том, что местом постоянного проживания ребенка является Республика Казахстан, поскольку ребенок родился на территории Рес-

публики Казахстан и до своего перемещения в Российскую Федерацию в течение 5 лет проживал там постоянно вместе с матерью и старшими сестрами. До расторжения брака с истцом ответчик также проживал в Республике Казахстан совместно с матерью ребенка и детьми. Ребенок посещал детский сад, готовился к зачислению в школу, с рождения и до своего перемещения в Российскую Федерацию наблюдался в медицинском учреждении Казахстана, общался с родственниками со стороны как матери, так и отца. Со дня незаконного перемещения ребенка на территорию Российской Федерации до даты обращения матери ребенка в суд прошло менее года.

Обстоятельств, препятствующих вынесению решения, предписывающего возвращение ребенка в место его постоянного проживания (в Республику Казахстан), на которые ответчик ссылался в своих возражениях на иск, в ходе судебного разбирательства установлено не было.

Определением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции оставлено без изменения.

Обобщение судебной практики свидетельствует о том, что вопрос, являлось ли государство, с территории которого ребенок был перемещен, местом постоянного проживания ребенка, исследовался судами первой инстанции, как правило, полно и всесторонне.

Вместе с тем в судебной практике имели место случаи, когда суд апелляционной инстанции не соглашался с выводом суда первой инстанции относительно установления места постоянного проживания ребенка.

Так, по делу по заявлению Е. к А. о возвращении ребенка в Украину районный суд пришел к выводу о том, что истцом (матерью ребенка) не доказан факт постоянного проживания несовершеннолетней в Украине, и в связи с этим вынес решение об отказе в удовлетворении заявления.

Суд апелляционной инстанции не согласился с указанным выводом суда первой инстанции по следующим основаниям.

Судебная коллегия указала, что с целью определения места постоянного проживания ребенка необходимо, в частности, исследовать такие обстоятельства, как длительность, периодичность, условия и причины пребывания ребенка на территории государства и перемещения семьи в это государство, место и условия посещения им школы, социальные связи ребенка, а также учитывать намерение родителей проживать в той или иной стране.

Судебная коллегия установила, что некоторое время стороны и ребенок проживали в России, однако в 2016 году Е. вместе с дочерью вернулась в Украину. При этом большую часть времени до своего перемещения ребенок проживал вместе со своей матерью на территории Украины, где мать и дочь имеют постоянную регистрацию, ребенок посещал детские учреждения, получал медицинскую помощь по месту проживания. Ответчик также имеет постоянную регистрацию на территории Украины. На территории Украины проживают родственники истца и ответчика.

С учетом установленных обстоятельств судебная коллегия пришла к выводу о том, что местом постоянного проживания ребенка является Украина.

Судебной коллегией также учтено, что на момент разрешения данного спора решением суда Украины брак между сторонами был расторгнут, место жительства несовершеннолетней определено с матерью. Суд обязал А. передать ребенка матери, и решение суда в указанной части обращено к немедленному исполнению.

Установив, что именно Украина являлась местом постоянного проживания ребенка, ответчик незаконно переместил ребенка в Российскую Федерацию (в ходе прогулки на глазах у матери посадил дочь в ма-

шину и уехал, вывез ребенка с территории Украины, что им не отрицалось, а на просьбу вернуть дочь ответил отказом), суд апелляционной инстанции отменил решение районного суда и вынес новое решение, которым обязал А. возвратить несовершеннолетнего в место ее постоянного проживания (в Украину).

Как показало обобщение судебной практики, обосновывая невозможность возвращения ребенка в страну его постоянного проживания, ответчики в своих возражениях на иск нередко ссылались на адаптацию ребенка в Российской Федерации.

Исходя из положений ст. 12 Конвенции, отказ в возвращении ребенка по указанному основанию допустим при совокупности двух условий: во-первых, если между днем незаконного перемещения или удержания ребенка и датой начала процедур по его возвращению прошло более одного года и, во-вторых, если будет установлено, что ребенок действительно адаптировался в новых условиях. При этом обязанность доказать адаптацию ребенка возлагается на ответчика.

Так, решением суда первой инстанции был удовлетворен иск Ч. к А. о возвращении ребенка, незаконно удерживаемого в Российской Федерации.

В ходе судебного разбирательства было установлено, что стороны, являющиеся родителями ребенка, в браке не состояли и проживали раздельно. Местом постоянного проживания ребенка являлась Республика Казахстан, на территории которой ребенок родился и постоянно проживал вместе со своей матерью (истцом) на протяжении шести лет. В Республике Казахстан ребенок посещал детское дошкольное образовательное учреждение, получал медицинскую помощь. Во время кратковременной поездки родителей и ребенка в Российскую Федерацию, целью которой являлось знакомство и общение с родственниками отца ребенка, проживавшего в Российской Федерации, ответчик увез ребенка по месту своего жительства и отказался возвратить его в место постоянного проживания — Республику Казахстан.

С учетом установленных по делу обстоятельств суд пришел к выводу о том, что со стороны ответчика имело место незаконное удержание ребенка в Российской Федерации, и своим решением предписал незамедлительно возвратить ребенка в страну его постоянного проживания — Республику Казахстан.

При этом судом не был принят во внимание довод ответчика о том, что ребенок адаптировался в новых условиях, поскольку, как установил суд, с момента незаконного удержания и до начала процедур по возвращению ребенка годичный срок не истек, и поэтому, как указал суд, вопрос об адаптации ребенка в данном случае не подлежит обсуждению, а ответ на него не может повлиять на решение дела по существу требования. Каких-либо убедительных доказательств, свидетельствующих о наличии иных оснований, предусмотренных Конвенцией, для отказа в возвращении ребенка, ответчиком представлено не было и судом не установлено.

Суд апелляционной инстанции оставил решение суда первой инстанции без изменения.

При исчислении годичного срока суды исходили из того, что начало его течения определяется датой незаконного перемещения или удержания ребенка, что прямо вытекает из абз. 1 ст. 12 Конвенции. При этом под удержанием ребенка суды понимали ситуацию, когда ребенок был вывезен родителем в Российскую Федерацию на законном основании, однако не был возвращен в страну своего постоянного проживания по истечении срока, на который было дано согласие другого родителя на его выезд.

При определении даты начала процедур по возвращению ребенка суды исходили из даты подачи в суд заявления о возвращении ребенка.

Решая вопрос о том, имела ли место адаптация ребенка в Российской Федерации, суды учитывали период, прошедший с момента перемещения (удержания) ребенка и даты начала процедуры по его возвращению из Российской Федерации (даты подачи искового заявления в суд о возвращении ребенка на основании международного договора), а также общий срок нахождения ребенка в Российской Федерации на момент вынесения судом решения, посещение ребенком в России дошкольных и иных образовательных организаций на постоянной основе, занятия в спортивных секциях и кружках, сложившийся круг общения ребенка (наличие друзей, родственников), овладение им русским языком, обеспеченность жилым помещением и бытовые условия проживания ребенка в этом помещении, а также другие обстоятельства.

Так, например, при рассмотрении районным судом дела по иску С. к А. о возвращении ребенка судом было установлено, что с иском о возвращении ребенка в Израиль С. обратился спустя более двух лет после перемещения ответчиком ребенка в Российскую Федерацию, при этом место нахождения ответчика с ребенком в Российской Федерации С. было известно, до обращения с данным иском в суд он посещал ответчика и ребенка по месту их проживания в Российской Федерации. Ребенок зарегистрирован и постоянно проживает более двух лет вместе со своей матерью, а также с бабушкой и дедушкой по материнской линии на территории Российской Федерации в жилом доме, собственниками которого являются бабушка и дедушка, где у него имеется спальное место, предметы обихода, игрушки, на приусадебном участке для ребенка оборудована детская площадка (качели, горка), девочка посещает дошкольное учреждение и разговаривает исключительно на русском языке.

Учитывая данные обстоятельства, а также принимая во внимание срок проживания ребенка в Российской Федерации, суд пришел к выводу о том, что несовершеннолетняя полностью социализирована и адаптирована в Российской Федерации.

Решением районного суда, оставленным без изменения апелляционным определением, в удовлетворении иска о возвращении ребенка в Израиль было отказано.

Как уже указывалось выше, п. "b" ст. 13 Конвенции 1980 года предусмотрено, что судебный или административный орган запрашиваемого государства не обязан предписывать возвращение ребенка, если лицо, учреждение или иная организация, выступающие против его возвращения, докажут, что имеется очень серьезный риск того, что возвращение ребенка создаст угрозу причинения ему физического или психологического вреда или иным образом поставит его в невыносимые условия.

В Пояснительном докладе к Конвенции отмечено, что интерес ребенка, состоящий в том, чтобы его не перемещали из места постоянного проживания без достаточных гарантий стабильности его жизни в новом окружении, отступает перед главным интересом любого индивида не подвергаться физической или психической опасности и не оказаться в нетерпимой ситуации.

По ряду дел ответчики, возражая против возвращения ребенка в страну его постоянного проживания, ссылались на наличие обстоятельств, предусмотренных п. "b" ст. 13 Конвенции 1980 года. При доказанности данных обстоятельств суды отказывали в возвращении ребенка в государство его постоянного проживания.

Например, при рассмотрении районным судом дела по иску С. к К. о возвращении несовершеннолетних детей, незаконно удерживаемых в Российской Федерации, судом было установлено, что после отказа ответчика (матери детей) вернуться в Королевство Бельгия (далее — Бельгия) истец обратился в суд Бельгии, которым были приняты следующие меры: уполномо-

чено проживание истца отдельно без супруги и наложен запрет на то, чтобы супруга заходила в жилище под угрозой служебного выдворения перед запрошенным судебным исполнителем, предоставлены родительские права в отношении детей исключительно отцу, несовершеннолетние прописываются по адресу отца.

Истец также обратился в органы полиции с заявлением о похищении детей. Согласно разъяснениям бельгийского адвоката, заверенным надлежащим образом, С. подал иск о похищении детей, который находится у Королевского прокурора. Дело в настоящее время приостановлено, однако Королевский прокурор может вынести решение о передаче дела судье-следователю, который может применить санкцию в виде ареста. Более того, в связи с принятием судом Бельгии срочных мер в виде передачи истцу единоличных родительских прав дети должны быть переданы отцу, а мать в настоящее время является похитителем детей, и, следовательно, возможность уголовного преследования очень высока. Данные обстоятельства подтверждались в том числе и письмом заместителя Королевского прокурора Бельгии, согласно которому возможность возбуждения уголовного дела не отпала.

С учетом указанного суд пришел к выводу о том, что существует риск, что в случае удовлетворения требования ответчик не сможет последовать за своими детьми и осуществлять опеку над ними ввиду угрозы уголовного преследования. Кроме того, ответчик, по сути, лишена родительских прав, которые переданы исключительно отцу, она не имеет права находиться в доме, в котором проживает истец и в котором предписано проживать их детям.

Между тем, как установил суд, старший ребенок имеет надежную эмоциональную привязанность к матери, отрыв от нее повлечет для него серьезную психологическую травму, что подтверждалось психодиагностическим обследованием, показаниями судебного психолога. Младший ребенок также имеет сильную привязанность к матери, и переезд в Бельгию без матери станет для него тяжелым потрясением. В силу своего малолетнего возраста он не помнит проживание в Бельгии, на момент отъезда из Бельгии у него отсутствовали социальные связи, он не умел говорить, в настоящее время разговаривает на русском языке.

Судом также было установлено, что, осуществляя права опеки, истец позволял недопустимое обращение с детьми. На момент приезда из Бельгии старший ребенок вел себя агрессивно, заикался, что явилось результатом нервного потрясения. В период проживания в России ребенок проходил сеансы психотерапии, стал более спокойным, у него прошло заикание.

Принимая во внимание указанные выше обстоятельства, суд нашел установленным факт наличия очень серьезного риска того, что возвращение детей в Бельгию создаст угрозу причинения им физического и психологического вреда и поставит их в невыносимые условия, и в связи с этим отказал в удовлетворении иска.

Апелляционным определением суда апелляционной инстанции решение районного суда оставлено без изменения.

Статья 13 Конвенции, предусматривая возможность отказа в возвращении ребенка, если судебный или административный орган придет к заключению, что *ребенок возражает против возвращения и уже достиг такого возраста и степени зрелости, при которых следует принять во внимание его мнение*, не определяет какой-либо минимальный возраст, начиная с которого следует выяснять мнение ребенка и принимать его во внимание при решении вопроса о возможности возвращения ребенка в место его постоянного проживания.

В связи с этим, как показало обобщение судебной практики, при разрешении вопроса о выявлении мнения ребенка относительно его возвращения в государ-

ство постоянного проживания и возможности учета этого мнения суды руководствовались положениями ст. 12 Конвенции о правах ребенка, а также ст. 57 СК РФ.

Так, согласно ст. 12 Конвенции о правах ребенка ребенку, способному сформулировать свои собственные взгляды, должно быть обеспечено право свободно выражать эти взгляды по всем вопросам, затрагивающим его, причем взглядам ребенка уделяется должное внимание в соответствии с возрастом и зрелостью ребенка. С этой целью ребенку, в частности, предоставляется возможность быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства, затрагивающего ребенка, либо непосредственно, либо через представителя или соответствующий орган, в порядке, предусмотренном процессуальными нормами национального законодательства. Как указано в ст. 57 СК РФ, ребенок вправе выражать свое мнение при решении в семье любого вопроса, затрагивающего его интересы, а также быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства. Учет мнения ребенка, достигшего возраста 10 лет, обязателен, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам.

Мнение детей по вопросу их возможного возвращения в государство, где они проживали до перемещения в Российскую Федерацию, выявлялось органом опеки и попечительства при составлении акта обследования условий жизни несовершеннолетнего, что отражалось в заключениях, подготовленных указанными органами, а также выявлялось непосредственно судом в судебном заседании.

Так, в частности, в судебном заседании опрашивались дети, достигшие возраста 10 лет, а по ряду дел также дети более раннего возраста (5, 6, 7 и 9 лет).

Например, по одному из дел о возвращении детей судом были опрошены двое несовершеннолетних: в возрасте 9 лет 3 месяцев и 14 лет 9 месяцев.

Суд учел мнение старшего ребенка. При этом суд, в частности, исходил из того, что несовершеннолетняя, которой на момент вынесения решения было 14 лет 9 месяцев, достигла такой степени зрелости, при которой ее мнение следует учитывать. Несовершеннолетняя категорически отказывалась возвращаться в Испанию, выражала желание остаться жить в России. В судебном заседании она пояснила, что в случае возвращения в Испанию она уйдет из дома, девочка была обижена на отца за то, что он не понимает ее желания остаться в Российской Федерации.

Суд также принял во внимание, что второй ребенок в возрасте 9 лет 3 месяцев также возражает против возвращения в Испанию, девочка говорила, что в России ей комфортно, она имеет много друзей, хотела бы остаться жить в России, а к папе в Испанию ездить на каникулы. Суд отметил, что исходя из показаний свидетелей, сторон, психолога, самой несовершеннолетней следует, что она эмоционально и психологически привязана к старшей сестре, разлука с ней может нанести психологический вред несовершеннолетней, и, следовательно, возвращение ее без старшей сестры недопустимо.

Решением районного суда в удовлетворении заявления о возвращении детей было отказано. Решение суда первой инстанции в апелляционном порядке не обжаловалось.

По другому делу в судебном заседании суда первой инстанции была опрошена несовершеннолетняя, которая достигла возраста 10 лет. Несовершеннолетняя высказала в суде свое мнение о нежелании возвращаться в Германию, где она проживала вместе с родителями и младшими братьями до перемещения в Российскую Федерацию. Мнение несовершеннолетней судом первой инстанции не было учтено, поскольку суд пришел к выводу о том, что несовершеннолетняя

не достигла того возраста и степени зрелости, при которых согласно ст. 13 Конвенции 1980 года при разрешении вопроса о возвращении ребенка следует принять во внимание ее мнение.

Признав, что имеет место незаконное удержание детей в Российской Федерации, суд вынес решение о возвращении девочки вместе с ее несовершеннолетними братьями (7 и 5 лет, а также 1 года) в место их постоянного проживания — в Германию.

Суд апелляционной инстанции, отменяя решение суда первой инстанции и отказывая в удовлетворении иска, не согласился, в частности, с выводом суда первой инстанции относительно невозможности учета мнения несовершеннолетней, достигшей возраста 10 лет. При этом суд апелляционной инстанции исходил из следующего.

В абз. 2 ст. 13 Конвенции 1980 года предусмотрено основание для отказа в требовании о возвращении ребенка в государство его постоянного проживания — возражение самого ребенка при условии, что он достиг такого возраста и степени зрелости, при которых следует принять во внимание его мнение. Конвенция прямо не устанавливает обязанности заслушивать мнение ребенка по вопросу о его возвращении в государство постоянного проживания, однако такие требования содержатся в иных международных актах, а также в нормах Семейного кодекса РФ.

В ст. 12 Конвенции о правах ребенка предусмотрено, что государства-участники обеспечивают ребенку, способному сформулировать свои собственные взгляды, право свободно выражать эти взгляды по всем вопросам, затрагивающим ребенка, причем взглядам ребенка уделяется должное внимание в соответствии с возрастом и зрелостью ребенка (п. 1). С этой целью ребенку, в частности, предоставляется возможность быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства, затрагивающего ребенка, либо непосредственно, либо через представителя или соответствующий орган, в порядке, предусмотренном процессуальными нормами национального законодательства (п. 2). Пункт 1 ст. 14 Конвенции о правах ребенка закрепляет, что государства-участники уважают право ребенка на свободу мысли, совести и религии.

Международные акты не содержат указания на конкретный возраст ребенка, по достижении которого ему должна быть предоставлена возможность быть услышанным и следует учитывать его мнение.

В ст. 57 СК РФ закреплено право ребенка на выражение своего мнения, которое не ограничено условием о достижении определенного возраста, но установлена обязательность учета мнения ребенка, достигшего возраста 10 лет (за исключением ситуаций, когда это противоречит его интересам).

Несовершеннолетняя, достигшая возраста 10 лет, была опрошена судом первой инстанции. В ходе опроса она сообщила, что ей нравится в России, возвращаться в Германию она не желает. У нее здесь много друзей, к ней хорошо относятся, тогда как в Германии у нее друзей нет, дети общались с ней только в тех случаях, когда больше общаться было не с кем. Школа, которую она посещала в Германии, ей не нравилась, так как там ее не уважали и постоянно дразнили по причине того, что она русская. Девочка указала, что она хочет жить в России с мамой, но также хочет, чтобы папа был рядом, купив себе жилье.

Суд апелляционной инстанции исследовал доказательства, представленные в суд первой инстанции, а также принял в качестве новых доказательств консультативное заключение специалиста СГОО «Центр психологической помощи «Форма жизни», подготовленное судебным экспертом-психологом, и психолого-педагогическую характеристику в отношении несовершеннолетней за период ее обучения в школе.

Оценив в соответствии с требованиями ст. 67 ГПК РФ имеющиеся доказательства, суд апелляционной инстанции признал возможным учесть мнение несовершеннолетней по вопросу ее возвращения в государство постоянного проживания, поскольку ее возражения являлись мотивированными, ребенок понимал происходящую ситуацию, ее позиция являлась устойчивой, степень зрелости и возраст несовершеннолетней (10 лет) достаточны для учета ее мнения.

С учетом указанного суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что имеется основание, предусмотренное абз. 2 ст. 13 Конвенции 1980 года, для отказа в требованиях о возвращении данного ребенка.

Определением судьи Верховного Суда РФ представителю истца отказано в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ.

В другом случае суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции об отсутствии основания для отказа в возвращении детей в государство их постоянного проживания — Эстонскую Республику (далее — Эстония) по причине имеющихся возражений старшего ребенка.

Факт незаконного перемещения ответчиком (отцом детей) несовершеннолетних, 2010 и 2014 годов рождения, из Эстонии в Российскую Федерацию нашел свое подтверждение в ходе судебного разбирательства.

Как установил суд, с момента рождения дети проживали в Эстонии, где посещали дошкольные учреждения, наблюдались у семейного врача. Несовершеннолетние являлись гражданами Эстонии, впоследствии приобрели российское гражданство. Вывоз детей в Российскую Федерацию был осуществлен ответчиком без согласия истца (матери детей).

Возражая против иска, ответчик, в частности, ссылался на необходимость учета мнения старшего ребенка о его нежелании возвращаться в Эстонию, которое было отражено в акте обследования условий жизни несовершеннолетних, представленном органом опеки и попечительства.

Вместе с тем суд пришел к выводу о том, что малолетний возраст данного ребенка, не достигшего 6 лет, свидетельствует об отсутствии у него достаточного уровня понимания и зрелости. Об этом свидетельствовала также и сама формулировка выраженного им мнения, на которую суд обратил внимание, а именно: «сейчас он проживает в месте, где постоянно светит солнце, нет мурмой погоды, возвращаться в квартиру, где живет его мама, он не хочет».

Указанные обстоятельства не дали суду оснований для возможности учета мнения ребенка относительно его возвращения в Эстонию.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения определением суда апелляционной инстанции, заявление о возвращении детей в государство их постоянного проживания было удовлетворено.

В необходимых случаях в целях выявления мнения детей, а также выяснения вопроса о том, достигли ли они того возраста и степени зрелости, при которых следует принять во внимание их мнение относительно возвращения в государство постоянного проживания, судами назначались судебно-психологические экспертизы, а также привлекались к участию в деле специалисты-психологи.

Например, при рассмотрении судом дела по иску А. к Е. о возвращении детей в качестве одного из оснований для отказа в иске ответчик, в частности, указывала на то, что двое старших детей (в возрасте 7 и 5 лет) возражают против их возвращения в Израиль.

Учитывая положения абз. 2 ст. 13 Конвенции, ст. 57 СК РФ, а также исходя из того, что возраст ребенка не может являться исключительным показателем зрелости ребенка и единственным критерием учета

его мнения, зрелость ребенка должна устанавливаться в каждом конкретном случае, суд в судебном заседании в присутствии представителя органа опеки и попечительства, прокурора и привлеченного к участию в деле в качестве специалиста психолога психолого-лечебно-оздоровительного научно-практического инновационного центра «Здоровье и успех» опросил детей, 2009 и 2011 годов рождения. В отношении ребенка, достигшего возраста 3 лет, судом было принято решение об отсутствии необходимости его опроса в судебном заседании, что, по мнению суда, будет отвечать интересам малолетнего ребенка.

По результатам беседы с детьми суд определил обязать специалиста в лице психолога дать письменную консультацию, поставив на его разрешение вопрос: «Достигли ли несовершеннолетние, 2009 и 2011 годов рождения, с учетом их возраста, степени зрелости, при которой следует принимать во внимание их мнение по вопросу возвращения их в Израиль?».

Согласно письменной консультации ребенок, 2009 года рождения, достиг ограниченной степени зрелости, при которой следует принимать во внимание его мнение по вопросу возвращения в Израиль, он способен понимать и оценивать последствия различных альтернатив, при условии, что каждая из этих альтернативных ситуаций уже встречалась в его жизненном опыте и он наблюдал возможные последствия, но не способен оценивать отдаленные последствия этих альтернатив. В отношении несовершеннолетней 2011 года рождения сделан вывод о том, что она не достигла степени зрелости, при которой следует принимать во внимание ее мнение по вопросу возвращения в Израиль.

С учетом указанной письменной консультации психолога, опроса несовершеннолетних суд пришел к выводу о том, что отсутствует предусмотренное абз. 2 ст. 13 Конвенции основание для отказа в удовлетворении заявления о возвращении детей в государство постоянного проживания в связи с имеющимися у них возражениями, поскольку один из детей достиг ограниченной степени зрелости, при которой следует принимать во внимание его мнение по вопросу возвращения в Израиль, а другой — не достиг степени зрелости, при которой следует принимать во внимание его мнение по указанному вопросу.

Принимая решение об отказе в иске, суд также учел, что разлучение детей в данном случае недопустимо и может повлечь риск причинения им очень серьезного вреда, а потому довод ответчика о том, что необходимо прислушаться к мнению старшего ребенка (2009 года рождения), не может быть принят судом во внимание при принятии решения, в том числе с учетом ограниченной степени зрелости данного ребенка.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения определением суда апелляционной инстанции, заявление о возвращении детей в государство постоянного проживания было удовлетворено.

В судебной практике имели место случаи, когда истцы отказывались от иска о возвращении ребенка. В случае принятия отказа от иска суд прекращал производство по делу.

Так, например, в предварительном судебном заседании по делу по иску Б. к Г. о возвращении несовершеннолетнего сына во Францию представитель истца, действующая на основании доверенности, содержащей полномочия на полный или частичный отказ от исковых требований, заявила ходатайство об отказе в полном объеме от заявленных требований к Г. о возвращении ребенка, обосновав такой отказ тем, что сторонами спора было подписано и заверено нотариально соглашение о порядке осуществления родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка, и об уплате алиментов на содержание ребенка, в котором урегулированы вопросы, связанные с воспитанием,

содержанием, местом жительства, порядком общения, гражданством, совместным осуществлением родителями и родственниками гражданских прав и обязанностей, а также многими другими аспектами, касающимися несовершеннолетнего ребенка и его родителей.

Районный суд, установив, что отказ является добровольным, не противоречит требованиям закона, не нарушает права и законные интересы несовершеннолетнего, других лиц, разъяснив последствия отказа, руководствуясь положениями чч. 1 и 2 ст. 39, ч. 1 ст. 173, абз. 3 ст. 220, ст.ст. 221 и 244¹² ГПК РФ, прекратил производство по делу.

Определение суда обжаловано не было и вступило в законную силу.

Обобщение судебной практики показало, что *в отдельных случаях суды апелляционной инстанции, рассматривая в апелляционном порядке дела о возвращении детей по апелляционным жалобам сторон, апелляционным представлением прокурора, не соглашались с выводами судов первой инстанции относительно оценки ими имеющихся в деле доказательств, в порядке, предусмотренном абз. 2 ч. 1 ст. 327¹ ГПК РФ, принимали дополнительно представленные доказательства и на основе оценки всех доказательств по делу отменяли решения судов первой инстанции.*

Так, например, решением районного суда был удовлетворен иск гражданина Республики Польша В. К. О. о возвращении ребенка.

Разрешая заявленные требования, суд первой инстанции, установив факт незаконного перемещения ребенка в ноябре 2017 г. в Российскую Федерацию, а также то, что местом постоянного проживания ребенка является Республика Польша (далее — Польша), нахождение ребенка в Российской Федерации нарушает права отца, учитывая, что с момента перемещения малолетнего ребенка прошло менее года и отсутствуют какие-либо препятствия для его возвращения в Польшу, предписал незамедлительно возвратить ребенка.

Суд апелляционной инстанции не согласился с решением суда первой инстанции, указав, что закон, подлежащий применению, определен судом верно, однако юридически значимые обстоятельства не получили должной оценки, что привело к постановлению неправомерного решения.

Как отметил суд апелляционной инстанции, судом первой инстанции при рассмотрении дела не получило должной правовой оценки то обстоятельство, что постановлением районного суда Польши, копия которого с надлежащим переводом была представлена в материалы дела, осуществление родительских прав в отношении малолетнего ребенка, 2014 года рождения, поручено О. с определением места проживания малолетнего с матерью, осуществление отцом родительских прав в отношении малолетнего было ограничено.

При этом в названном постановлении суда отражено, что истцом родительские обязанности в отношении несовершеннолетнего осуществлялись ненадлежащим образом, что отец забрал у матери ребенка в двухлетнем возрасте, когда тот находился на грудном вскармливании, и удерживал его, называя разные места пребывания ребенка, в связи с чем О. была вынуждена обратиться в полицию, а затем и в суд. Согласно заключению психолога (оцененного судом в качестве решающего критерия в осуществлении выбора одного из родителей, которому должны быть поручены родительские права) малолетний внезапно был оторван отцом от матери, с которой в течение длительного времени был лишен контакта, также был лишен стабильности в связи со сменой мест проживания, у ребенка было нарушено чувство безопасности, укоренения, повторяемость и непрерывность условий воспитания, отсутствовал четко установленный режим дня. В. был оценен психологом как лицо, не имеющее надлежащих

психологических ресурсов для осуществления опеки над малолетним.

Кроме того, судебная коллегия на основании ст. 327¹ ГПК РФ приняла новое доказательство по делу в виде постановления окружного суда Польши, вынесенного по результатам рассмотрения апелляции В. на указанное выше постановление районного суда Польши, которым в том числе были установлены обстоятельства выезда О. с несовершеннолетним из Польши в ноябре 2017 г.

Окружной суд указал, что в декабре 2017 г. закончился срок, на который О. был выдан временный вид на жительство в Польшу, до настоящего времени ее ходатайство о выдаче очередного временного вида на жительство, поданное ею в феврале 2017 г., не рассмотрено. Судом также было установлено наличие у малолетнего двух гражданств, осознание родителями того обстоятельства, что вследствие их разного происхождения у ребенка две родины, понимали родители и наличие у О. временного вида на жительство, при том что целью О. являлось более длительное проживание в Польшу и ею принимались меры к продлению своего нахождения в Польшу, о чем свидетельствовало ее трудоустройство, покупка квартиры, обращение за визой за 10 месяцев до истечения срока действия вида на жительство.

Окружной суд не признал выезд малолетнего с матерью в Российскую Федерацию в период действия предыдущего вида на жительство и ожидание выдачи нового в качестве решающего обстоятельства в обоснованности ходатайства В. о поручении ему осуществления родительских прав. В этом же постановлении окружного суда отражены также обстоятельства, свидетельствующие об отсутствии со стороны О. каких-либо действий, направленных на ограничение сохраненных за В. родительских прав. Апелляция истца была оставлена окружным судом без удовлетворения.

С учетом указанных судебных решений судов Польши судебная коллегия пришла к выводу об отсутствии факта незаконного перемещения ребенка из Польши в Российскую Федерацию, поскольку выезд матери, с которой определено судом место жительства малолетнего, был вызван независимыми от нее обстоятельствами — истечением срока действия временного вида на жительство и отсутствием решения компетентного органа о выдаче вида на жительство на новый период. При этом, принимая во внимание неспособность истца осуществлять родительские права, а также те обстоятельства, что место жительства ребенка определено с матерью и ей поручено осуществление родительских прав, судебная коллегия также пришла к выводу о том, что пребывание малолетнего ребенка в Польшу фактически обусловлено возможностью пребывания его матери в указанном государстве.

Не установила судебная коллегия и нарушений прав истца перемещением ребенка в Российскую Федерацию. Как указал суд апелляционной инстанции, объем сохраненных истцу родительских прав в действительности не нарушается выездом ребенка из Польши в Российскую Федерацию, препятствий к реализации права на получение информации о воспитании и об образовании ребенка истец не имеет. Ребенок общался с отцом как в присутствии, так и в отсутствие матери, как в Польшу, так и в Российской Федерации, что подтверждено и постановлением окружного суда Польши. Ответчик принимает меры к получению разрешительных документов для въезда и проживания в Польшу.

В то же время, как установила судебная коллегия, отец родительскими правами пользуется недобросовестно. Прибыв в Россию в январе 2018 г., истец без ограничения общался с ребенком, злоупотребив доверием ответчика, забрал ребенка в отсутствие согласия матери и удерживал в неизвестном месте в течение месяца, до наступления даты необходимого выезда из Рос-

сийской Федерации, тем самым создавая угрозу для нормального развития малолетнего сына, нарушая стабильность окружающей ребенка обстановки, совершая фактически действия, аналогичные тем, что давали О. основания для возбуждения дела об ограничении В. в родительских правах в Польше и которые являлись предметом оценки психолога, указавшего на недопустимость подобного поведения отца.

Поскольку ответчик по независящим от нее причинам не имеет возможности въехать в Польшу, а постановлением районного суда Польши истец ограничен в родительских правах и место проживания ребенка определено с матерью, судебная коллегия пришла к выводу о том, что возвращение ребенка в Польшу повлечет оставление его без попечительства родителей, что является недопустимым. При этом судебная коллегия также приняла во внимание обстоятельства, установленные при рассмотрении апелляции В. на постановление районного суда Польши о невозможности передачи ребенка на воспитание отцу, который не обеспечивает сыну стабильность в отношении места проживания, имеет склонность рассматривать ребенка как предмет, навязывать ему стиль жизни взрослого мужчины, подрывать авторитет матери, отец отдает предпочтение своим нуждам и целям, недостаточно проникательно распознает нужды и эмоции малолетнего.

Определением суда апелляционной инстанции решение районного суда было отменено, в удовлетворении исковых требований В. о возвращении ребенка отказано. Определением судьи Верховного Суда РФ представителю истца отказано в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ.

Статьей 244¹⁴ ГПК РФ по делам о возвращении ребенка установлен запрет на соединение исковых требований и предъявление встречного иска, за исключением случая объединения истцом требований о возвращении двух и более детей, незаконно перемещенных в Российскую Федерацию или удерживаемых в Российской Федерации, на основании международного договора Российской Федерации.

Данный запрет обусловлен положениями ст. 19 Конвенции, согласно которой решение о возвращении ребенка, принятое в соответствии с Конвенцией, не затрагивает существа любого вопроса об опеке.

Таким образом, разрешая требование о возвращении ребенка в государство его постоянного проживания, суд не должен решать вопрос о том, с кем из родителей будет проживать ребенок, а также разрешать иные вопросы, касающиеся прав опеки, что судами учитывалось.

Так, например, решением районного суда отказано в удовлетворении иска Л. (матери ребенка) к В. (бабушке ребенка по материнской линии) о признании незаконным перемещения ребенка в Российскую Федерацию и об обязанности возвратить ребенка в место его постоянного проживания — в Соединенные Штаты Америки (далее — США) либо в Республику Беларусь.

В отношении требования о возвращении ребенка в США суд, основываясь на положениях ст. 38 Конвенции 1980 года, указал, что Конвенция имеет силу только между присоединившимися государством и теми Договаривающимися государствами, которые заявят о своем признании присоединения. США не заявили о своем признании присоединения России к Конвенции, в связи с чем Конвенция применению не подлежит.

Требование о возвращении ребенка в Республику Беларусь судом было оставлено без удовлетворения, поскольку, как установил суд, Республика Беларусь не являлась государством постоянного проживания ребенка, так как на территории Республики Беларусь не

совершеннолетняя с матерью никогда не проживала и не находилась.

Как установил суд, ребенок с рождения постоянно проживал в Российской Федерации со своей бабушкой В. Ответчик выехала в Российскую Федерацию вместе с ребенком на длительный период с согласия матери ребенка, при этом срок нахождения ребенка в России сторонами оговорен не был, ребенок с согласия матери был зачислен в детское дошкольное учреждение, на протяжении более года истец не возражала против проживания ребенка в России, жизнью и здоровьем девочки не интересовалась. С заявлением о возвращении дочери истец обратилась впервые в компетентные органы Российской Федерации только спустя год после отъезда ребенка, несмотря на то что ей было известно о нахождении ребенка в России, а также о месте его жительства и о месте обучения.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции. При этом в отношении дополнений к иску, в которых истец ссылалась на необходимость разрешения спора с применением ст. 68 СК РФ, суд апелляционной инстанции указал, что об изменении иска истцом заявлено не было. Более того, обстоятельство, которое подлежит доказыванию при рассмотрении требования родителя на основании ст. 68 СК РФ о возврате ребенка от лица, незаконно удерживающего его у себя, и обстоятельства, подлежащие доказыванию в рамках рассмотрения спора о незаконном удержании ребенка на основании Конвенции 1980 года, являются различными.

Так, при рассмотрении спора по правилам ст. 68 СК РФ суд учитывает реальную возможность обеспечить надлежащее воспитание ребенка родителем; характер сложившихся взаимоотношений между ребенком и родителем; привязанность ребенка к лицам, у которых он находится, и другие конкретные обстоятельства, влияющие на создание нормальных условий жизни и воспитания ребенка родителем, а также лицами, у которых проживает и воспитывается несовершеннолетний (п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. № 10 “О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей”). Все перечисленные выше обстоятельства не являются юридически значимыми при рассмотрении спора в рамках Конвенции 1980 года, по этим причинам они судом первой инстанции не выяснялись и не устанавливались. Суд апелляционной инстанции также указал, что доводы апелляционной жалобы о неполном исследовании судом первой инстанции наличия у истца возможности содержать свою дочь правового значения не имеют, поскольку решение о возвращении ребенка, принятое в соответствии с указанной выше Конвенцией, не затрагивает существа любого вопроса об опеке, в том числе вопроса о возвращении ребенка родителю на основании ст. 68 СК РФ.

Апелляционным определением суда апелляционной инстанции решение районного суда оставлено без изменения.

Гражданским процессуальным кодексом РФ по делам о возвращении ребенка предусмотрена возможность принятия судом обеспечительных мер.

Так, согласно ст. 244¹³ ГПК РФ в необходимых случаях наряду с другими мерами по обеспечению иска в соответствии с главой 13 данного Кодекса судья может запретить ответчику до вступления в законную силу решения суда по делу о возвращении ребенка изменять место пребывания ребенка и временно ограничить его выезд из Российской Федерации.

Применение данных обеспечительных мер производится по правилам главы 13 ГПК РФ.

Обобщение судебной практики показало, что в ряде случаев судами по ходатайствам истцов принима-

лись обеспечительные меры в виде запрета ответчику до вступления в законную силу решения суда по делу о возвращении ребенка изменять место пребывания ребенка, а также в виде временного ограничения выезда ребенка из Российской Федерации.

Принимая обеспечительные меры в виде запрета ответчику изменять место пребывания ребенка, суды

указывали конкретный адрес, по которому ребенок проживал после его перемещения на территорию Российской Федерации.

*(Обзор утвержден Президиумом
Верховного Суда Российской Федерации
18 декабря 2019 г.)*

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО НЕКОТОРЫМ ВОПРОСАМ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВАХ

Верховным Судом РФ в соответствии со ст.ст. 2 и 7 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ “О Верховном Суде Российской Федерации” проведено обобщение судебной практики применения судами общей юрисдикции и арбитражными судами законодательства Российской Федерации о хозяйственных обществах.

За последние несколько лет в законодательство о хозяйственных обществах внесены масштабные изменения, которые были подготовлены в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 18 июля 2008 г. № 1108 “О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации” и разработанной во исполнение данного Указа Концепцией развития гражданского законодательства Российской Федерации.

Так, Федеральными законами от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ “О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации”; от 28 июня 2013 г. № 134-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям”; от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ “О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации”; от 3 июля 2016 г. № 343-ФЗ “О внесении изменений в Федеральный закон “Об акционерных обществах” и Федеральный закон “Об обществах с ограниченной ответственностью” в части регулирования крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность” и другими существенно изменены порядок создания и регистрации хозяйственных обществ; изменен порядок согласования и одобрения сделок с участием хозяйственных обществ, внесены другие изменения, направленные на совершенствование правового регулирования деятельности данных юридических лиц.

Некоторые из указанных положений уже получили разъяснение в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 “О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации”; от 26 июня 2018 г. № 27 “Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность” и других.

Изучение судебной практики показало, что в целом законодательство о хозяйственных обществах судами применяется правильно.

Вместе с тем в ходе проведенного обобщения судебной практики выявлены различные правовые подходы судов к разрешению отдельных вопросов, связанных с управлением и участием в хозяйственных обществах, что влечет ошибки при рассмотрении конкретных дел.

Целью Обзора является обеспечение единообразного применения судами общей юрисдикции и арбитражными судами законодательства Российской Федерации о хозяйственных обществах, а также устранение противоречивых подходов при рассмотрении сходных юридических дел.

1. Спор, вытекающий из договора займа, заключенного между физическим лицом и хозяйственным обществом и не содержащего условий об осуществлении прав участников общества, об управлении обществом, о приобретении или об отчуждении долей в уставном капитале общества, подлежит рассмотрению судом общей юрисдикции. Указанный спор рассматривается судом общей юрисдикции и в том случае, если займодавец является одним из участников этого общества.

П. обратился в суд общей юрисдикции с иском к обществу с ограниченной ответственностью (далее — ООО) о взыскании денежных сумм, в обоснование которого указал, что между ним и ответчиком были заключены договоры займа. Обязательства по передаче денег по данным договорам он исполнил, однако денежные средства ответчиком в срок не возвращены.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения апелляционным определением коллегии по гражданским делам городского суда, производство по делу прекращено с указанием на то, что данный спор подлежит разрешению арбитражным судом¹.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы нижестоящих судов основанными на неправильном толковании и применении норм материального права.

Судом первой инстанции установлено, что между истцом (займодавцем) и ответчиком (заемщиком) заключены договоры займа в целях пополнения оборотных средств общества.

Судом также установлено, что П. является участником ООО и являлся им на момент заключения договоров займа.

Прекращая производство по делу, суд первой инстанции, сославшись на положения абз. 2 ст. 220 ГПК РФ, указал, что исковые требования заявлены П. по спору между участником и самим обществом (корпоративный спор), поэтому такие требования подлежат разрешению арбитражным судом, а не судом общей юрисдикции.

Между тем требования истца по настоящему делу не входят в перечень корпоративных споров, относящихся к компетенции арбитражных судов, указанных в ст. 225¹ АПК РФ. Указанный спор вытекает из договоров займа, заключенных между физическим лицом и хозяйственным обществом, не содержит никаких условий об осуществлении прав участника, об управлении обществом, о приобретении или об отчуждении доли в уставном капитале общества и поэтому подлежит рассмотрению в суде общей юрисдикции и в том случае, если займодавец является одним из участников этого общества.

¹ Фабула дела основана на деле, рассмотренном до вступления в силу Федерального закона от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”. В соответствии с ч. 2¹ ст. 33 ГПК РФ (в ред. Федерального закона от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ), если при рассмотрении дела в суде выяснилось, что оно подлежит рассмотрению арбитражным судом, суд передает дело в арбитражный суд, к подсудности которого оно отнесено законом.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ определение суда первой инстанции и апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам городского суда отменила, дело направив на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

2. Решение общего собрания участников общества с ограниченной ответственностью, в соответствии с которым в отношении решений общества будет применяться альтернативный способ подтверждения, требует нотариального удостоверения.

Общество представило в регистрирующий орган заявление о государственной регистрации изменений, вносимых в учредительные документы юридического лица, в том числе протокол общего собрания участников, на котором было принято решение о внесении соответствующих изменений.

Решением регистрирующего органа обществу отказано в государственной регистрации указанных изменений со ссылкой на подп. "а" п. 1 ст. 23 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ "О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей".

Указанные обстоятельства послужили основанием для обращения общества в арбитражный суд с требованием о признании незаконным решения регистрирующего органа.

Удовлетворяя заявленные требования, суды первой и апелляционной инстанций исходили из отсутствия у регистрирующего органа правовых оснований для отказа в государственной регистрации, поскольку общество представило все необходимые для этого документы.

Судебные акты судов первой и апелляционной инстанций были отменены судом кассационной инстанции с вынесением нового решения об отказе в удовлетворении требования по следующим основаниям.

Из оспариваемого решения регистрирующего органа следовало, что регистрирующий орган счел непредставленным протокол общего собрания участников ввиду несоблюдения обществом требования подп. 3 п. 3 ст. 67¹ ГК РФ о его нотариальном удостоверении.

Согласно подп. 3 п. 3 ст. 67¹ ГК РФ принятие общим собранием участников общества с ограниченной ответственностью решения и состав участников общества, присутствовавших при его принятии, подтверждаются путем нотариального удостоверения, если иной способ (подписание протокола всеми участниками или частью участников; с использованием технических средств, позволяющих достоверно установить факт принятия решения; иным способом, не противоречащим закону) не предусмотрен уставом такого общества либо решением общего собрания участников общества, принятым участниками общества единогласно.

Суд кассационной инстанции указал, что суды первой и апелляционной инстанций проигнорировали довод о том, что решение общего собрания, которым устанавливался иной способ подтверждения, не было удостоверено нотариально.

С учетом изложенного арбитражные суды, по мнению суда кассационной инстанции, пришли к ошибочному выводу о представлении обществом в регистрирующий орган всех необходимых для государственной регистрации документов и неправоммерно удовлетворили заявленные им требования.

В связи с этим суд кассационной инстанции отменил состоявшиеся судебные акты и отказал в удовлетворении требования.

3. Требование о нотариальном удостоверении, установленное подп. 3 п. 3 ст. 67¹ ГК РФ, распространяется и на решение единственного участника.

Общество с ограниченной ответственностью обратилось в регистрирующий орган с заявлением о внесении в Единый государственный реестр юридических

лиц (далее — ЕГРЮЛ) сведений о начале процедуры реорганизации юридического лица в форме присоединения к нему другого юридического лица.

Регистрирующий орган вынес решение об отказе в государственной регистрации юридического лица в связи с отсутствием нотариального удостоверения решения единственного участника общества, необходимого в силу подп. 3 п. 3 ст. 67¹ ГК РФ.

Отказ регистрирующего органа был обжалован в арбитражный суд.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, заявленные требования удовлетворены, поскольку суды сочли, что законодательство не требует нотариально удостоверять решение единственного участника общества.

Суд кассационной инстанции решение суда первой инстанции и постановление апелляционной инстанции отменил, в удовлетворении требования отказал, указав, что подп. 3 п. 3 ст. 67¹ ГК РФ направлен на то, чтобы исключить фальсификацию решения, принимаемого высшим органом управления общества, и действие указанной нормы в равной мере распространяется и на решение единственного участника общества, которое также подвержено риску фальсификации.

Кроме того, закон не содержит исключения в отношении решений единственного участника в части требования о нотариальном удостоверении, установленном подп. 3 п. 3 ст. 67¹ ГК РФ.

4. При приобретении обществом с ограниченной ответственностью доли участника, потребовавшего выкупа своей доли в связи с принятием решения об одобрении крупной сделки или увеличении уставного капитала, предварительного обращения участника к обществу с предложением заключить договор об отчуждении доли и с заявлением о выходе из состава участников не требуется. Выкуп доли осуществляется на основании своевременно предъявленного требования участника путем выплаты такому участнику действительной стоимости его доли в установленном в законе срок.

Участнику общества Г. стало известно о проведении внеочередных общих собраний участников общества, на которых были приняты решения об одобрении крупных для общества сделок. Г. участия в них не принимал, за одобрение сделок не голосовал, поэтому обратился к обществу с требованием о выкупе принадлежащей ему доли в уставном капитале общества.

Уклонение от исполнения обязанности по приобретению доли в уставном капитале и отказ в выплате ее действительной стоимости послужили основаниями для обращения Г. в арбитражный суд с иском о взыскании с общества действительной стоимости доли уставного капитала общества.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении иска отказано.

Отказывая в удовлетворении иска, суды посчитали, что Г. нарушена установленная Федеральным законом от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ "Об обществах с ограниченной ответственностью" (далее — Закон об обществах с ограниченной ответственностью) и уставом общества процедура отчуждения доли, поскольку он не направлял обществу предложение по отчуждению доли и заявление о выходе из состава участников.

Суд кассационной инстанции отменил названные судебные акты и направил дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Согласно п. 2 ст. 23 Закона об обществах с ограниченной ответственностью в случае принятия общим собранием участников общества решения о совершении крупной сделки или об увеличении уставного капитала общества в соответствии с п. 1 ст. 19 названного Закона общество обязано приобрести по требованию участника общества, голосовавшего против принятия

такого решения или не принимавшего участия в голосовании, долю в уставном капитале общества, принадлежащую этому участнику.

Таким образом, при приобретении обществом доли в его уставном капитале в указанном выше порядке предварительного обращения участника к обществу с предложением заключить договор об отчуждении доли или с заявлением о выходе из состава участников не требуется. Вместе с тем закон не исключает и права сторон вместо направления участником такого требования заключить соответствующий договор о приобретении доли.

5. Решение общего собрания участников (акционеров) подлежит признанию недействительным независимо от того, каким размером доли в уставном капитале (количеством акций) владеет истец, в случае если доказано существенное нарушение процедуры созыва общего собрания участников (акционеров), которое воспрепятствовало участнику (акционеру) реализовать право на участие в принятии решений, связанных с управлением обществом.

Акционер К. обратился в арбитражный суд с иском о признании недействительным решения общего собрания акционеров общества в связи с нарушением процедуры созыва такого собрания.

Удовлетворяя заявленные требования, суд первой инстанции указал на то, что обществом при подготовке оспариваемого внеочередного общего собрания акционеров нарушены требования п. 1 ст. 52, п. 2 ст. 60 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее — Закон об акционерных обществах), а именно: акционер, обратившийся с иском в суд, не извещался о проведении общего собрания и ему не предоставлялся бюллетень для голосования. Это, как указал суд, повлекло ущемление прав акционера на участие в управлении делами акционерного общества и на участие в принятии решений, а также лишило его возможности влиять законным способом на мнения других акционеров.

Отменяя принятое по делу решение суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции исходил из того, что акционер К. обладал только одним процентом голосующих акций, и потому его голосование не могло повлиять на принимаемое решение (п. 4 ст. 181⁴ ГК РФ).

Суд кассационной инстанции отменил постановление суда апелляционной инстанции и оставил в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Согласно п. 7 ст. 49 Закона об акционерных обществах, которая является специальной по отношению к п. 4 ст. 181⁴ ГК РФ, обжалуемое решение общего собрания акционеров может быть оставлено в силе только при условии, что допущенные нарушения не были существенными.

Факт извещения истца о собрании либо направления ему бюллетеня для голосования не доказан.

Не располагая информацией о собрании, акционер был лишен возможности принять участие в собрании.

Допущенные нарушения воспрепятствовали акционеру в реализации его права на участие в принятии решений, связанных с управлением обществом. При этом данное право принадлежит всем акционерам общества независимо от того, каким количеством акций они владеют.

6. Опубликование учредительного документа юридического лица, в том числе в сети “Интернет”, само по себе не создает презумпцию знания контрагентом его содержания.

А., являющийся участником общества, обратился в арбитражный суд первой инстанции с требованием признать недействительной сделку, заключенную между обществом и Б., как совершенную без согласия об-

щего собрания общества, необходимого в силу устава общества (п. 1 ст. 174 ГК РФ).

Суд первой инстанции в удовлетворении требования отказал, сославшись на то, что для признания сделки недействительной по мотиву нарушения при ее совершении требований устава общества требовалось доказать, что другая сторона сделки (Б.) знала или заведомо должна была знать о том, что сделка требовала одобрения в силу устава. Однако таких доказательств истцом представлено не было.

А. обратился с апелляционной жалобой, где указал, что судом не было принято во внимание наличие в тексте оспариваемого договора указания на то, что директор общества действует на основании устава.

Суд апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменил, требования удовлетворил. При этом суд не согласился с доводами истца о том, что указанные им обстоятельства сами по себе безусловно доказывают, что другая сторона сделки заведомо должна была знать содержание устава общества, и о том, что сделка совершена в отсутствие необходимых согласований.

Между тем, по мнению суда апелляционной инстанции, требования добросовестности и разумности предполагают, что Б. перед совершением сделки должен был ознакомиться с уставом общества, размещенным на сайте общества в сети “Интернет” в открытом доступе.

По кассационной жалобе Б. постановление суда апелляционной инстанции было отменено, решение суда первой инстанции оставлено без изменения. Суд кассационной инстанции посчитал ошибочным вывод суда апелляционной инстанции о том, что в случае если устав общества размещен в сети “Интернет”, другая сторона сделки, действуя добросовестно и разумно, должна была с ним ознакомиться. Такой вывод вопреки положениям п. 1 ст. 174 ГК РФ и п. 22 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 “О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации”, по существу, возлагает на другую сторону сделки обязанность изучать устав общества и перекладывает на нее бремя доказывания того, что она не знала и не должна была знать о его содержании, только в силу размещения учредительных документов в сети “Интернет”, что является неверным.

Согласно абз. 3 п. 22 названного постановления Пленума Верховного Суда РФ по общему правилу закон не устанавливает обязанности лица, не входящего в состав органов юридического лица и не являющегося его учредителем или участником, по проверке учредительного документа юридического лица с целью выявления ограничений или разграничения полномочий единоличного исполнительного органа юридического лица или нескольких единоличных исполнительных органов, действующих независимо друг от друга либо совместно.

Суд кассационной инстанции отметил, что истцом не представлялись иные доказательства, которые бы свидетельствовали о том, что в исключение из общего правила другая сторона сделки знала или заведомо должна была знать об установленных учредительным документом ограничениях полномочий на ее совершение (абз. 5 п. 22 названного постановления Пленума).

7. Наличие корпоративного конфликта, а также равное распределение долей между сторонами корпоративного конфликта не являются основаниями для отказа в иске об исключении участника из общества.

М. обратился в арбитражный суд с иском об исключении Н. из состава участников общества с ограниченной ответственностью (далее — общество).

Н. предъявила встречный иск об исключении М. из состава участников общества.

Взаимные требования М. и Н. об исключении друг друга из общества мотивированы совершением каждым из них действий, затрудняющих деятельность общества.

Решением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями судов апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении первоначального и встречного исков отказано.

Рассмотрев кассационную жалобу, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ судебные акты нижестоящих инстанций отменила, а дело направила на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Разрешая спор, суды первой и апелляционной инстанций не оценивали приведенные в первоначальном и встречном исках обстоятельства, касающиеся нарушения участниками своих обязанностей, создания ими препятствий для осуществления деятельности общества или существенного ее затруднения. Доводы о совершении Н. и М. конкретных действий (бездействия), повлекших наступление (возможность наступления) для общества негативных последствий, судами не проверялись.

Вместо этого суды указали на наличие в обществе корпоративного конфликта между двумя участниками, обладающими равными долями в уставном капитале общества (по 50 процентов каждый), и, по сути, исходили из невозможности применения института исключения участника в подобном случае.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ признала, что данный вывод судов ошибочен, указав, что наличие корпоративного конфликта присуще любому спору об исключении участника, именно за его разрешением и обращаются в суд спорящие стороны, в связи с этим недопустим отказ судов рассматривать такой спор по существу со ссылкой на наличие корпоративного конфликта.

Равное распределение долей между сторонами корпоративного конфликта также не является основанием для отказа в иске об исключении участника из общества.

По делам об исключении участников, где предъявлено встречное требование об исключении истца, и ситуация равного распределения долей между двумя участниками не является исключением, суд должен оценить наличие оснований для исключения в отношении каждого из участников спора в соответствии с абз. 4 п. 1 ст. 67 ГК РФ.

8. Закон не устанавливает ограничений на исключение из общества с ограниченной ответственностью его участника, обладающего более чем 50 процентами долей в уставном капитале общества.

М. обратился в арбитражный суд первой инстанции с требованием об исключении из общества участников Б. и Ф., обладающих в совокупности 2/3 уставного капитала общества (Б. — 1/3, Ф. — 1/3). В качестве основания для предъявления требования истцом указано на совершение ответчиками действий, причинивших значительный ущерб обществу (продажа имущества общества по заниженной по сравнению с рыночной в три раза цене).

Суд первой инстанции требования удовлетворил, установив факт совершения ответчиками указанных действий. В частности, Б., являясь директором общества, совершал сделки по отчуждению имущества от имени общества в пользу общества А., участниками в котором выступали Б. и Ф.

Б. и Ф. обратились с апелляционной жалобой, указывая, что суд первой инстанции неправомерно проигнорировал тот факт, что в совокупности участники обладают 2/3 уставного капитала общества и не могут быть исключены из общества.

Суд апелляционной инстанции установил, что устав общества предусматривает право на свободный выход из общества. В связи с этим суд отменил решение

суда первой инстанции и указал, что участники, обладающие более чем 50 процентами долей в уставном капитале общества, при наличии права на свободный выход из общества не могут быть исключены из общества.

Суд кассационной инстанции постановление суда апелляционной инстанции отменил, решение суда первой инстанции оставил без изменения. Суд кассационной инстанции указал, что установленные судами обстоятельства свидетельствовали о наличии оснований для исключения Б. и Ф. из общества в соответствии с абз. 4 п. 1 ст. 67 ГК РФ. Закон не устанавливает ограничений на исключение участника, обладающего более чем 50 процентами долей в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью. При этом суд отметил, что истцом были представлены достаточные доказательства возможности продолжения деятельности общества, в случае если будет произведена выплата стоимости доли исключенного участника.

Постановление суда апелляционной инстанции было отменено, решение суда первой инстанции оставлено без изменения.

9. Согласно п. 1 ст. 67 ГК РФ достаточным основанием для удовлетворения требования об исключении участника выступает причинение существенного ущерба обществу. Возможность исключения участника не зависит от того, могут ли быть последствия действий (бездействия) участника устранены без лишения нарушителя возможности участвовать в управлении обществом.

И. обратился в арбитражный суд с иском об исключении Б. из состава участников общества.

Как установил суд первой инстанции, Б., занимая должность генерального директора, совершил сделку по отчуждению здания, принадлежащего обществу, по цене более чем в четыре раза ниже его рыночной стоимости. В результате отчуждения этого имущества нормальной деятельности общества был нанесен существенный ущерб.

Суд первой инстанции отказал в удовлетворении требования об исключении Б. из общества, мотивируя это тем, что исключение участника из общества является крайней мерой, связанной с лишением права на долю участия в обществе, которая может применяться лишь тогда, когда последствия действий участника не могут быть устранены без лишения нарушителя возможности участвовать в управлении обществом. В данном случае, по мнению суда первой инстанции, И. имеет возможность оспорить сделку по отчуждению имущества, а также взыскать убытки, причиненные Б. Кроме того, Б. на момент рассмотрения спора не являлся генеральным директором общества.

Суд апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменил, требование удовлетворил, указав, что согласно п. 1 ст. 67 ГК РФ достаточным основанием для удовлетворения требования об исключении участника выступает причинение существенного ущерба обществу. Возможность исключения участника не зависит от того, могут ли быть последствия действий (бездействия) участника устранены без лишения нарушителя возможности участвовать в управлении обществом.

10. Уклонение участника общества от исполнения решения суда о ликвидации общества является основанием для назначения судом арбитражного управляющего, а не для выдачи исполнительного листа на принудительное исполнение решения суда о ликвидации. Неисполнение и ненадлежащее исполнение арбитражным управляющим обязанностей по осуществлению ликвидационных мероприятий могут являться основаниями для его отстранения и утверждения нового арбитражного управляющего по заявлению участников общества, кредиторов или иных заинтересованных лиц, а не для выдачи исполнительного листа.

Банк России (далее — регулирующий орган) обратился в арбитражный суд первой инстанции с иском о признании общества с ограниченной ответственностью (далее — общество), В., Я. о ликвидации общества, возложении на учредителей обязанности по осуществлению ликвидации, об установлении учредителям срока для осуществления связанных с ликвидацией действий.

Решением арбитражного суда первой инстанции иски удовлетворены.

В порядке апелляционного и кассационного производств судебный акт обжалован не был и вступил в законную силу.

Регулирующий орган обратился в арбитражный суд первой инстанции с заявлением о направлении исполнительного листа для принудительного исполнения судебного акта в службу судебных приставов по месту нахождения общества.

Заявление регулирующего органа мотивировано неисполнением судебного акта в добровольном порядке.

Определением арбитражного суда первой инстанции в удовлетворении заявления регулирующего органа отказано.

Определение суда первой инстанции мотивировано отсутствием положений законодательства, предусматривающих выдачу исполнительного листа по заявлению о ликвидации юридического лица; неисполнение обязанности по ликвидации служит основанием для назначения нового ликвидатора.

Постановлением арбитражного суда апелляционной инстанции определение суда первой инстанции оставлено без изменения.

Регулирующий орган обратился в арбитражный суд кассационной инстанции и просил состоявшиеся судебные акты отменить и обязать суд первой инстанции выдать исполнительный лист.

В обоснование поданной по делу кассационной жалобы регулирующей орган сослался на незаконность и необоснованность судебных актов. Судебными инстанциями, по мнению заявителя кассационной жалобы, не учтено следующее: назначенные судом ликвидаторы не принимают мер по добровольному исполнению решения о ликвидации, отказ в выдаче исполнительного листа препятствует обращению регулирующего органа в службу приставов за принудительным исполнением судебного акта, регулирующий орган не вправе выступать ликвидатором, выдача исполнительного листа является единственным способом понудить ликвидаторов к исполнению судебного акта.

Суд кассационной инстанции не нашел правовых оснований для удовлетворения жалобы, исходя из следующего.

Пунктом 5 ст. 61 ГК РФ установлено, что решением суда о ликвидации юридического лица на его учредителей (участников) или на орган, уполномоченный на ликвидацию юридического лица его учредительным документом, могут быть возложены обязанности по осуществлению ликвидации юридического лица. Неисполнение решения суда является основанием для осуществления ликвидации юридического лица арбитражным управляющим (п. 5 ст. 62 ГК РФ) за счет имущества юридического лица.

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 8 от 1 июля 1996 г. “О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации”, если решением суда о ликвидации юридического лица на его учредителей (участников) либо уполномоченные его учредительными документами органы возложены обязанности по осуществлению ликвидации, однако в установленный срок

ликвидация юридического лица не произведена, суд назначает ликвидатора и поручает ему осуществить ликвидацию юридического лица.

В п. 9 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13 августа 2004 г. № 84 “О некоторых вопросах применения арбитражными судами статьи 61 Гражданского кодекса Российской Федерации” разъяснено, что, если учредители (участники) юридического лица либо орган, уполномоченный на ликвидацию юридического лица его учредительными документами, своевременно не представляют в арбитражный суд утвержденный ими ликвидационный баланс или не завершат ликвидацию юридического лица, суд по ходатайству истца выносит в судебном заседании определение о назначении ликвидатора.

Судебные инстанции правомерно указали, что уклонение учредителя (участника) общества от исполнения решения суда о ликвидации общества является основанием для назначения судом ликвидатора, а не для выдачи исполнительного листа на принудительное исполнение решения суда о ликвидации. Неисполнение назначенным судом ликвидатором обязанностей по осуществлению ликвидационных мероприятий может являться основанием для его отстранения и утверждения нового ликвидатора.

11. Суд вправе назначить арбитражного управляющего, если при вынесении решения о ликвидации юридического лица по основаниям, указанным в ст. 61 ГК РФ, придет к выводу о невозможности возложения обязанности по ликвидации юридического лица на его учредителей (участников) или на орган, уполномоченный на ликвидацию юридического лица его учредительным документом, в том числе по причине того, что указанные лица не заинтересованы в исполнении решения суда и (или) их действия по исполнению решения суда неизбежно приведут к возникновению новых судебных споров.

С. обратился в арбитражный суд первой инстанции с требованием о ликвидации акционерного общества (далее — общество) и о назначении ликвидатором общества арбитражного управляющего. В качестве оснований для ликвидации истец указал, что в обществе существует длительный корпоративный конфликт, который делает невозможным достижение целей, ради которых создано общество, осуществление деятельности юридического лица считает невозможным. В частности, указывалось на наличие многочисленных судебных споров (о взыскании убытков, об оспаривании сделок, об оспаривании решений общих собраний акционеров общества, о представлении документации и др.). Также отмечается, что до настоящего времени не удается принять решение об избрании единоличного исполнительного органа.

Решением суда первой инстанции требование удовлетворено, ликвидация общества возложена на арбитражного управляющего В., установлен срок ликвидации — шесть месяцев с даты вступления решения суда в законную силу.

Ответчик обратился с апелляционной жалобой, отмечая, что основания для ликвидации отсутствуют, поскольку имеется возможность продолжения прибыльной деятельности обществом, не исчерпаны другие способы решения конфликта (продажа истцом своих акций), а также указал на неправомерность возложения функций ликвидатора на арбитражного управляющего.

Постановлением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменено в части назначения арбитражного управляющего В. в качестве ликвидатора, в остальной части решение суда первой инстанции оставлено без изменений. При этом суд отметил, что сама по себе возможность продолжения прибыльной деятельности не исключает ликвидацию в

связи с длительным корпоративным конфликтом, который приводит к невозможности или затруднению осуществления деятельности. Относительно доводов о неисчерпанности иных способов решения конфликта, в частности продажи истцом акций, суд указал, что не представлены доказательства того, что истцу предлагалась продажа его акций по рыночной цене.

Мотивируя отмену решения суда первой инстанции в части, суд апелляционной инстанции отменил, что положения п. 5 ст. 61 и п. 5 ст. 62 ГК РФ предполагают назначение арбитражного управляющего в качестве ликвидатора только в случае, если обязанности по проведению ликвидации не исполняются надлежащим образом учредителями (участниками) или органом юридического лица, уполномоченным в соответствии с учредительным документом на ликвидацию юридического лица.

Постановлением суда кассационной инстанции постановление суда апелляционной инстанции отменено в части отмены части решения суда первой инстанции, которое оставлено без изменения. При этом отмечено, что доводы ответчика основаны на неверном толковании норм права, не соответствуют разъяснениям, содержащимся в п. 29 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 “О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации” и п. 9 информационного письма Высшего Арбитражного Суда РФ от 13 августа 2004 г. № 84 “О некоторых вопросах применения арбитражными судами статьи 61 Гражданского кодекса Российской Федерации”.

В части довода ответчика о нарушении порядка назначения арбитражного управляющего суд кассационной инстанции отметил, что суд вправе назначить арбитражного управляющего в качестве ликвидатора, если при вынесении решения о ликвидации юридического лица по основаниям, указанным в ст. 61 ГК РФ, придет к выводу о невозможности возложения обязанности по ликвидации юридического лица на его учредителей (участников) или на орган, уполномоченный на ликвидацию юридического лица его учредительным документом, в том числе по причине того, что указанные лица были виновны в нарушении закона, ставшем основанием для ликвидации, или их местонахождение неизвестно либо они не заинтересованы в исполнении решения суда и (или) их действия по исполнению решения суда неизбежно приведут к возникновению новых судебных споров. Например, в данном случае суд правомерно назначил арбитражного управляющего в качестве ликвидатора, принимая во внимание длительный внутрикорпоративный конфликт между акционерами.

12. Решение общего собрания участников общества об увеличении уставного капитала за счет внесения дополнительных вкладов может быть признано недействительным в случае, если его принятие не обусловлено интересами общества, например необходимостью привлечения значительного объема денежных средств для осуществления деятельности общества, и приведет к уменьшению доли участников общества, несогласных с таким увеличением уставного капитала.

М. обратился с иском о признании недействительным решения общего собрания участников общества об увеличении уставного капитала общества за счет внесения его участниками дополнительных вкладов пропорционально их долям.

В обоснование своих требований истец ссылался на ст. 10 ГК РФ и ст. 43 Закона об обществах с ограниченной ответственностью, отмечая недобросовестное поведение остальных участников, поскольку увеличение уставного капитала общества повлекло уменьшение доли истца, а также то, что разумной необходимости в увеличении уставного капитала не было.

Арбитражный суд первой инстанции решением, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, удовлетворил иск, поддержав доводы истца.

В кассационной жалобе заявитель указал, что суды неправильно применили ст.ст. 19 и 43 Закона об обществах с ограниченной ответственностью. Также заявитель считал, что само по себе оспоренное решение общего собрания участников не повлекло неблагоприятных последствий для М., так как процесс увеличения уставного капитала общества не завершен, следовательно, размер доли этого участника не изменился. До подведения итогов увеличения уставного капитала и осуществления соответствующих регистрационных действий в налоговом органе целесообразность данного действия не имеет правового значения для разрешения настоящего спора.

Суд кассационной инстанции не нашел оснований для отмены обжалованных судебных актов в силу следующего.

Как было установлено судами, М. являлся участником общества с долей в уставном капитале равной 1/3 наряду с двумя другими участниками, каждому из которых принадлежало по 1/3 доли в уставном капитале общества.

На внеочередном общем собрании участников общества, на котором присутствовали все участники, было принято большинством голосов (2/3) оспариваемое решение об увеличении уставного капитала общества на 30 млн. рублей за счет внесения в течение месяца с даты принятия решения дополнительных вкладов от каждого участника по 10 млн. рублей. М. голосовал против данного решения, дополнительный вклад не вносил.

М. считал указанное решение общего собрания незаконным, поскольку оно принято в отсутствие необходимости увеличения уставного капитала общества и направлено на уменьшение его доли.

В силу п. 1 ст. 43 Закона об обществах с ограниченной ответственностью решение общего собрания участников общества, принятое с нарушением требований указанного Закона, иных правовых актов Российской Федерации, устава общества и нарушающее права и законные интересы участника общества, может быть признано судом недействительным по заявлению участника общества, не принимавшего участия в голосовании или голосовавшего против оспариваемого решения. Такое заявление может быть подано в течение двух месяцев со дня, когда участник общества узнал или должен был узнать о принятом решении. В случае если участник общества принимал участие в общем собрании участников общества, принявшем обжалуемое решение, указанное заявление может быть подано в течение двух месяцев со дня принятия такого решения.

Из приведенной нормы права следует, что для признания решения собрания участников общества с ограниченной ответственностью недействительным необходима совокупность следующих условий: противоречие такого решения требованиям законодательства и нарушение им прав и законных интересов конкретного участника общества.

Интерес общества в привлечении дополнительного капитала может не соответствовать интересам конкретных участников общества в сохранении размера своих долей и существующего соотношения между ними.

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 21 февраля 2014 г. № 3-П изложена позиция о том, что уменьшение в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью доли одного из его участников может быть признано допустимым с точки зрения конституционных принципов, если это вызвано целями достижения общего для данного общества интереса

и участнику, доля которого уменьшается, обеспечены эффективные механизмы защиты его интересов.

В нарушение ст. 65 АПК РФ ответчик не представил доказательств разумной необходимости привлечения значительного объема денежных средств именно посредством увеличения уставного капитала, а также недостаточности собственных денежных средств для осуществления деятельности общества и отсутствия иных разумных альтернатив, которые бы не приводили к таким негативным последствиям для миноритариев, как уменьшение их доли.

Данное обстоятельство позволило судам первой и апелляционной инстанции сделать вывод о том, что обжалованное решение общего собрания не обусловлено необходимостью достижения интереса общества, который в соотношении с интересом истца на момент принятия такого решения являлся более значимым (приоритетным), а интересу истца обеспечен эффективный механизм защиты. Следовательно, уменьшение в уставном капитале общества доли М. не могло быть признано допустимым с точки зрения конституционно значимых принципов сохранения баланса интересов сторон и недопустимости осуществления прав и свобод человека и гражданина с нарушением прав и свобод других лиц.

13. Решение общего собрания участников (акционеров) может быть признано недействительным в случае, если оно принято в ущерб интересам общества и (или) участника (акционера) и при этом участник (акционер), повлиявший на принятие решения, действовал исходя из собственной выгоды или имеются иные доказательства его недобросовестности или неразумности (например, заведомая невыгодность одобренной сделки).

К. обратился с иском о признании недействительным решения общего собрания участников, которым одобрены сделка купли-продажи имущества общества, а также положение о порядке премирования членов совета директоров общества.

К. является участником общества с долей в уставном капитале в размере 30 процентов, другие 30 процентов принадлежат З., еще 40 процентов — Т.

За принятие оспариваемого решения проголосовали З. и Т., против голосовал К.

В обоснование своих требований К. ссылался на то, что условия одобренной сделки противоречили интересам общества, поскольку цена отчуждаемого имущества была занижена более чем в десять раз по сравнению с его рыночной стоимостью. При этом К. представил отчет о рыночной оценке отчуждаемого имущества.

Относительно одобренного положения о порядке премирования членов совета директоров общества К. пояснил, что оно устанавливало неоправданные величины премий.

Суд первой инстанции отклонил заявленные требования, мотивируя это тем, что суд не вправе оценивать экономическую и предпринимательскую целесообразность принимаемых общим собранием решений.

К. обжаловал данное решение суда в суд апелляционной инстанции, указав на то, что суд не вправе отказываться от оценки решения собрания по существу при наличии доказательств того, что участники, принявшие решения, действовали к собственной выгоде, а также имеются иные доказательства их недобросовестности, в частности заведомая невыгодность одобренной сделки.

Суд апелляционной инстанции согласился с приведенными доводами и признал решение общего собрания участников недействительным (ст. 10 ГК РФ, ст. 43 Закона об обществах с ограниченной ответственностью, ст. 181⁴ ГК РФ), отменив решение суда первой инстанции. При этом суд дополнительно указал, что доказательством недобросовестности участников, голосовавших за принятие решения об одобрении поло-

жения о порядке премирования, служит тот факт, что они сами являлись членами совета директоров общества, а значит, потенциальными непосредственными бенефициарами премий. Кроме того, положение содержало экономически не мотивированные основания для выплаты премий, в частности десять процентов от размера внутреннего фонда оплаты труда.

Суд кассационной инстанции жалобу общества на постановление суда апелляционной инстанции оставил без удовлетворения.

14. Суд может отказать в признании решения общего собрания, не получившего необходимого большинства голосов, недействительным в том случае, если будет установлено, что участник, без голосов которого решение не может быть принято, без уважительных причин уклонялся от участия в собрании и препятствовал принятию общим собранием участников значимых хозяйственных решений, отсутствие которых существенно затруднило деятельность общества (п. 4 ст. 1, п. 2 ст. 10 ГК РФ).

Ф. обратился в арбитражный суд с требованием о признании недействительным решения общего собрания участников, основываясь на том, что такое решение было принято в отсутствие большинства голосов.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, требование удовлетворено. Суд указал, что решения общего собрания участников общества, принятые без необходимого для принятия решения большинства голосов участников общества, являются недействительными (п. 6 ст. 43 Закона об обществах с ограниченной ответственностью). В данном случае Ф. обладал 40 процентами голосов и без его участия было невозможно избрать директора и одобрить новую редакцию устава, поскольку в соответствии с уставом общества эти вопросы требовали большинства — не менее двух третей — голосов от общего числа голосов участников общества.

Общество обжаловало решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции в суд кассационной инстанции, указав, что оспариваемое решение не получило необходимого большинства голосов вследствие уклонения Ф. от участия в общем собрании. Также общество указало, что со стороны Ф. уже длительное время наблюдается систематическое уклонение без уважительных причин от участия в общих собраниях участников общества, лишаящее общество возможности принимать значимые хозяйственные решения, без которых деятельность общества существенно затруднялась.

Постановлением суда кассационной инстанции решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции отменены и в удовлетворении требования о признании недействительным решения общего собрания участников отказать, поскольку участник общества сам способствовал созданию данной ситуации и потому не может требовать признать недействительным решение общего собрания участников (п. 4 ст. 1, п. 2 ст. 10 ГК РФ).

В данном случае из обстоятельств дела следовало, что бездействие истца, уклонившегося от участия в двух общих собраниях подряд, заведомо влекло существенное затруднение деятельности общества (невозможность избрать директора и одобрить новую редакцию устава, приведенную в соответствие с законом, без чего общество встречало затруднения в получении кредитов в кредитных организациях).

Возражения Ф. о том, что он не смог принять участие в названных общих собраниях по уважительной причине — вследствие длительной болезни, отклонены судом, который указал, что участник не был лишен возможности направить своего представителя для участия в общем собрании участников, тем более что ранее его представитель участвовал в двух общих собра-

ниях, состоявшихся перед теми собраниями, от участия в которых ответчик уклонился.

15. В случае если размер денежных средств, необходимых для выкупа акций на основании ст. 75 Закона об акционерных обществах в связи с реорганизацией, превышал 10 процентов стоимости чистых активов акционерного общества на дату принятия решения о реорганизации, общество в соответствующей равной пропорции выкупает только то количество акций, стоимость которых не превышает соответствующего ограничения. Оставшиеся невыкупленными ценные бумаги подлежат обмену на акции (доли) реорганизованного (реорганизованных) общества (обществ).

Л., являющийся акционером общества Б., обратился в суд с требованием об обязанности признать его участником общества с ограниченной ответственностью Б., созданного в результате преобразования акционерного общества Б.

Суд первой инстанции в удовлетворении требований отказал, установив, что стоимость акций, принадлежащих Л. и предъявленных к выкупу в соответствии со ст. 75 Закона об акционерных обществах, превышала 10 процентов стоимости чистых активов общества.

В связи с этим, по мнению суда, общество действовало правомерно, применив коэффициент перерасчета, позволивший определить количество акций, которое общество могло выкупить, не превышая 10-процентный лимит чистых активов. В результате была выкуплена лишь часть принадлежащих Л. акций, а оставшиеся акции были признаны погашенными.

Данное решение было оставлено без изменения судом апелляционной инстанции.

Решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции были отменены судом кассационной инстанции, а дело направлено на новое рассмотрение по следующим основаниям.

В соответствии с п. 1 ст. 75 Закона об акционерных обществах, если акционеры — владельцы голосующих акций голосовали против принятия решения о реорганизации либо не принимали участия в голосовании по этому вопросу, то они вправе требовать выкупа обществом всех или части принадлежащих им акций в случае принятия общим собранием акционеров решения о реорганизации общества.

Как указано в п. 5 ст. 76 Закона об акционерных обществах, общая сумма средств, направляемых обществом на выкуп акций, не может превышать 10 процентов стоимости чистых активов общества на дату принятия решения, которое повлекло возникновение у акционеров права требовать выкупа обществом принадлежащих им акций. В случае если общее количество акций, в отношении которых заявлены требования о выкупе, превышает количество акций, которое может быть выкуплено обществом с учетом установленного выше ограничения, акции выкупаются у акционеров пропорционально заявленным требованиям.

Вместе с тем в законе прямо не установлены последствия в отношении той части акций, предъявленных к выкупу их владельцем, голосовавшим против принятия решения о реорганизации, для выкупа которых необходимы денежные средства, превышающие 10 процентов стоимости чистых активов общества.

Пунктами 1 и 2 ст. 1 ГК РФ предусмотрено, что гражданское законодательство основывается в том числе на признании равенства участников регулируемых им отношений и неприкосновенности собственности. Гражданские права могут быть ограничены на основании федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

В ст. 35 Конституции Российской Федерации закреплено, что право частной собственности охраняется законом. Каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. Принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения.

Согласно правовой позиции, изложенной в Постановлении Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2004 г. № 3-П “По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона “Об акционерных обществах”, регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании “Кадет Истеблишмент” и запросом Октябрьского районного суда города Пензы”, право на свободное использование своего имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности служит основой конституционно-правового статуса участников хозяйственных обществ, в частности акционеров акционерных обществ — физических лиц, в том числе не являющихся предпринимателями, которые реализуют свои права через владение акциями, удостоверяющими обязательственные права ее владельца по отношению к акционерному обществу. Права требования также охватываются понятием имущества, а следовательно, обеспечиваются конституционно-правовыми гарантиями, включая охрану законом прав акционеров, в том числе миноритарных (мелких) акционеров как слабой стороны в системе корпоративных отношений, и судебную защиту нарушенных прав (ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации).

В соответствии с п. 1 ст. 235 ГК РФ право собственности прекращается при отчуждении собственником своего имущества другим лицам, отказе собственника от права собственности, гибели или уничтожении имущества и при утрате права собственности на имущество в иных случаях, предусмотренных законом.

При этом принудительное изъятие у собственника имущества не допускается, кроме случаев, предусмотренных п. 2 ст. 235 ГК РФ.

В связи с этим ст. 75 Закона об акционерных обществах подлежит применению в системном толковании с положениями как Конституции Российской Федерации, так и Гражданского кодекса РФ, которые исходят из недопустимости лишения права собственности без прямо предусмотренного законом основания, которое в данном случае отсутствовало.

Таким образом, все акционеры преобразуемого акционерного общества имеют право на получение доли (паев) в уставном (складочном) капитале во вновь создаваемом юридическом лице.

Признание акций погашенными лишило истца права на имущество в конституционно-правовом смысле, что противоречит положениям ст. 35 Конституции Российской Федерации и ст. 235 ГК РФ.

16. Лицо, осуществляющее полномочия единоличного исполнительного органа, вправе не выполнять указания, содержащиеся в решениях общего собрания акционеров, если это принесет вред интересам общества (п. 3 ст. 53 ГК РФ). Ссылка единоличного исполнительного органа на то, что он исполнял решение общего собрания, не освобождает его от ответственности за убытки, причиненные обществу.

Общество К., являясь акционером общества Р., обратилось с иском о взыскании убытков с Д., являвшегося директором общества Р. Так, по мнению К., убытки были причинены тем, что Д. внес в качестве вклада в уставный капитал другого общества имущество стои-

мостью 6 млн. рублей, а взамен получил лишь 3 процента акций этого общества стоимостью 300 тыс. рублей, что было заведомо невыгодной сделкой.

Суд первой инстанции требование удовлетворил, согласившись с доводами истца.

Решение суда первой инстанции было отменено судом апелляционной инстанции. Арбитражный апелляционный суд исходил из недоказанности истцом совокупности обстоятельств, необходимых для привлечения ответчика к гражданско-правовой ответственности в виде взыскания убытков. В обоснование своих выводов суд апелляционной инстанции сослался на то, что решением общего собрания акционеров заключение сделки в виде внесения вклада в целях увеличения уставного капитала было согласовано и одобрено, что свидетельствовало о наличии воли и согласия акционеров на совершение такой сделки. В связи с этим, по мнению суда, подлежали отклонению ссылки истца на экономическую необоснованность заключенной сделки. При этом, как отметил суд апелляционной инстанции, соответствующее решение общего собрания акционеров не было оспорено и признано недействительным.

Суд кассационной инстанции постановлением суда апелляционной инстанции отменил, оставил в силе решение суда первой инстанции, указав следующее.

Арбитражным апелляционным судом не учтено то, что решения общего собрания акционеров, содержащие согласие на совершение сделок, сами по себе не являются основанием для безусловного их исполнения единоличным исполнительным органом общества, который обладает неотъемлемой автономией в принятии непосредственных решений о совершении сделок (пп. 1 и 2 ст. 69 Закона об акционерных обществах).

Решение общего собрания акционеров не содержало указания совершить сделку, а лишь только согласие на совершение сделки. Более того, по общему правилу к компетенции общего собрания акционеров такие полномочия не отнесены, иное может быть предусмотрено уставом непубличного общества (п. 4 ст. 48 Закона об акционерных обществах).

Однако даже в случае наличия такой компетенции у общего собрания акционеров лицо, осуществляющее полномочия единоличного исполнительного органа, вправе не выполнять указания, содержащиеся в решениях общего собрания акционеров, если это принесет вред интересам общества, поскольку наличие таких указаний не освобождает это лицо от обязанности действовать добросовестно в интересах общества (п. 3 ст. 53 ГК РФ). При этом единоличный исполнительный орган не может ссылаться на то, что он просто исполняет решение общего собрания, как на основание освобождения его от ответственности за убытки, причиненные обществу, поскольку это часть его обязанностей — оценивать в ходе управления обществом, насколько те или иные действия выгодны для общества и не причинят ли они вреда. Такой подход препятствует единоличному исполнительному органу избегать ответственности, передавая вопросы на рассмотрение общего собрания акционеров.

Так, согласно разъяснениям п. 7 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июля 2013 г. № 62 “О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица” не является основанием для отказа в удовлетворении требования о взыскании с директора убытков сам по себе тот факт, что действие директора, повлекшее для юридического лица негативные последствия, в том числе совершение сделки, было одобрено решением коллегиальных органов юридического лица, а равно его учредителей (участников), либо директор действовал во исполнение указаний таких лиц, поскольку директор несет самостоятельную обязанность

действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно (п. 3 ст. 53 ГК РФ).

Кроме того, общество К. на общем собрании акционеров голосовало против одобрения сделки в виде внесения вклада в целях увеличения уставного капитала.

Также ошибочным является вывод суда апелляционной инстанции о том, что препятствует взысканию убытков тот факт, что не оспорено решение общего собрания акционеров, которым одобрено совершение сделки, причинившей убыток обществу.

17. Сделка общества может быть признана недействительной по иску участника и в том случае, когда она хотя и не причиняет убытков обществу, тем не менее не является разумно необходимой для хозяйствующего субъекта, совершена в интересах только части участников и причиняет неоправданный вред остальным участникам общества, которые не выразили согласие на совершение соответствующей сделки.

Л. обратилась в суд с требованием признать недействительным договор займа между обществом с ограниченной ответственностью (далее — общество), участником с долей 40 процентов которого она является, и К., который также является участником этого же общества с долей 60 процентов уставного капитала.

Л. мотивировала свое требование тем, что данная сделка заключена на невыгодных для общества условиях, без соблюдения правил о сделках с заинтересованностью, а также что таким образом К. лишает ее права на получение прибыли от деятельности общества.

Суд первой инстанции требование удовлетворил, согласившись с доводами истца. Дополнительно судом был установлен факт того, что с момента получения займа и начала выплат процентов общество не распределяло прибыль общества.

Суд апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменил и обратил внимание на то, что условия договора займа не отличались существенно от обычных условий, на которых заключаются такие договоры, а потому не могут быть признаны причиняющими ущерб интересам общества, что является одним из необходимых условий для признания сделок с заинтересованностью недействительными (п. 6 ст. 45 Закона об обществах с ограниченной ответственностью, п. 2 ст. 174 ГК РФ).

Суд кассационной инстанции постановлением суда апелляционной инстанции и решение суда первой инстанции отменил и отправил дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Суды не учли, что составной частью интереса общества являются в том числе интересы участников. В связи с этим ущерб интересу общества также имеет место, когда сделка хотя и не причиняет ущерб юридическому лицу, но не является разумно необходимой для хозяйствующего субъекта, совершена в интересах только части участников и причиняет неоправданный вред остальным участникам общества, которые не выражали согласие на совершение соответствующей сделки.

Так, по общему правилу деятельность любого коммерческого юридического лица (исходя из его уставных задач) имеет своей основной целью извлечение прибыли (п. 1 ст. 50 ГК РФ). Обычным способом изъятия участниками денежных средств от успешной коммерческой деятельности принадлежащих им организаций является распределение прибыли в порядке, предусмотренном Законом об обществах с ограниченной ответственностью.

Вместе с тем возможны ситуации, когда прибыль изымается в пользу отдельных участников посредством иных сделок общества, в том числе, через выплату процентов по займу. Указанные действия не являются сами по себе незаконными и не нарушают прав остальных участников на получение причитающейся им части прибыли от деятельности общества (абз. 2 п. 1 ст. 67

ГК РФ), при условии, что остальные участники выражали согласие на такое распределение прибыли (например, голосовали в пользу одобрения сделки с заинтересованностью или же данный вопрос был урегулирован уставом общества либо корпоративным договором, заключенным между всеми участниками хозяйствующего субъекта) либо сами также фактически получают причитающуюся им часть прибыли общества.

Между тем ни суд первой инстанции, ни апелляционный суд при исследовании вопроса о причинении ущерба обществу и его участникам не проверяли доводы истца о том, что фактически через выплату процентов по займу чистая прибыль хозяйствующего субъекта распределяется только в пользу К., при том что разумной необходимости в заключении такого договора займа не было.

18. Для признания крупной сделки недействительной не требуется доказывать наличие ущерба обществу в результате совершения такой сделки, поскольку достаточно того, что сделка являлась крупной, не была одобрена и другая сторона знала или заведомо должна была знать об этих обстоятельствах.

Ф., являясь участником акционерного общества Р., обратился с иском о признании недействительным договора, заключенного между Р. и К.

Ф., обосновывая свои требования, указал на то, что согласно оспариваемому договору было продано здание, принадлежащее Р. и в котором осуществлялась его производственная деятельность, при этом стоимость этого здания составляла 53 процента от стоимости всех активов общества. В результате этой сделки общество Р. лишилось возможности осуществлять свою производственную деятельность. По мнению Ф., такая сделка требовала согласия в порядке одобрения крупных сделок (ст. 78 Закона об акционерных обществах).

Суд первой инстанции своим решением, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, отказал в удовлетворении требования, указав, что, хотя сделка и не была одобрена, вместе с тем условия продажи здания являлись рыночными, а значит, сделка не причинила ущерба обществу.

Суд кассационной инстанции состоявшиеся судебные акты отменил, требование удовлетворил. Как указал суд, для признания крупной сделки недействительной не требуется доказывать наличие ущерба обществу, достаточно того, что сделка являлась крупной, не была одобрена и доказано, что другая сторона сделки знала или заведомо должна была знать об этих обстоятельствах. В данном деле эти обстоятельства были доказаны истцом.

19. Разногласия между акционером и обществом по поводу цены акций, определенной в ходе выкупа, осуществляемого в порядке ст. 75 Закона об акционерных обществах, подлежат урегулированию по правилам, установленным ст. 445 ГК РФ.

В случае, если выкуп акций был произведен обществом без учета заявленного требования акционера о выкупе его акций по иной цене, акционер имеет право потребовать выкупить его акции по ранее указанной им цене.

С. являлся акционером общества «Ф», владевшим 40 акциями общества.

На внеочередном общем собрании акционеров было принято решение об одобрении крупных сделок с имуществом, которое составляет более 50 процентов от общей стоимости активов общества «Ф».

Решением совета директоров общества «Ф» утверждена цена выкупа акций: 80 руб. за одну акцию.

Не согласившись с выкупной ценой акций, С. направил обществу требование о выкупе ценных бумаг по справедливой, по его мнению, цене — 100 руб. за акцию. Общество оставило его требование без ответа.

В связи с тем, что ценные бумаги не были списаны со счета и истцу не выплачены денежные средства за ценные бумаги, он обратился в суд.

Отказывая в удовлетворении иска в части obligations ответчика выкупить ценные бумаги по цене, указанной истцом, суд первой инстанции, с выводами которого согласился суд апелляционной инстанции, исходил из того, что акционером не оспорены в установленном порядке результаты оценки, на которых было основано решение совета директоров, утвердивших стоимость акций, подлежащих выкупу; общество «Ф» исполнило в полном объеме обязательства по выкупу ценных бумаг в соответствии с ценой, определенной в установленном порядке и не оспоренной заинтересованными лицами.

Суд кассационной инстанции отменил состоявшиеся судебные акты, указав следующее.

В соответствии с абз. 2 п. 1 ст. 75 Закона об акционерных обществах, если иное не предусмотрено федеральным законом, акционеры — владельцы голосующих акций вправе требовать выкупа обществом всех или части принадлежащих им акций, в том числе в случае принятия общим собранием акционеров решения о согласии на совершение или о последующем одобрении крупной сделки, предметом которой является имущество, стоимость которого составляет более 50 процентов от балансовой стоимости активов общества, определенной по данным его бухгалтерской (финансовой) отчетности на последнюю отчетную дату (в том числе одновременно являющейся сделкой, в совершении которой имеется заинтересованность), если они голосовали против решения о согласии на совершение или о последующем одобрении указанной сделки либо не принимали участия в голосовании по этому вопросу.

Как указано в п. 3 ст. 75 Закона об акционерных обществах, выкуп акций обществом осуществляется по цене, определенной советом директоров (наблюдательным советом) общества, но не ниже рыночной стоимости, которая должна быть определена оценщиком без учета ее изменения в результате действий общества, повлекших возникновение права требования оценки и выкупа акций.

В силу положений указанной выше нормы Закона об акционерных обществах на общество возлагается обязанность приобретения акций по рыночной цене. Решение совета директоров и отчет оценщика являются лишь промежуточными этапами процедуры определения такой единой цены, которые не отменяют общую обязанность общества — заплатить рыночную стоимость ценных бумаг.

Таким образом, п. 3 ст. 75 Закона может быть квалифицирован как частный случай обязательного заключения обществом договора по приобретению акций. При этом законодатель устанавливает порядок определения условий такого договора, в частности условия о цене.

В ситуации, когда у сторон имеются разногласия по условиям обязательного для заключения обществом договора — цене выкупа акций, спор об этом может быть передан на рассмотрение суда в порядке ст. 445 ГК РФ с учетом разъяснений, содержащихся в п. 38 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора». В этом случае результаты оценки стоимости акций, положенные в основание цены, установленной советом директоров, могут рассматриваться в качестве доказательства по делу, которое подлежит оценке судом при установлении покупной цены.

В случае если выкуп уже был произведен, а требование акционера о выкупе по иной цене — проигнорировано, такой акционер не лишен права в соответствии

с п. 4 ст. 445 ГК РФ требовать от общества выкупить у него акции по цене, которая, по его мнению, является рыночной.

Как указывалось выше, С. именно таким образом и сформулировал свое требование к обществу.

В связи с этим решение суда первой инстанции, постановления апелляции суда по данному делу были отменены с направлением дела в отмененной части на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

20. Для квалификации сделки в качестве крупной необходимо установить наличие у сделки не только количественного, но и качественного критерия, который состоит в том, что сделка заключалась с целью прекращения деятельности общества или изменения ее вида либо существенного изменения ее масштабов.

Л., являющийся акционером общества, обратился с требованием об оспаривании кредитного договора, заключенного с банком.

Суд первой инстанции требования удовлетворил, мотивируя это тем, что размер кредита составлял 90% от размера всех активов общества и потому, по мнению суда, без всяких сомнений являлся крупной сделкой для общества.

Банк, обращаясь с апелляционной жалобой, указывал на то, что судом, по существу, не была проведена оценка сделки как крупной, поскольку не исследовался вопрос о том, насколько эта сделка отвечает качественной характеристике крупной сделки, как того требует Закон об акционерных обществах (п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2018 г. № 27 “Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность”). Суд апелляционной инстанции в удовлетворении жалобы отказал, оставил решение суда без изменения, сославшись на то, что исполнение кредитного договора могло бы привести к полному прекращению деятельности общества, поскольку размер кредита был значительным для общества.

Суд кассационной инстанции по жалобе Л. принял постановление об отмене решения суда первой инстанции и постановления суда апелляционной инстанции, а дело направил на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В силу ст. 78 Закона об акционерных обществах обязательным является наличие у сделки не только количественного критерия крупной сделки, но и качественного. Сама по себе большая сумма сделки не освобождает суд от необходимости проверять наличие качественного критерия крупной сделки. При этом бремя доказывания того, что сделка является крупной (с точки зрения как количественного критерия, так и качественного), возлагается на истца.

Опровергая выводы суда апелляционной инстанции, суд кассационной инстанции указал, что определяющим для квалификации сделки как крупной является не предположение о том, к каким результатам могла привести или привела сделка, а то, что сделка изначально заключалась с целью прекращения деятельности общества или изменения ее вида либо существенного изменения ее масштабов. Поскольку кредитный договор заключался для поддержания ведения текущей деятельности и обновления оборудования, такая сделка не являлась крупной (п. 4 ст. 78 Закона об акционерных обществах).

21. Внесение изменений в устав акционерного общества путем определения ликвидационной стоимости привилегированных акций напрямую затрагивает права акционеров — владельцев привилегированных акций, поскольку определяет объем прав, предоставляемых такими ценными бумагами.

Л., являясь владельцем привилегированных акций, обратилась в суд первой инстанции с иском о признании

недействительным решения общего собрания акционеров по вопросу внесения изменений в устав общества в целях приведения его в соответствие с действующим законодательством и определения размера ликвидационной стоимости привилегированных акций хозяйствующего субъекта в размере 75 руб. Истец мотивировала это тем, что решение было принято с нарушением п. 4 ст. 32 Закона об акционерных обществах, который требует, чтобы решение общего собрания акционеров о внесении изменений в устав, ограничивающих права акционеров — владельцев привилегированных акций, принималось с соблюдением специальных правил, предусмотренных этой нормой, которая, в частности, устанавливает, что за принятие решения должны проголосовать три четверти голосов всех акционеров — владельцев привилегированных акций каждого типа, права по которым ограничиваются. В данном случае соответствующее решение было принято только голосами владельцев обыкновенных акций.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении требований отказано.

Суд отметил, что повестка общего собрания акционеров, решение которого оспаривает истец, не содержала вопросов, предусмотренных п. 4 ст. 32 Закона об акционерных обществах; рассмотренный общим собранием акционеров вопрос об установлении размера ликвидационной стоимости акций согласуется с требованиями закона, определение такой стоимости направлено на улучшение положения акционера.

По мнению судебных инстанций, у Л. как владельца привилегированных акций общества права на голосование такими акциями на общем собрании акционеров не возникло, ее интересы оспариваемым решением не нарушены.

Суд кассационной инстанции, проверив обоснованность доводов, изложенных в кассационной жалобе, пришел к выводу о том, что принятые судебные акты подлежат отмене, а дело — направлению на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Согласно абз. 2 п. 4 ст. 32 Закона об акционерных обществах акционеры — владельцы привилегированных акций определенного типа приобретают право голоса при решении на общем собрании акционеров вопросов о внесении изменений и дополнений в устав общества, ограничивающих права акционеров — владельцев привилегированных акций этого типа, включая случаи определения или увеличения размера дивиденда и (или) определения или увеличения ликвидационной стоимости, выплачиваемых по привилегированным акциям предыдущей очереди, а также предоставления акционерам — владельцам привилегированных акций иного типа преимуществ в очередности выплаты дивиденда и (или) ликвидационной стоимости акций. Решение о внесении таких изменений и дополнений считается принятым, если за него отдано не менее чем три четверти голосов акционеров — владельцев голосующих акций, принимающих участие в общем собрании акционеров, за исключением голосов акционеров — владельцев привилегированных акций, права по которым ограничиваются, и три четверти голосов всех акционеров — владельцев привилегированных акций каждого типа, права по которым ограничиваются, если для принятия такого решения уставом общества не установлено большее число голосов акционеров.

Внесение изменений в устав акционерного общества путем определения ликвидационной стоимости привилегированных акций напрямую затрагивает права акционеров — владельцев привилегированных акций, поскольку фактически определяет объем предоставляемых прав такими ценными бумагами.

В частности, определение ликвидационной стоимости привилегированных акций в виде твердой суммы (75 руб. за одну ценную бумагу) в данном конкретном случае подразумевало ограничение прав акционеров — владельцев привилегированных акций, поскольку в отсутствие в уставе ликвидационной стоимости они вправе были претендовать на такой же размер ликвидационной стоимости, какой причитается владельцам обыкновенных акций, а значит, потенциально неограниченный.

В связи с этим решение общего собрания акционеров по вопросу определения ликвидационной стоимости привилегированных акций в виде твердой суммы, при том, что такой размер ранее не был определен в уставе общества, могло быть принято только с соблюдением абз. 2 п. 4 ст. 32 Закона об акционерных обществах, который требует того, чтобы за принятие решения проголосовало три четверти голосов всех акционеров — владельцев привилегированных акций каждого типа, права по которым ограничиваются.

Следовательно, Л., являясь владельцем привилегированных акций, имела безусловное право на участие в проводимом собрании, ее голос должен был учитываться при определении кворума такого собрания и при голосовании по оспариваемому вопросу.

В соответствии с п. 10 ст. 49 Закона об акционерных обществах решения общего собрания акционеров,

принятые при отсутствии кворума для проведения общего собрания акционеров или без необходимого для принятия решения большинства голосов акционеров, не имеют силы независимо от обжалования их в судебном порядке.

Кроме того, возражая против установления оспариваемым решением ликвидационной цены одной привилегированной акции в размере 75 руб., Л. представила в материалы дела заключение специалиста, согласно которому среднее значение одной акции указанного типа составляет 1000 руб.

Между тем суды не дали этому доводу надлежащей оценки и в рамках своих дискреционных полномочий не совершили необходимых процессуальных действий для установления размера справедливой ликвидационной стоимости, а лишь указали, что ликвидационная стоимость равнялась номинальной стоимости.

Однако номинальная стоимость привилегированной акции сама по себе не может служить оправданием для установления ее ликвидационной стоимости.

При определении справедливой ликвидационной стоимости ценной бумаги необходимо иметь в виду, что она не может быть произвольной и должна иметь экономическое обоснование.

*(Обзор утвержден Президиумом
Верховного Суда Российской Федерации
25 декабря 2019 г.)*

ОБЗОР ПО ОТДЕЛЬНЫМ ВОПРОСАМ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ, СВЯЗАННЫМ С ПРИМЕНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И МЕР ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ РАСПРОСТРАНЕНИЮ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НОВОЙ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ (COVID-19) № 1

В связи с возникшими у судов вопросами по применению законодательных изменений и мер, направленных на противодействие распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19), в целях обеспечения единообразного применения законодательства Верховный Суд РФ, руководствуясь п. 1 ч. 7 ст. 2 и п. 7 ч. 1 ст. 7 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ “О Верховном Суде Российской Федерации”, полагает необходимым дать разъяснения по следующим вопросам.

I. Вопросы применения процессуального законодательства

Вопрос 1. Являются ли меры по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) основанием для отложения судебного разбирательства, приостановления производства по делу, продления срока его рассмотрения?

Ответ. Введение в соответствии с Федеральным законом от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ “О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера” правовых режимов, предусматривающих ограничения свободного перемещения граждан, их нахождения в общественных местах, государственных и иных учреждениях, предполагает возложение на граждан обязанностей публично-правового характера.

Невозможность рассмотрения дела в связи с введением указанных правовых режимов может являться основанием для отложения судебного разбирательства в силу ст. 169 ГПК РФ, ст. 158 АПК РФ, ст. 152 КАС РФ, ч. 1 ст. 253 УПК РФ.

Кроме того, в случае необходимости суд, арбитражный суд вправе приостановить производство по де-

лу (ч. 4 ст. 1, абз. 2 ст. 216 ГПК РФ, ч. 5 ст. 3, п. 4 ст. 144 АПК РФ, ч. 4 ст. 2, п. 4 ч. 1 ст. 191 КАС РФ), если лица, участвующие в деле, лишены возможности присутствовать в судебном заседании в связи с принимаемыми ограничительными мерами по противодействию распространению новой коронавирусной инфекции.

Если по поступившему в суд уголовному делу или при рассмотрении судом уголовного дела возникли обстоятельства, исключающие возможность участия обвиняемого, подсудимого в судебном разбирательстве, судья (суд) приостанавливает производство по делу (ст. 238, ч. 3 ст. 253 УПК РФ).

Сложность рассмотрения дела в условиях распространения на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции может являться основанием для продления срока рассмотрения дела председателем суда, заместителем председателя суда, председателем судебного состава (ч. 6 ст. 154 ГПК РФ, ст. 141 КАС РФ), председателем арбитражного суда (ч. 2 ст. 152 АПК РФ).

При этом вопрос о необходимости отложения разбирательства дела, приостановлении производства по делу, продлении срока рассмотрения дела должен решаться судом, арбитражным судом, в производстве которого находится дело, самостоятельно применительно к каждому конкретному делу с учетом необходимости соблюдения сроков рассмотрения дела судом соответствующей инстанции и разумного срока судопроизводства (ст. 6¹ ГПК РФ, ст. 6¹ АПК РФ, ст. 10 КАС РФ, ст. 6¹ УПК РФ).

С учетом обстоятельств дела, мнений участников судопроизводства и условий режима, введенного в субъекте Российской Федерации, суд вправе самостоятельно принять решение о рассмотрении в период действия ограничительных мер, связанных с противодействием распространению новой коронавирусной ин-

фекции, дела, не относящегося к категории безотлагательных.

Кроме того, в соответствующий период рассматриваются дела в порядке приказного и упрощенного производства, дела, всеми участниками которых заявлены ходатайства о рассмотрении дела в их отсутствие, если их участие при рассмотрении дела не является обязательным, жалобы, представления, подлежащие рассмотрению без проведения судебного заседания, вопросы, для рассмотрения которых не требуется проведение судебного заседания (например, вопросы об исправлении описок, опечаток, явных арифметических ошибок в решении суда).

Судам также необходимо учитывать, что по обособанному ходатайству лица, участвующего в административном деле, о неотложном рассмотрении и разрешении административного дела суд принимает необходимые меры для незамедлительного рассмотрения административного дела любой категории, в том числе административного дела, производство по которому было приостановлено (ч. 4 ст. 135 КАС РФ).

Вопрос 2. Каковы правовые последствия того, что последний день процессуального срока приходится на день, объявленный нерабочим Указами Президента Российской Федерации от 25 марта 2020 г. № 206 и от 2 апреля 2020 г. № 239?

Ответ. Согласно ч. 3 ст. 107 ГПК РФ, ч. 3 ст. 113 АПК РФ, ч. 2 ст. 92 КАС РФ в сроки, исчисляемые днями, не включаются нерабочие дни, если иное не установлено названными Кодексами. В соответствии с ч. 2 ст. 108 ГПК РФ, ч. 4 ст. 114 АПК РФ, ч. 2 ст. 93 КАС РФ в случае, если последний день процессуального срока приходится на нерабочий день, днем окончания срока считается следующий за ним рабочий день.

В силу ч. 2 ст. 128 УПК РФ если окончание срока приходится на нерабочий день, то последним днем срока считается первый следующий за ним рабочий день, за исключением случаев исчисления сроков при задержании, содержании под стражей, домашнем аресте, запрете определенных действий и нахождении в медицинской организации, оказывающей медицинскую помощь в стационарных условиях, или в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях.

Указы Президента Российской Федерации от 25 марта 2020 г. № 206 “Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней” и от 2 апреля 2020 г. № 239 “О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)” в части установления нерабочих дней не распространяются на федеральные органы государственной власти, которым предписано лишь определить численность федеральных государственных служащих, обеспечивающих функционирование этих органов.

В связи с изложенным нерабочие дни в период с 30 марта по 30 апреля 2020 г. включаются в процессуальные сроки и не являются основанием для переноса дня окончания процессуальных сроков на следующий за ними рабочий день.

Вопрос 3. Применяется ли правило, установленное ч. 4 ст. 114 АПК РФ, в случае, если последний день срока, на который отложено судебное разбирательство, приходится на нерабочий день (в том числе объявленный таковым в целях обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения)?

Ответ. В соответствии с ч. 4 ст. 114 АПК РФ в случаях, если последний день процессуального срока приходится на нерабочий день, днем окончания срока считается первый следующий за ним рабочий день.

В случае, если последний день срока, на который отложено судебное разбирательство, приходится на нерабочий день (в том числе объявленный таковым в целях обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения), то с учетом ч. 4 ст. 114 АПК РФ днем окончания такого срока считается первый следующий за ним рабочий день.

В целях реализации права лиц, участвующих в деле, на доступ к справедливому судебному разбирательству арбитражному суду следует применительно к ч. 1 ст. 118 АПК РФ в первый рабочий день продлить срок отложения судебного разбирательства с назначением нового судебного заседания и на основании ч. 9 ст. 158 АПК РФ известить лиц, участвующих в деле, и других участников арбитражного процесса о времени и месте нового судебного заседания в порядке и сроки, предусмотренные главой 12 АПК РФ.

Отложение судебного разбирательства на срок, который превышает срок, установленный положениями ст. 158 АПК РФ, производится в случае необходимости при наличии соответствующих оснований, а срок, на который судебное разбирательство отложено, не включается в срок рассмотрения дела, установленный ч. 1 ст. 152 АПК РФ (ч. 3 ст. 152 АПК РФ).

Вопрос 4. Являются ли ограничительные меры, введенные в субъектах Российской Федерации в целях противодействия распространению новой коронавирусной инфекции (COVID-19), и (или) соблюдение гражданином режима самоизоляции основанием для восстановления процессуальных сроков?

Ответ. Право на судебную защиту лиц, участвующих в деле, лишенных в силу объективных обстоятельств возможности совершить необходимое процессуальное действие в установленные законом сроки, обеспечивается посредством восстановления процессуальных сроков (ст. 112 ГПК РФ, ст. 117 АПК РФ, ст. 95 КАС РФ, ст. 130 УПК РФ).

К уважительным причинам пропуска процессуального срока относятся как обстоятельства, связанные с личностью заинтересованного лица (тяжелая болезнь, беспомощное состояние, неграмотность и т.п.), так и обстоятельства, объективно препятствовавшие лицу, добросовестно пользующемуся своими процессуальными правами, реализовать свое право в установленный законом срок (п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 июня 2012 г. № 13 “О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции”, п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 декабря 2012 г. № 29 “О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции”).

Таким образом, сроки совершения процессуальных действий лицами, участвующими в деле, пропущенные в связи с введенными мерами по противодействию распространению новой коронавирусной инфекции (ограничение свободного перемещения граждан, их нахождения в общественных местах, государственных и иных учреждениях, изменения в работе органов и организаций), подлежат восстановлению в соответствии с процессуальным законодательством.

II. Вопросы применения гражданского законодательства

Вопрос 5. Каковы правовые последствия того, что последний день срока исполнения обязательства или срока исковой давности приходится на день, объявленный нерабочим Указами Президента Российской Федерации от 25 марта 2020 г. № 206 и от 2 апреля 2020 г. № 239?

Ответ. В соответствии со ст. 193 ГК РФ, если последний день срока приходится на нерабочий день, днем окончания срока считается ближайший следующий за ним рабочий день. При этом следует принимать во внимание, что из правила ст. 193 ГК РФ возможны исключения, когда из условий обязательства следует, что оно должно быть исполнено именно в выходной день или в определенный день вне зависимости от того, является он рабочим или нерабочим.

Нерабочие дни, объявленные таковыми Указами Президента Российской Федерации от 25 марта 2020 г. № 206 и от 2 апреля 2020 г. № 239, относятся к числу мер, установленных в целях обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, направленных на предотвращение распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19), и не могут считаться нерабочими днями в смысле, придаваемом этому понятию Гражданским кодексом РФ, под которым понимаются выходные и нерабочие праздничные дни, предусмотренные ст.ст. 111, 112 ТК РФ.

Иное означало бы приостановление исполнения всех без исключения гражданских обязательств в течение длительного периода и существенное ограничение гражданского оборота в целом, что не соответствует целям названных Указов Президента Российской Федерации.

Кроме того, установление нерабочих дней в данном случае являлось не всеобщим, а зависело от различных условий (таких как направление деятельности хозяйствующего субъекта, его местоположение и введенные в конкретном субъекте Российской Федерации ограничительные меры в связи с объявлением режима повышенной готовности). Помимо этого, дополнительные ограничительные меры по передвижению по территории, определению круга хозяйствующих субъектов, деятельность которых приостанавливается, могут вводиться на уровне субъектов Российской Федерации (п. 2 Указа Президента Российской Федерации от 2 апреля 2020 г. № 239).

Равным образом, в сложившейся ситуации необходимо учитывать, что в ряде случаев в дни, объявленные Указами Президента Российской Федерации нерабочими, препятствия к исполнению обязательства могут отсутствовать, а в ряде случаев такое исполнение полностью невозможно.

С учетом изложенного при отсутствии иных оснований для освобождения от ответственности за неисполнение обязательства (ст. 401 ГК РФ) установление нерабочих дней в период с 30 марта по 30 апреля 2020 г. основанием для переноса срока исполнения обязательства исходя из положений ст. 193 ГК РФ не является.

Если в условиях распространения новой коронавирусной инфекции будут установлены обстоятельства непреодолимой силы по правилам п. 3 ст. 401 ГК РФ, то необходимо учитывать, что наступление таких обстоятельств само по себе не прекращает обязательство должника, если исполнение остается возможным после того, как они отпали (п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 “О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств”). В этом случае должник не несет ответственности за просрочку исполнения обязательства, возникшую вследствие наступления обстоятельств непреодолимой силы, а кредитор не лишен права отказаться от договора, если вследствие просрочки, возникшей в связи с наступлением обстоятельств непреодолимой силы, он утратил интерес в исполнении. При этом должник не отвечает перед кредитором за убытки, причиненные просрочкой исполнения обязательств вследствие наступления обстоятельств непреодолимой силы (п. 3 ст. 401, п. 2 ст. 405 ГК РФ).

Если кредитор не отказался от договора, должник после отпадения обстоятельств непреодолимой силы применительно к пп. 1, 2 ст. 314 ГК РФ обязан исполнить обязательство в разумный срок.

Аналогичным образом следует определять и момент окончания срока исковой давности при отсутствии предусмотренных ст. 202 ГК РФ оснований для его приостановления.

Вопрос 6. Возможно ли восстановление сроков исковой давности (ст. 205 ГК РФ) или их приостановление (п. 1 ст. 202 ГК РФ) в связи с введенными ограничениями и (или) мерами самоизоляции?

Ответ. Нормами ст.ст. 196, 197 ГК РФ установлены общий и специальные сроки исковой давности.

Основания приостановления течения срока исковой давности урегулированы ст. 202 ГК РФ, п. 1 которой закреплено, что течение срока исковой давности приостанавливается, если предъявлению иска препятствовало чрезвычайное и непредотвратимое при данных условиях обстоятельство (непреодолимая сила).

Течение исковой давности приостанавливается при условии, что названные обстоятельства возникли или продолжали существовать в последние шесть месяцев срока исковой давности, а если этот срок равен шести месяцам или менее шести месяцев, в течение срока исковой давности (п. 2 ст. 202 ГК РФ). Соответственно, если до истечения срока исковой давности осталось более шести месяцев, то обстоятельство непреодолимой силы не приостанавливает его течение. Оно станет основанием приостановления течения исковой давности, если сохранится до названного в п. 2 ст. 202 ГК РФ срока (шесть месяцев до момента истечения).

Со дня прекращения обстоятельств непреодолимой силы течение срока исковой давности продолжается. Остающаяся часть срока исковой давности, если она составляет менее шести месяцев, удлиняется до шести месяцев, а если срок исковой давности равен шести месяцам или менее шести месяцев, до срока исковой давности (п. 4 ст. 202 ГК РФ).

Критерии, при которых то или иное обстоятельство может быть признано обстоятельством непреодолимой силы, установлены ст. 401 ГК РФ, разъяснения по применению которой даны Верховным Судом РФ в постановлении Пленума от 24 марта 2016 г. № 7 “О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств”.

Исковая давность применяется только по заявлению стороны в споре (п. 2 ст. 199 ГК РФ) или третьего лица, если в случае удовлетворения иска к ответчику возможно предъявление ответчиком к третьему лицу регрессного требования или требования о возмещении убытков (п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 43 “О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности”).

Бремя доказывания наличия обстоятельств, свидетельствующих о приостановлении течения срока исковой давности, возлагается на лицо, предъявившее иск (п. 12 названного постановления).

Таким образом, вопросы, связанные с отнесением тех или иных обстоятельств к обстоятельствам непреодолимой силы, подлежат исследованию судом исключительно при наличии заявления ответчика или третьего лица и возражений истца, представляющего доказательства наличия таких чрезвычайных и непредотвратимых обстоятельств, которые бы препятствовали предъявлению данного иска.

При этом представляемые лицом, участвующим в деле, в подтверждение своих доводов доказательства

подлежат оценке судом по общим правилам, установленным ст. 67 ГПК РФ, ст. 65 АПК РФ.

С учетом изложенного вывод о наличии или отсутствии обстоятельства непреодолимой силы, препятствовавших своевременному обращению в суд за защитой нарушенного права, может быть сделан судом только с учетом фактических обстоятельств конкретного дела.

Таким образом, принятые органами государственной власти и местного самоуправления меры, направленные на предотвращение распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19), если они препятствовали предъявлению иска, при наличии перечисленных выше условий могут быть признаны основанием для приостановления сроков исковой давности.

В случае, если обстоятельства непреодолимой силы не установлены, срок исковой давности исчисляется в общем порядке.

Невозможность для граждан в условиях принимаемых ограничительных мер обратиться в суд с иском (режим самоизоляции, невозможность обращения в силу возраста, состояния здоровья или иных обстоятельств через интернет-приемную суда или через организацию почтовой связи) может рассматриваться в качестве уважительной причины пропуска срока исковой давности и основания для его восстановления на основании ст. 205 ГК РФ.

Вопрос 7. Возможно ли признание эпидемиологической обстановки, ограничительных мер или режима самоизоляции обстоятельствами непреодолимой силы (п. 3 ст. 401 ГК РФ) или основанием прекращения обязательства в связи с невозможностью его исполнения (ст. 416 ГК РФ), в том числе в связи с актом государственного органа (ст. 417 ГК РФ), а если возможно — то при каких условиях?

Ответ. Пунктами 1 и 3 ст. 401 ГК РФ установлены различия между гражданами и лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, в основаниях освобождения от ответственности за нарушение обязательств.

Граждане могут быть освобождены от ответственности за нарушение обязательств при отсутствии вины, т.е. в ситуации, когда гражданин при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, принял все меры для надлежащего исполнения обязательства (п. 1 ст. 401 ГК РФ).

В соответствии с п. 3 ст. 401 ГК РФ, если иное не предусмотрено законом или договором, лицо, не исполнившее или ненадлежащим образом исполнившее обязательство при осуществлении предпринимательской деятельности, несет ответственность, если не докажет, что надлежащее исполнение оказалось невозможным вследствие непреодолимой силы, т.е. чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств.

Таким образом, ст. 401 ГК РФ устанавливает критерии, при которых то или иное обстоятельство может быть признано обстоятельством непреодолимой силы.

Верховным Судом РФ в постановлении Пленума от 24 марта 2016 г. № 7 “О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств” дано толкование содержащегося в Кодексе понятию обстоятельств непреодолимой силы.

Так, в п. 8 названного постановления разъяснено, что в силу п. 3 ст. 401 ГК РФ для признания обстоятельства непреодолимой силой необходимо, чтобы оно носило чрезвычайный, непредотвратимый при данных условиях и внешний по отношению к деятельности должника характер.

Требование чрезвычайности подразумевает исключительность рассматриваемого обстоятельства, наступ-

ление которого не является обычным в конкретных условиях.

Если иное не предусмотрено законом, обстоятельство признается непредотвратимым, если любой участник гражданского оборота, осуществляющий аналогичную с должником деятельность, не мог бы избежать наступления этого обстоятельства или его последствий, т.е. одной из характеристик обстоятельств непреодолимой силы (наряду с чрезвычайностью и непредотвратимостью) является ее относительный характер.

Не могут быть признаны непреодолимой силой обстоятельства, наступление которых зависело от воли или действий стороны обязательства, например, отсутствие у должника необходимых денежных средств, нарушение обязательств его контрагентами, неправомерные действия его представителей.

Из приведенных разъяснений следует, что признание распространения новой коронавирусной инфекции обстоятельством непреодолимой силы не может быть универсальным для всех категорий должников, независимо от типа их деятельности, условий ее осуществления, в том числе региона, в котором действует организация, в силу чего существование обстоятельств непреодолимой силы должно быть установлено с учетом обстоятельств конкретного дела (в том числе срока исполнения обязательства, характера неисполненного обязательства, разумности и добросовестности действий должника и т.д.).

Применительно к нормам ст. 401 ГК РФ обстоятельства, вызванные угрозой распространения новой коронавирусной инфекции, а также принимаемые органами государственной власти и местного самоуправления меры по ограничению ее распространения, в частности, установление обязательных правил поведения при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации, запрет на передвижение транспортных средств, ограничение передвижения физических лиц, приостановление деятельности предприятий и учреждений, отмена и перенос массовых мероприятий, введение режима самоизоляции граждан и т.п., могут быть признаны обстоятельствами непреодолимой силы, если будет установлено их соответствие названным выше критериям таких обстоятельств и причинная связь между этими обстоятельствами и неисполнением обязательства.

При этом следует иметь в виду, что отсутствие у должника необходимых денежных средств по общему правилу не является основанием для освобождения от ответственности за неисполнение обязательств. Однако если отсутствие необходимых денежных средств вызвано установленными ограничительными мерами, в частности запретом определенной деятельности, установлением режима самоизоляции и т.п., то оно может быть признано основанием для освобождения от ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств на основании ст. 401 ГК РФ. Освобождение от ответственности допустимо в случае, если разумный и осмотрительный участник гражданского оборота, осуществляющий аналогичную с должником деятельность, не мог бы избежать неблагоприятных финансовых последствий, вызванных ограничительными мерами (например, в случае значительного снижения размера прибыли по причине принудительного закрытия предприятия общественного питания для открытого посещения).

В п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ “О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств” разъяснено, что наступление обстоятельств непреодолимой силы само по себе не прекращает обязательство должника, если исполнение остается возможным после того, как они отпали. Кредитор не лишен права отка-

заться от договора, если вследствие просрочки, объективно возникшей в связи с наступлением обстоятельства непреодолимой силы, он утратил интерес в исполнении. При этом должник не отвечает перед кредитором за убытки, причиненные просрочкой исполнения обязательств вследствие наступления обстоятельства непреодолимой силы (п. 3 ст. 401, п. 2 ст. 405 ГК РФ).

Если обстоятельства непреодолимой силы носят временный характер, то сторона может быть освобождена от ответственности на разумный период, когда обстоятельства непреодолимой силы препятствуют исполнению обязательств стороны.

Таким образом, если иное не установлено законами, для освобождения от ответственности за неисполнение своих обязательств сторона должна доказать:

а) наличие и продолжительность обстоятельств непреодолимой силы;

б) наличие причинно-следственной связи между возникшими обстоятельствами непреодолимой силы и невозможностью либо задержкой исполнения обязательств;

в) непричастность стороны к созданию обстоятельств непреодолимой силы;

г) добросовестное принятие стороной разумно ожидаемых мер для предотвращения (минимизации) возможных рисков.

При рассмотрении вопроса об освобождении от ответственности вследствие обстоятельств непреодолимой силы могут приниматься во внимание соответствующие документы (заклучения, свидетельства), подтверждающие наличие обстоятельств непреодолимой силы, выданные уполномоченными на то органами или организациями.

Если указанные выше обстоятельства, за которые не отвечает ни одна из сторон обязательства и (или) принятие актов органов государственной власти или местного самоуправления привели к полной или частичной объективной невозможности исполнения обязательства, имеющей постоянный (неустранимый) характер, данное обязательство прекращается полностью или в соответствующей части на основании ст.ст. 416 и 417 ГК РФ.

Вопрос 8. Возможно ли признание эпидемиологической обстановки, ограничительных мер или режима самоизоляции основаниями для изменения или расторжения договора, а если возможно — то при каких условиях?

Ответ. Если иное не предусмотрено договором и не вытекает из его существа, такие обстоятельства, которые стороны не могли предвидеть при заключении договоров, могут являться основанием для изменения и расторжения договоров на основании ст. 451 ГК РФ, если при предвидении данных обстоятельств договор не был бы заключен или был бы заключен на значительно отличающихся условиях.

При этом по п. 4 ст. 451 ГК РФ изменение договора в связи с существенным изменением обстоятельств по требованию одной из сторон возможно лишь в исключительных случаях, когда расторжение договора противоречит общественным интересам либо повлечет для сторон ущерб, значительно превышающий затраты, необходимые для исполнения договора на измененных судом условиях. При удовлетворении иска об изменении условий договора судам необходимо указывать, каким общественным интересам противоречит расторжение договора либо обосновывать значительный ущерб сторон от расторжения договора.

Вместе с тем следует учитывать, что дополнительные права на отказ от договора либо изменение его условий могут быть предусмотрены как общими положениями об обязательствах, например, положениями ст. 328 ГК РФ, так и законодательством об отдельных

типах и видах договоров, например, положениями ст. 19 Федерального закона от 1 апреля 2020 г. № 98-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций”.

Последствия расторжения или изменения договора в таких случаях определяются на основании п. 3 ст. 451, а также п. 4 ст. 453 ГК РФ, если иное не установлено законом или иным правовым актом.

В частности, при нарушении исполнителем сроков выполнения работы, оказания услуги потребитель вправе отказаться от исполнения договора и потребовать возврата уплаченной им цены на основании ст. 28 Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 “О защите прав потребителей”. При отказе потребителя от исполнения договора о выполнении работ (оказании услуг) не в связи с его нарушением исполнителем потребитель вправе на основании ст. 32 названного Закона требовать возврата уплаченной им суммы за вычетом фактически понесенных исполнителем расходов, связанных с исполнением обязательств по данному договору.

III. Вопросы применения законодательства о банкротстве

Вопрос 9. Является ли достаточным основанием для возврата арбитражным судом заявления кредитора о признании должника банкротом включение должника в перечень лиц, на которых распространяется мораторий?

Ответ. Исходя из буквального содержания положений пп. 1 и 2 ст. 9¹ Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ “О несостоятельности (банкротстве)” (далее — Закон о банкротстве), в период действия моратория для возврата заявления кредитора о признании должника банкротом достаточным основанием будет включение должника в перечень лиц, на которых распространяется мораторий. Обстоятельства возникновения задолженности должника перед кредиторами (в том числе причины, по которым она возникла, связь с основанием для введения моратория), а также период ее возникновения правового значения не имеют.

На стадии принятия заявления к производству арбитражный суд проверяет соблюдение требований, предусмотренных процессуальным законодательством и Законом о банкротстве (ст. 42 Закона), обстоятельства, связанные с возникновением задолженности на данной стадии процесса судом не исследуются.

Вопрос 10. Подлежат ли выдаче исполнительные листы на основании судебных актов по имущественным взысканиям в отношении должников, на которых распространяется мораторий?

Ответ. Положения п. 3 ст. 9¹ Закона о банкротстве не исключают возможность рассмотрения в период действия моратория исков к должникам, на которых он распространяется.

В подп. 4 названной нормы указано, что исполнительное производство по имущественным взысканиям по требованиям, возникшим до введения моратория, приостанавливается (при этом не снимаются аресты на имущество должника и иные ограничения в части распоряжения имуществом должника, наложенные в ходе исполнительного производства).

Учитывая, что законодатель предусмотрел в моратории приостановление исполнительного производства, но при этом допустил сохранение арестов (в отличие от процедуры наблюдения — абз. 4 п. 1 ст. 63 Закона о банкротстве) можно сделать вывод, что исполнительные листы могут выдаваться судом. При этом в ходе исполнительного производства по данным исполнительным листам допустимо совершение действий по ограничению распоряжением имуществом должника,

предусмотренных законодательством об исполнительном производстве.

Вопрос 11. Подлежат ли восстановлению сроки, предусмотренные Законом о банкротстве, пропущенные в связи с возникновением обстоятельств, послуживших основанием для введения моратория?

Ответ. Принимая во внимание складывающуюся ситуацию, связанную с распространением на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции, и принятое Президентом Российской Федерации ряда мер, в числе которых объявление нерабочих дней и ограничение работы организаций (Указы Президента Российской Федерации от 25 марта 2020 г. № 206 и от 2 апреля 2020 г. № 239), судам следует иметь в виду, что восстановление сроков на предъявление кредиторами требований по делу о банкротстве и (или) признание соблюденными сроков на совершение иных действий по делу о банкротстве производится с учетом фактических обстоятельства каждого конкретного дела.

IV. Вопросы применения уголовного законодательства

Вопрос 12. Относятся ли обстоятельства распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) на территории Российской Федерации к обстоятельствам, представляющим угрозу жизни и безопасности граждан, на которые указано в примечании к ст. 207¹ УК РФ и в п. 2 примечаний к ст. 13.15 КоАП РФ?

Ответ. Да, относятся, поскольку распространение новой коронавирусной инфекции (COVID-19) на территории Российской Федерации в настоящее время повлекло и может еще повлечь человеческие жертвы, нанесение ущерба здоровью людей, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности населения, и на противодействие ее распространению направлены принимаемые меры по обеспечению безопасности населения и территорий.

Вопрос 13. Каковы критерии разграничения административной ответственности за правонарушения, предусмотренные чч. 9 и 10 ст. 13.15 КоАП РФ, и уголовной ответственности по ст. 207¹ УК РФ в случаях распространения физическим лицом в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях заведомо недостоверной информации о новой коронавирусной инфекции (COVID-19) под видом достоверных сообщений?

Ответ. Действия физического лица могут содержать признаки уголовно наказуемого деяния и квалифицироваться по ст. 207¹ УК РФ в случаях, когда они состоят в публичном распространении под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, в том числе об обстоятельствах распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) на территории Российской Федерации, и (или) о принимаемых в связи с этим мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств, и такое распространение заведомо ложной информации с учетом условий, в которых оно осуществляется, цели и мотивов совершаемых действий (например, для того, чтобы спровоцировать панику среди населения, нарушения правопорядка), представляет реальную общественную опасность и причиняет вред охраняемым уголовным законом отношениям в сфере обеспечения общественной безопасности. При этом публичный характер распространения заведомо ложной информации может проявляться не только в использовании для этого средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей, но и в распространении такой информации путем выступления на соб-

рании, митинге, распространения листовок, вывешивания плакатов и т.п.

Вопрос 14. Возможна ли уголовная ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации, указанной в диспозиции ст. 207¹ УК РФ, если оно совершено до вступления в силу Федерального закона от 1 апреля 2020 г. № 100-ФЗ, устанавливающего преступность этого деяния, но пресечено в период, когда указанная статья уже действовала? Наступает ли ответственность по ст. 207² УК РФ за публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, совершенное до вступления в силу Федерального закона от 1 апреля 2020 г. № 100-ФЗ, в случаях, когда последствия этих действий в виде причинения вреда здоровью человека, смерти человека или иные тяжкие последствия наступили после вступления его в силу?

Ответ. При решении вопроса о том, являются ли рассматриваемые действия уголовно наказуемыми, следует учитывать положения ст. 9 УК РФ, которым преступность и наказуемость деяния определяются уголовным законом, действовавшим во время совершения этого деяния (ч. 1), при этом временем совершения преступления признается время совершения общественно опасного действия (бездействия) независимо от времени наступления последствий (ч. 2).

Лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности за распространение заведомо ложной информации, указанной в диспозициях ст. 207¹ или ст. 207² УК РФ, если деяние этим лицом совершено до вступления в силу Федерального закона от 1 апреля 2020 г. № 100-ФЗ, т.е. до 1 апреля 2020 г., в том числе и в случаях, когда общественно опасные последствия, предусмотренные ст. 207² УК РФ, наступили в период действия нового уголовного закона. Если публичное распространение заведомо ложной информации начато до вступления в силу Федерального закона от 1 апреля 2020 г. № 100-ФЗ и продолжалось после установления уголовной ответственности, то уголовно наказуемыми могут быть признаны только те действия, которые были совершены в период начиная с 1 апреля 2020 г., при этом обязательным условием ответственности по ст. 207² УК РФ является наступление общественно опасных последствий, состоящих в причинной связи с такими действиями.

Вопрос 15. Можно ли отнести к общественно значимой информации применительно к диспозиции ст. 207² УК РФ информацию об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых в связи с этим мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств, являющуюся предметом преступления, предусмотренного ст. 207¹ УК РФ?

Ответ. По смыслу уголовного закона предмет преступления, предусмотренного ст. 207² УК РФ, является более широким по отношению к предмету преступления, предусмотренного ст. 207¹ УК РФ. В частности, согласно ч. 1¹ ст. 15³ Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” (в редакции от 3 апреля 2020 г.) общественно значимой признается информация, которая создает угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи.

Поэтому к общественно значимой информации может быть отнесена также информация об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасно-

сти граждан, и (или) о принимаемых в связи с этим мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств.

С учетом этого публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, о которой идет речь в примечании к ст. 207¹ УК РФ, повлекшее по неосторожности причинение вреда здоровью человека, смерть человека или иные тяжкие последствия, квалифицируется по соответствующей части ст. 207² УК РФ. Если в результате этих действий указанные последствия не наступили, содеянное надлежит квалифицировать по ст. 207¹ УК РФ.

Вопрос 16. Каковы критерии разграничения административной ответственности, предусмотренной чч. 10¹ и 10² ст. 13.15 КоАП РФ, и уголовной ответственности, предусмотренной ст.ст. 207¹ и 207² УК РФ?

Ответ. Такое разграничение следует проводить по субъекту правонарушения. Административная ответственность за деяния, предусмотренные чч. 10¹ и 10² ст. 13.15 КоАП РФ, установлена только для юридических лиц. Граждане, в том числе должностные лица, руководители юридического лица, при наличии в их действиях состава преступления, предусмотренного ст. 207¹ или ст. 207² УК РФ, могут быть привлечены к уголовной ответственности.

V. Вопросы применения законодательства об административных правонарушениях

Вопрос 17. В каких случаях граждане, должностные лица, лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, юридические лица подлежат привлечению к административной ответственности по ч. 1 ст. 20.6¹ КоАП РФ?

Ответ. Объективная сторона состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.6¹ КоАП РФ, выражается в невыполнении правил поведения при введении режима повышенной готовности на территории, на которой существует угроза возникновения чрезвычайной ситуации, или в зоне чрезвычайной ситуации, за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 ст. 6.3 названного Кодекса.

Правительство РФ устанавливает обязательные для исполнения гражданами и организациями правила поведения при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации (подп. “а²” ст. 10 Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ “О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера” (в редакции от 1 апреля 2020 г.)).

Такие Правила утверждены постановлением Правительства РФ от 2 апреля 2020 г. № 417 (далее — Правила).

Правила предусматривают, в том числе, что при введении режима повышенной готовности на территории, на которой существует угроза возникновения чрезвычайной ситуации, граждане обязаны выполнять законные требования должностных лиц, осуществляющих мероприятия по предупреждению чрезвычайных ситуаций; при угрозе возникновения чрезвычайной ситуации гражданам запрещается осуществлять действия, создающие угрозу собственной безопасности, жизни и здоровью, а также осуществлять действия, создающие угрозу безопасности, жизни и здоровью, санитарно-эпидемиологическому благополучию иных лиц, находящихся на территории, на которой существует угроза возникновения чрезвычайной ситуации (подп. “б” п. 3, подп. “в”, “г” п. 4 Правил).

Органы государственной власти субъектов Российской Федерации принимают в соответствии с федеральными законами законы и иные нормативные правовые акты в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций межмуниципального и ре-

гионального характера и обязательные для исполнения гражданами и организациями правила поведения при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации, а также с учетом особенностей чрезвычайной ситуации на территории субъекта Российской Федерации или угрозы ее возникновения во исполнение правил поведения, установленных в соответствии с подп. “а²” ст. 10 названного Федерального закона, могут предусматривать дополнительные обязательные для исполнения гражданами и организациями правила поведения при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации (подп. “б” п. 6 ст. 4¹, подп. “а”, “у”, “ф” п. 1 ст. 11 Федерального закона “О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера” (в редакции от 1 апреля 2020 г.)).

В развитие приведенных выше положений законодательства Российской Федерации в субъектах Российской Федерации приняты нормативные правовые акты в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, например: указ Мэра Москвы от 5 марта 2020 г. № 12-УМ “О введении режима повышенной готовности” (в ред. указа Мэра Москвы от 10 апреля 2020 г. № 42-УМ), постановление Губернатора Московской области от 12 марта 2020 г. № 108-ПГ “О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV) на территории Московской области” (в редакции постановления от 12 апреля 2020 г. № 178-ПГ) и др.

Граждане Российской Федерации обязаны соблюдать законы и иные нормативные правовые акты Российской Федерации, законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, выполнять установленные правила поведения при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации (ст. 19 Федерального закона “О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера” (в редакции от 1 апреля 2020 г.)).

Из анализа приведенных норм в их системной взаимосвязи следует, что граждане, должностные лица, лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, юридические лица подлежат привлечению к административной ответственности по ч. 1 ст. 20.6¹ КоАП РФ как за нарушение Правил, так и за нарушение обязательных, а также дополнительных обязательных для исполнения гражданами и организациями правил поведения при введении на территории субъекта Российской Федерации режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации.

Так, по ч. 1 ст. 20.6¹ КоАП РФ, например, подлежат квалификации действия физического лица, выразившиеся в нарушении подп. 3.2.4 п. 3.2 раздела 3, пп. 12.1, 12.3 раздела 12 указа Мэра Москвы от 5 марта 2020 г. № 12-УМ “О введении режима повышенной готовности” (в ред. указа Мэра Москвы от 10 апреля 2020 г. № 42-УМ), принятого в развитие положений Федерального закона “О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера”, или индивидуального предпринимателя, юридического лица, выразившиеся в нарушении подп. 3.2.1, 3.2.2, 3.2.3 п. 3.2 раздела 3 названного указа и др.

При этом судам необходимо учитывать, что нарушение подп. 2.3 п. 2 постановления Главного государственного санитарного врача РФ от 18 марта 2020 г. № 7 “Об обеспечении режима изоляции в целях предотвращения распространения COVID-2019” о выпол-

нении требования по изоляции в домашних условиях, а также подп. 3.2.4 п. 3.2 раздела 3 указа Мэра Москвы от 5 марта 2020 г. № 12-УМ “О введении режима повышенной готовности” (в ред. указа Мэра Москвы от 10 апреля 2020 г. № 42-УМ) о временном приостановлении посещения гражданами территорий общегородского значения, допущенное лицом, прибывшим на территорию Российской Федерации из иностранного государства, необходимо квалифицировать по ч. 2 ст. 6.3 КоАП РФ, которая является специальной по отношению к ч. 1 ст. 20.6¹ КоАП РФ.

При решении вопроса о назначении лицу, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 20.6¹ КоАП РФ, административного наказания конкретного вида и размера необходимо руководствоваться положениями главы 4 КоАП РФ и иметь в виду, что такое наказание должно отвечать требованиям пропорциональности, справедливости и соразмерности, индивидуализации административной ответственности, а также соответствовать целям предупреждения совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами.

Вопрос 18. Должностные лица каких органов имеют право составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 1 ст. 20.6¹ КоАП РФ?

Ответ. В соответствии с п. 18 ч. 5 и ч. 6⁴ ст. 28.3 КоАП РФ протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 1 ст. 20.6¹ КоАП РФ, вправе составлять:

— должностные лица, указанные в Перечне должностных лиц органов управления и сил единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, включая должностных лиц органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, имеющих право составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 20.6¹ КоАП РФ (утвержден распоряжением Правительства РФ от 12 апреля 2020 г. № 975-р);

— должностные лица органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, перечень которых утверждается высшим должностным лицом (руководителем высшего исполнительного органа государственной власти) субъекта Российской Федерации. Такие перечни установлены, например, указом Мэра Москвы от 4 апреля 2020 г. № 40-УМ “Об особенностях применения мер ответственности за нарушение организациями и индивидуальными предпринимателями режима повышенной готовности в городе Москве”, постановлением Губернатора Московской области от 12 марта 2020 г. № 108-ПГ “О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV) на территории Московской области” (в редакции от 4 апреля 2020 г.), указом Президента Республики Татарстан от 6 апреля 2020 г. № УП-224 “Об утверждении Перечня органов исполнительной власти Республики Татарстан и их должностных лиц, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях” и др.

Вопрос 19. Каков срок давности привлечения к административной ответственности по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 1 ст. 20.6¹ КоАП РФ?

Ответ. Административные правонарушения, ответственность за которые установлена ч. 1 ст. 20.6¹ КоАП РФ, являются длящимися.

В соответствии с ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ срок давности привлечения к административной ответственности

за совершение административных правонарушений, предусмотренных ч. 1 ст. 20.6¹ КоАП РФ, составляет 3 месяца и исчисляется с момента их обнаружения.

Вопрос 20. Какой субъект административной юрисдикции рассматривает дела об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 1 ст. 20.6¹ КоАП РФ, как определяются место рассмотрения указанных дел и место совершения правонарушения?

Ответ. Дела об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 1 ст. 20.6¹ КоАП РФ, рассматриваются судьями районных судов (ч. 1 ст. 23.1 КоАП РФ).

Дела об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 1 ст. 20.6¹ КоАП РФ, подлежат рассмотрению по месту совершения таких правонарушений. При этом местом совершения административных правонарушений данной категории является место их выявления.

В случае проведения по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 20.6¹ КоАП РФ, административного расследования такое дело рассматривается по месту нахождения органа, проводившего административное расследование (ч. 1 ст. 28.7, ч. 2 ст. 29.5 КоАП РФ).

Вопрос 21. Кому может быть назначено административное наказание в виде предупреждения за совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.6¹ КоАП РФ?

Ответ. Санкция ч. 1 ст. 20.6¹ КоАП РФ предусматривает предупреждение или наложение административного штрафа на граждан в размере от одной тысячи до тридцати тысяч рублей; на должностных лиц — от десяти тысяч до пятидесяти тысяч рублей; на лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, — от тридцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей; на юридических лиц — от ста тысяч до трехсот тысяч рублей.

Исходя из содержания названной нормы, административное наказание в виде предупреждения может быть назначено любому субъекту административного правонарушения (гражданину, должностному лицу, лицу, осуществляющему предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, юридическому лицу), предусмотренного названной нормой, в зависимости от конкретных обстоятельств дела об административном правонарушении.

Вопрос 22. Какая категория физических лиц подлежит привлечению к административной ответственности по ч. 2 ст. 6.3 КоАП РФ в связи с угрозой распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)?

Ответ. Частью 2 ст. 6.3 КоАП РФ установлена административная ответственность за нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, выразившееся в нарушении действующих санитарных правил и гигиенических нормативов, невыполнении санитарно-гигиенических и противоэпидемических мероприятий, совершенные в период режима чрезвычайной ситуации или при возникновении угрозы распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих, либо в период осуществления на соответствующей территории ограничительных мероприятий (карантина), либо невыполнение в установленный срок выданного в указанные периоды законного предписания (постановления) или требования органа (должностного лица), осуществляющего федеральный государственный санитарно-эпидемиологический надзор, о проведении санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий.

Перечень заболеваний, представляющих опасность для окружающих, утверждается Правительством

РФ исходя из высокого уровня первичной инвалидности и смертности населения, снижения продолжительности жизни заболевших.

Постановлением Правительства РФ от 31 января 2020 г. № 66 коронавирусная инфекция (2019-нCoV) внесена в Перечень заболеваний, представляющих опасность для окружающих.

Больные инфекционными заболеваниями, лица с подозрением на такие заболевания и контактировавшие с больными инфекционными заболеваниями лица, а также лица, являющиеся носителями возбудителей инфекционных болезней, подлежат лабораторному обследованию и медицинскому наблюдению или лечению и в случае, если они представляют опасность для окружающих, обязательной госпитализации или изоляции в порядке, установленном законодательством Российской Федерации (п. 1 ст. 33 Федерального закона от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ “О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения”).

При выявлении нарушения санитарного законодательства, а также при угрозе возникновения и распространения инфекционных заболеваний и массовых неинфекционных заболеваний (отравлений) должностные лица, осуществляющие федеральный государственный санитарно-эпидемиологический надзор, имеют право выдавать, в частности, гражданам предписания, обязательные для исполнения ими в установленные сроки, об устранении выявленных нарушений санитарно-эпидемиологических требований, о проведении дополнительных санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий, а также при угрозе возникновения и распространения инфекционных заболеваний, представляющих опасность для окружающих; главные государственные санитарные врачи и их заместители наделяются полномочиями выносить мотивированные постановления о госпитализации для обследования или об изоляции больных инфекционными заболеваниями, представляющими опасность для окружающих, и лиц с подозрением на такие заболевания, а также о проведении обязательного медицинского осмотра, госпитализации или об изоляции граждан, находившихся в контакте с больными инфекционными заболеваниями, представляющими опасность для окружающих (п. 2 ст. 50, подп. 6 п. 1 ст. 51 Федерального закона “О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения”).

Таким образом, федеральный законодатель допускает медицинское вмешательство, а также принятие изоляционных мер различного характера в отношении названных выше лиц в порядке, установленном законодательством.

Соблюдение санитарных правил, санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий является обязательным для граждан, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц (п. 3 ст. 39 Федерального закона “О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения”, пп. 1.3, 2.6, 2.7, 10.1, 13.1 санитарно-эпидемиологических правил СП 3.1/3.2.3146-13 “Общие требования по профилактике инфекционных и паразитарных болезней”, утвержденных постановлением врио Главного государственного санитарного врача РФ от 16 декабря 2013 г. № 65).

Исходя из толкования приведенных выше норм в их системной взаимосвязи, привлечению к административной ответственности по ч. 2 ст. 6.3 КоАП РФ в связи с угрозой распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) подлежат, в том числе, лица с подозрением на наличие заразной формы инфекционного заболевания, лица, прибывшие на территорию Российской Федерации, в том числе, из государства, эпидемически неблагополучного по коронавирусной инфекции, лица, находящиеся или находившиеся в контакте с источником заболевания, в контакте с лица-

ми с подозрением на наличие заразной формы инфекционного заболевания, лица, уклоняющиеся от лечения опасного инфекционного заболевания, нарушающие санитарно-противоэпидемический режим, а также не выполнившие в установленный срок выданное в периоды, указанные в ч. 2 ст. 6.3 КоАП РФ, законное предписание (постановление) или требование органа (должностного лица), осуществляющего федеральный государственный санитарно-эпидемиологический надзор.

Так, например, по ч. 2 ст. 6.3 КоАП РФ подлежат квалификации действия физического лица, прибывшего на территорию Российской Федерации и нарушившего требования по изоляции в домашних условиях (подп. 2.3 п. 2 постановления Главного государственного санитарного врача РФ от 18 марта 2020 г. № 7 “Об обеспечении режима изоляции в целях предотвращения распространения COVID-2019”).

Вместе с тем при решении вопроса о назначении лицу, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 2 ст. 6.3 КоАП РФ, административного наказания конкретного вида и размера необходимо руководствоваться положениями главы 4 КоАП РФ и иметь в виду, что такое наказание должно отвечать требованиям пропорциональности, справедливости и соразмерности, индивидуализации административной ответственности, а также соответствовать целям предупреждения совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами.

Вопрос 23. Должностные лица каких органов имеют право составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 2 ст. 6.3 КоАП РФ?

Ответ. Протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 2 ст. 6.3 КоАП РФ, вправе составлять:

- должностные лица органов внутренних дел (полиции) (п. 1 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ);
- должностные лица органов, осуществляющих федеральный государственный санитарно-эпидемиологический надзор (п. 19 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ).

Вопрос 24. Каков срок давности привлечения к административной ответственности по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 2 ст. 6.3 КоАП РФ?

Ответ. Административные правонарушения, ответственность за которые установлена ч. 2 ст. 6.3 КоАП РФ, являются длящимися.

В соответствии с ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ срок давности привлечения к административной ответственности за совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 6.3 КоАП РФ, составляет 1 год и исчисляется с момента обнаружения административного правонарушения.

Вопрос 25. Какой субъект административной юрисдикции рассматривает дела об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 2 ст. 6.3 КоАП РФ, как определяются место рассмотрения указанных дел и место совершения правонарушения?

Ответ. Дела об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 2 ст. 6.3 КоАП РФ, рассматриваются судьями районных судов (ч. 1 ст. 23.1 КоАП РФ).

Дела об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 2 ст. 6.3 КоАП РФ, подлежат рассмотрению по месту совершения таких правонарушений. При этом местом совершения административных правонарушений данной категории является место их выявления.

В случае проведения по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 2 ст. 6.3 КоАП РФ, административного расследования такое дело рассматривается по месту нахождения органа, проводив-

шего административное расследование (ч. 1 ст. 28.7, ч. 2 ст. 29.5 КоАП РФ).

Данная категория дел об административных правонарушениях может быть рассмотрена с использованием систем видеоконференц-связи (ст. 29.14 КоАП РФ).

Вопрос 26. Какой день является датой вступления в силу постановления по делу об административном правонарушении, если окончание срока обжалования такого постановления приходится на день, объявленный нерабочим Указами Президента Российской Федерации от 25 марта 2020 г. № 206 и от 2 апреля 2020 г. № 239?

Ответ. При исчислении соответствующих сроков вступления в силу постановлений по делам об административных правонарушениях следует учитывать, что в соответствии с ч. 2 ст. 4.8 КоАП РФ срок, исчисляемый сутками, истекает в 24 часа последних суток.

Постановление по делу об административном правонарушении вступает в законную силу после истечения срока, установленного для обжалования постановления по делу об административном правонарушении, если указанное постановление не было обжаловано или опротестовано (п. 1 ст. 31.1 КоАП РФ).

Такой срок установлен ч. 1 ст. 30.3 КоАП РФ, согласно которой жалоба на постановление по делу об административном правонарушении может быть подана в течение десяти суток со дня вручения или получения копии постановления.

Исходя из толкования ст.ст. 4.8, 30.3 и 31.1 КоАП РФ, постановление по делу об административном правонарушении вступает в законную силу, если оно не было обжаловано (опротестовано), по истечении десяти суток со дня вручения или получения копии постановления.

В том случае, если окончание срока обжалования постановления по делу об административном правонарушении приходится на день, объявленный нерабочим Указами Президента Российской Федерации от 25 марта 2020 г. № 206 и от 2 апреля 2020 г. № 239, последний день такого срока не переносится на следующий рабочий день, а постановление вступает в законную силу на следующий день, по истечении названного срока.

При этом судам необходимо учитывать, что, устанавливая срок для подачи жалобы (принесения протеста) на постановление по делу об административном правонарушении, названный Кодекс допускает возможность восстановления данного срока в случае его пропуска по ходатайству лица, подающего жалобу (приносящего протест).

Так, в случае пропуска срока, предусмотренного ч. 1 ст. 30.3 КоАП РФ, указанный срок по ходатайству лица, подающего жалобу, может быть восстановлен судьей или должностным лицом, правомочным рассматривать жалобу (ч. 2 ст. 30.3 КоАП РФ).

Ходатайство заявляется в письменной форме (ч. 2 ст. 24.4 КоАП РФ).

Учитывая, что иных требований к оформлению ходатайств по делам об административных правонарушениях, помимо предусмотренных в ч. 2 ст. 24.4 КоАП РФ, законодательство Российской Федерации об административных правонарушениях не предусматривает, ходатайство о восстановлении пропущенного срока может как содержаться в тексте жалобы на постановление по делу об административном правонарушении, так и быть подано в виде самостоятельного документа.

При этом ходатайство должно содержать указание на причины пропуска срока обжалования постановления по делу об административном правонарушении.

Уважительными причинами могут быть признаны обстоятельства, которые объективно препятствовали или исключали своевременную подачу жалобы, например, нахождение лица на лечении в медицинском учреждении, применение к лицу изоляционных мер различного характера в порядке, предусмотренном законодательством в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, или мер ограничительного характера, примененных в соответствии с законодательством о защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

*(Обзор утвержден Президиумом
Верховного Суда Российской Федерации
21 апреля 2020 г.)*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Серков П.П. (главный редактор), **Борисова Е.Е.**, **Горшков В.В.**, **Давыдов В.А.**, **Дзыбан А.А.**,
Журавлева Е.М., **Момотов В.В.**, **Нечаев В.И.**, **Петрова Т.А.**, **Пчелинцева Л.М.**, **Рудаков С.В.**,
Свириденко О.М., **Хаменков В.Б.**, **Хомчик В.В.**, **Шиловост О.Ю.**

**Государственное учреждение —
издательство “Юридическая литература”
Администрации Президента Российской Федерации**

Адрес редакции: 121069, г. Москва, ул. Малая Никитская, д. 19, стр. 1.
Телефоны: 495-691-57-40, 495-690-44-00.

За справками по вопросам подписки и распространения обращаться
по телефону 495-690-10-55.

E-mail: Yurizdat@gov.ru
<http://www.jurizdat.ru>

Подписано в печать 08.05.2020.
Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура “Таймс”. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5,58. Уч.-изд. л. 7,58. Тираж 8395 экз. Заказ 39-2020.

Отпечатано в ООО “СИНТЕРИЯ”.
109316, г. Москва, Волгоградский просп., д. 43, корп. 3, эт. 11, пом. XXVI, комн. 13К.
Телефон: 495-636-27-08.
E-mail: e.moiseeva@sinteria.ru
